

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 3

2020

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Виноградов Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изотуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

**«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

2020 г.

№ 3

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

Web site:

<http://vestnik.agpu.net/>

E-mail:

vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК-378
ББК-74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракелянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ветров Ю.П., Долгополова Л.В.

Особенности подготовки преподавателей вуза к использованию
тренинговых методов обучения 5

Даниленко С.Н., Спирина В.И.

Проектирование процесса профессионального самообразования учителя 13

Игнатуло И.Ф., Шаповалов В.К., Арутюнян М.М.

Моделирование экосистемы социально ориентированного
предпринимательского образования в университете 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Головлёв А.А.

Забытые страницы из прошлого города Грозного: женская община
во имя святой благоверной княгини Анны Кашинской 28

Дударев С.Л.

Новые исследования историков Северного Кавказа
по актуальным проблемам всеобщей и отечественной истории 38

Матвеев В.А.

Гражданская война в России 1917–1920 гг.: северокавказское преломление 48

Мурадова Ж.А.

Развитие народного образования на Черноморском побережье Кавказа
на рубеже XIX–XX вв. 65

Хлудова Л.Н., Галоян В.А.

Деятельность национальных общественных организаций
Кубанской области как институтов гражданского общества 72

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Бирюков И.Л., Нагапетова А.Г.

Исследование духопроявления в спортивной деятельности
на основе методологии Н.А. Бердяева 79

Кулакова Б.Э.

Социальная роль «нетрадиционных религий» в социокультурном
контексте общечеловеческих ценностей 90

Руденко А.М.

Социально-философская сущность музейной культуры и ее значение
в становлении исторического сознания 97

Цыганова Ю.С., Четверикова О.В.

Социокультурная динамика концепта: когнитивная лингвистика
о роли языка в обществе 106

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 113

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник

Армавирского государственного педагогического университета» 117

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

Vetrov Yu.P., Dolgopolova L.V.	
The Specifics of Preparing University Teachers to Use Training Teaching Methods	5
Danilenko S.N., Spirina V.I.	
Designing the Process of Professional Self-education of Teachers	13
Igropulo I.F., Shapovalov V.K., Arutyunyan M.M.	
Modeling the Ecosystem of Socially Oriented Business Education at the University	19

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Golovlyov A.A.	
The Forgotten Pages From the Past of Grozny: the Women Community Named After the Holy Right-believing Princess Anna of Kashin	28
Dudarev S.L.	
New Researches on the Actual Problems of General and National History by the North Caucasus Historians	38
Matveev V.A.	
The Civil War in Russia (1917–1920): North Caucasian Deflection	48
Muradova J.A.	
The Development of Public Education on the Black Sea Coast of the Caucasus at the Turn of the XIX–XX Centuries	65
Khludova L.N., Galoyan V.A.	
The Activities of National Public Organizations of Kuban Region as Institutions of Civil Society	72

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Biryukov I.L., Nagapetova A.G.	
The Study of Spirit Manifestation in Sports Activities Based on the Methodology of N.A. Berdyaev	79
Kulakova B.E.	
The Social Role of "Non-traditional Religions" in the Socio-cultural Context of Universal Human Values	90
Rudenko A.M.	
Socio-philosophical Essence of Museum Culture and Its Significance for the Formation of Historical Consciousness	97
Tsyganova Yu.S., Chetverikova O.V.	
The Socio-cultural Dynamics of Concepts: Cognitive Linguistics on the Role of a Language in Society	106
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	113
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	117

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.126

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТРЕНИНГОВЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

Ю.П. Ветров, Л.В. Долгополова

THE SPECIFICS OF PREPARING UNIVERSITY TEACHERS TO USE TRAINING TEACHING METHODS

Yu.P. Vetrov, L.V. Dolgopolova

Аннотация. В статье раскрываются особенности подготовки преподавателей вуза к использованию тренинговых методов обучения. С этой целью анализируются компетенции преподавателя и необходимость создания условия для их формирования и развития.

Abstract. The article describes the specifics of educating university teachers to use training teaching methods. For this purpose, the authors analyze the teacher's competencies and the necessity to provide conditions for their creation and development.

Ключевые слова: развитие профессиональной компетентности, тренинговые методы обучения, компонент готовности преподавателя.

Keywords: development of professional competence, training teaching methods, university teacher's readiness component.

Специфические психолого-педагогические особенности тренинга как метода интерактивного обучения предъявляют особые требования к соответствующей подготовке преподавателя. Возникающие пробелы преодолеваются чаще всего в рамках краткосрочных форм обучения (например, семинары) преподавателей, внутривузовских курсов повышения квалификации, а также самообразовательной деятельности.

Информационно-просветительский подход регламентирует создание условий, при которых преподаватели ограничиваются знакомством с научной и научно-методической литературой по проблеме. Предлагаемая для изучения информация не обладает практической направленностью, поэтому преподаватели не проявляют ни внешнюю, ни внутреннюю активность в освоении форм и методов интерактивного обучения, поиске наиболее эффективных условий их практического использования в учебном процессе.

В рамках практико-ориентированного подхода преподаватели должны знакомиться только с внешними, операциональными аспектами интерактивных методов, не изучая их теоретико-методологических оснований. Такой подход

порождает ситуативность, репродуктивность, необдуманность при использовании новых форм в рамках традиционного образовательного процесса.

Наиболее эффективным подходом является системно-интегративный, обеспечивающий формирование коммуникативной, социальной, аутопсихологической компетентности преподавателей, их профессионального самосознания, личностной рефлексии, индивидуальной системы конструктивных способов педагогического взаимодействия.

Данный подход позволяет обеспечить не только овладение преподавателями актуальных знаний об интерактивных формах и методах обучения, новых способов педагогической деятельности, но и формирование конструктивной личностной позиции в процессе его развития как личности и профессионала.

Зачастую обучение преподавателей в условиях краткосрочной подготовки или курсов повышения квалификации проходит на теоретическом уровне, хотя очевидно, что освоение интерактивных методов обучения, в том числе тренинга, только через изучение научной и методической литературы, прослушивания лекций практически невозможно, поскольку преподаватели должны обязательно получить собственный образовательный опыт, почувствовать на себе следствия и возможности реального педагогического взаимодействия. В ином случае формирование у преподавателей представлений о потенциале тренинговых методов обучения будут противоречить с профессиональными установками и другими неосознаваемыми регуляторами поведения, которые уже сформированы в процессе собственной профессиональной деятельности. Здесь проявляется опасность дискредитации тренинговых методов обучения преподавателями, личностно или профессионально не готовыми к работе в новых условиях, которые характеризуются сложностью и напряженностью во взаимодействии с группой, основаны на подлинном сотрудничестве, взаимной критичности, открытости, уважении и требовательности. В лучшем случае происходит «вкрапление» фрагментов методов тренингового обучения в традиционную систему и, естественно, не приводит к желаемым педагогическим результатам.

Среди значимых условий формирования положительной мотивации учения по программам повышения квалификации можно выделить осознание слушателем ближайших и конечных целей обучения, понимание значимости получаемых знаний для совершенствования индивидуальной профессиональной практики, эмоциональную включенность в осваиваемый учебный материал, профессиональную направленность учебной деятельности, наличие творческих заданий, создающих проблемные ситуации, «познавательный психологический климат в группе» [3].

Групповое обучение в системе повышения квалификации, при адекватной позиции преподавателя, создает дополнительную мотивацию учебно-познавательной деятельности, актуализируя потребности в признании, уважении, внимании со стороны коллег.

Исходя из этой позиции, основное ударение в подготовке преподавателей вуза к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе должно быть сделано на применении форм и методов такого обучения в рамках повышения квалификации и иных форм подготовки. Необходимо выстраивать такое обучение преподавателей, содержание которого будет адекватно тем потребностям, нуждам, проблемам, которые присутствуют у данного контингента слушателей.

Поэтому разработке процесса подготовки преподавателей к использованию тренинговых методов обучения необходимо начинать с мониторинга их педагогической компетентности, что позволит выявить затруднения в освоении тренинговых методов обучения: их характер, уровень осознанности, причины возникновения. Научно-методическая рефлексия полученных результатов даст возможность обозначить запрос на содержание образовательной программы для данной группы слушателей и сформировать содержательный компонент.

Иными словами, для того, чтобы построить процесс подготовки преподавателей к использованию тренинговых методов обучения, необходимо определить наиболее важные для этого компетенции преподавателя и создать условия для их формирования и развития.

Преподаватель современного вуза должен иметь объемный «портфель компетенций», характеризующих его как личность, как члена общества, как специалиста в конкретной научной и педагогической сферах деятельности. Определение желаемого арсенала личностных качеств преподавателя, по сути, является инструментом, который ни в коем случае не должен восприниматься в качестве жёсткой нормы, замыкающей в перечень требований личностную и профессиональную индивидуальность преподавателя. Однако наличие такого инструмента позволит достаточно результативно и оперативно решить стратегические задачи по развитию профессиональной компетентности преподавателя [4] и актуальные задачи, связанные с подготовкой преподавателя к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе вуза, причём как на индивидуальном, так и на организационном уровне.

Учитывая, что компетентность преподавателя формируется в профессионально-педагогической деятельности, то вполне обоснованным является выделение следующих видов психолого-педагогической компетентности:

1) виды психолого-педагогической компетентности преподавателя, связанные с реализацией профессионально-специфических функций: дидактическая, воспитательная, дифференциально-психологическая, социально-психологическая;

2) виды психолого-педагогической компетентности преподавателя, связанные с реализацией управленческих функций: проектировочно-конструктивная, организационно-технологическая, коммуникативно-регуляционная, контрольно-оценочная, аналитико-рефлексивная;

3) виды психолого-педагогической компетентности преподавателя в зависимости от характера и сложности решаемых им психолого-педагогических задач: практическая, теоретическая, методологическая [2].

При этом Л.Н. Харченко указывает на то, что сформированность определенных компонентов профессиональной компетентности, которые наступают в результате не только приобретения преподавателем определенных знаний и умений, но в результате применения их на практике – это есть высшая степень готовности преподавателя вуза к профессиональной деятельности [5]. С.И. Зимин также считает, что компетенции – это в большей мере теоретический аспект готовности к деятельности (наличие теоретических знаний, знаний о способах деятельности), компетентность – наивысший уровень готовности, который достигается при наличии опыта применения компетенции [1].

Опираясь на данные выводы ученых, можно предположить, что готовность к деятельности обеспечивается сформированными компетенциями, является следствием соответствующего обучения, подготовки. Иными словами, можно утверждать, что понятие «профессиональная компетентность» коррелирует с понятием «готовность к профессиональной деятельности» (Н.Н. Лобанов, В.А. Сластенин, С.И. Зимин, Л.Н. Харченко и др.), соответственно, компетенции преподавателей вуза, которые необходимы им для погружения в тренинговую деятельность, развиваемые в рамках целенаправленной подготовки к использованию тренинга в учебно-воспитательном процессе вуза, формируют готовность к использованию тренинговых методов обучения в образовательной деятельности.

Мотивационно-ценностный компонент готовности преподавателя к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе вуза проявляется через профессионально-гуманистическую направленность личности учителя. Данный компонент включает в себя: осознанность ценности тренинговых методов обучения в вузовском образовании, приоритетность саморазвития личности студента, принятие творческого характера преподавания в вузе, осмысленность ценностей и принятие значимости профессионального самосовершенствования.

Когнитивный компонент готовности преподавателя к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе вуза включает в себя всю совокупность знаний, необходимых преподавателю для организации со студентами тренинговой деятельности. Это не только знания теории и методологии проведения тренинга, но и знания теории и технологии организации интерактивного обучения, основ тренинговой работы в группе, технологий создания тренинговой группы, тренинговых методов и техник из различных подходов психологии и обучения, особенности групповой динамики в тренинге и т. д. Поэтому критериальными показателями сформированности данного компонента являются: наличие знаний, их личностный смысл, умение применить знания на практике, умение самостоятельно расширять данные

знания и стремление к познанию нового по проблеме использования тренинговых методов обучения в вузе.

В отношении готовности преподавателя к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе вуза можно выделить следующие уровни знания:

- общеметодологический уровень включает в себя знания о наиболее общих принципах построения вузовского образования и, в частности, личностно-развивающего, личностно-деятельностного и компетентностно ориентированного обучения;

- общетеоретический уровень охватывает совокупность знаний по организации тренинговой деятельности в процессе преподавания своей дисциплины, иных форм взаимодействия со студентами (предмет и объект данной работы, основные понятия, границы, технологии, методы, формы и средства и пр.);

- практический уровень знаний представляет собой результат познания механизмов и способов организации тренинговой деятельности в учебно-воспитательном процессе вуза.

Действенно-практический компонент готовности преподавателя к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе вуза включает в себя совокупность внешне наблюдаемых умений и навыков в области организации тренинговой работы. Критериальным показателем сформированности данного компонента служит наличие умений преобразовывать учебные задачи в задания и упражнения тренинга; структурировать содержание учебных материалов в соответствии с методом тренингового обучения; адаптировать структуру и требования тренинга и иных используемых методов интерактивного обучения к задачам и содержанию учебно-воспитательного процесса, разрабатывать задания и упражнения с учетом особенностей тренинга и времени его выполнения, критериев оценки участия студентов в тренинге, применять методы анализа конкретных ситуаций, разные виды дискуссий и методы круглого стола на аудиторных занятиях, разные методы и упражнения активизации учебной деятельности студентов, разыгрывания ролей на учебных занятиях; применять технологии оценки результатов обучения в тренинге, адаптировать способы оценки результатов тренинга в зависимости от уровня результатов и индивидуальных особенностей каждого студента; уметь создавать ситуации успеха для студентов, находить положительные стороны у каждого студента, строить взаимодействие с участниками тренинга, поддерживать у студентов позитивные силы развития компетенций и пр.

В общем виде данный компонент готовности предполагает наличие у преподавателей системы сформированных компетенций, проявляющихся в проектировании, адаптации, разработке, использовании, оценке тренинга в учебно-воспитательном процессе вуза.

Эмоционально-волевой компонент готовности преподавателя к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе

вуза включает в себя увлеченность данным направлением педагогической деятельности, положительный эмоциональный настрой в процессе подготовки к тренинговой деятельности; нацеленность на использование тренинговых методов обучения в вузе. Показатели компонента отражают также положительные эмоции, связанные с удовлетворенностью тренинговой деятельностью, стремлением к преодолению препятствий, возникающих в процессе подготовки к использованию тренинговых методов обучения, а также в процессе соответствующей работы.

Важно учитывать роль волевого аспекта готовности преподавателей к тренинговой деятельности. «Воля – способность к выбору деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления» [3, с. 74]. Волевой акт характеризуется не переживанием «я хочу», а переживанием «надо», «я должен», осознанием ценностной характеристики волевого действия. Волевой аспект поведения включает в себя этапы принятия решения, сопровождающиеся борьбой мотивов. В таком состоянии естественным образом может появиться желание изолироваться от проблем, в частности, дополнительной нагрузки от внедрения тренинговых методов обучения в уже сложившуюся методику преподавания дисциплин и практику взаимодействия со студентами. Поэтому такая сторона организации тренинговой работы предполагает сформированную у преподавателя способность преодолевать трудности, связанные с процессуальными характеристиками, пассивностью студентов и иных участников образовательного процесса, другими объективными факторами.

Таким образом, осуществленный анализ позволил нам выявить и обосновать мотивационно-ценностный, когнитивный, действенно-практический и эмоционально-волевой компоненты готовности преподавателей к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе вуза.

Изучение готовности преподавателя к использованию тренингов в образовательном процессе вуза предполагает также использование динамического подхода, позволяющего рассмотреть уровни сформированности данной готовности преподавателя по мере освоения им тренинговой деятельности.

На первом этапе изучения преподавателями тренинга как метода обучения – этапе адаптации – формируется нормативно-адаптивный уровень готовности. Он характеризуется выполнением деятельности на основе рекомендаций, предписаний, по освоенному образцу, с ориентацией на внешнюю сторону тренинга.

На следующем этапе становления готовности – пробы сил и активного применения элементов тренинга – формируется готовность репродуктивно-вариативного характера. Этот уровень характеризуется тем, что преподаватель в своей деятельности уже не просто воспроизводит усвоенные алгоритмы, но и пытается искать новые пути решения педагогических задач. Он стремится освоить способы применения тренинга в процессе преподавания, эффективные приемы психологического влияния на студентов, натренировать недостающие качества.

По мере постижения тренинговых методов обучения у преподавателя, нацеленного на постоянное саморазвитие, формируется творческий уровень готовности. Он обеспечивает гибкое использование имеющихся знаний и умений для решения психолого-педагогических проблем, инновационную активность, которая проявляется в творческом использовании тренинговых методов, в авторских разработках, в изучении смежных наук и новаторского опыта, что способствует постоянному профессиональному обогащению. Он характеризуется глубоким осознанием и личностным принятием тренинга как эффективного метода обучения.

Таким образом, подготовка преподавателей вузов к использованию тренинговых методов обучения в образовательном процессе вуза должна обеспечивать их активное включение в моделируемое интерактивное профессионально-педагогическое взаимодействие, которое способно повысить интерес к тренинговым методам обучения, синтезировать теоретические педагогические, психологические, социально-педагогические знания с практическими действиями по использованию тренинговой деятельности в процессе преподавания дисциплин, развивать гибкость профессионального мышления, творческий подход к построению интерактивного учебного процесса, способствовать расширению профессионального кругозора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Змеев, С. И. Технология обучения взрослых : учебное пособие для студентов вузов / С. И. Змеев. – М. : Academia, 2002. – 126 с. – Текст : непосредственный.
2. Красинская, Л. Ф. Формирование психолого-педагогической компетентности преподавателя технического вуза в системе повышения квалификации : монография / Л. Ф. Красинская ; М-во трансп. Российской Федерации, Федеральное агентство ж.-д. трансп., Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Самарский гос. ун-т путей сообщ. – Самара : СамГУПС, 2009. – 241 с. – Текст : непосредственный.
3. Психология свойств личности : учебно-методическое пособие / А. И. Гебос. – Кишинев : Лумина, 1986. – 81 с. – Текст : непосредственный.
4. Ставринова, Н. Н. Компетентностная модель и личностные качества преподавателя высшей школы / Н. Н. Ставринова, Т. М. Захожая. – Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3 (18). – С. 125–131.
5. Харченко, Л. Н. Преподаватель современного вуза: компетентностная модель : монография / Л. Н. Харченко [и др.]. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 217 с.

REFERENCES

1. Zmeyer S. I. *Tekhnologiya obucheniya vzroslyh: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Adult Learning Technology: A Study Guide for University Students]. M., Academia, 2002. 126 p.
2. Krasinskaya, L. F. *Formirovanie psikhologo-pedagogicheskoy kompetentnosti prepodavatelya tekhnicheskogo vuza v sisteme povysheniya kvalifikacii* [The Formation of Psychological and Pedagogical Competence of a Teacher of a Technical University in the System of Advanced Training]. Samara, Samara State Transport University, 2009. 241 p.

3. Gebos A.I. *Psihologiya svoystv lichnosti: uchebno-metodicheskoe posobie* [Psychology of Personality Traits: A Study Guide]. Kishinev, Lumina, 1986. 81 p.

4. Stavrinova N. N. The competence model and personal qualities of a university teacher. *Vestnik Surgutskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta = The Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2012, No. 3 (18), pp. 125–131. (In Russian).

5. Kharchenko L.N. *Prepodavatel' sovremennogo vuza: kompetentnostnaya model'* [A Modern University Teacher: The Competence Model]. M., Direkt-Media, 2014. 217 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ветров, Ю. П. Особенности подготовки преподавателей вуза к использованию тренинговых методов обучения / Ю. П. Ветров, Л. В. Долгополова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 5–12.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vetrov Yu. P. The Specifics of Preparing University Teachers to Use Training Teaching Methods / Yu. P. Vetrov, L. V. Dolgopolova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 5–12. (In Russian).

УДК 37.041

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ УЧИТЕЛЯ**

С.Н. Даниленко, В.И. Спирина

**DESIGNING THE PROCESS
OF PROFESSIONAL SELF-EDUCATION OF TEACHERS**

S.N. Danilenko, V.I. Spirina

Аннотация. Статья посвящена проектированию процесса самообразования учителя. Выделены проблемы его реализации в современной практике. Рассматриваются границы внешнего воздействия на этот процесс, регулирующие его принципы, выделены и охарактеризованы этапы развития (вузовский, стажерский, профессионального становления, профессионализма), особенности реализации. Описано значение и виды мотивов, указывается на главенствующую роль внутренней осознанной потребности в саморазвитии.

Abstract. The article is devoted to the design of the process of teacher's self-education. The problems of its implementation in modern practice are highlighted. The authors consider the limits of external influence on this process, the principles governing it, identify and describe the stages of development (University, trainee, professional formation, professionalism), and features of its implementation. The meaning and types of motives are described, and the dominant role of the internal conscious need for self-development is indicated.

Ключевые слова: профессиональное самообразование, педагог, принципы, этапы, особенности реализации.

Keywords: professional self-education, teacher, principles, stages, features of implementation.

Универсализм стал ведущим принципом в профессиональной подготовке, современный специалист должен легко адаптироваться к изменениям профессиональной среды, к потребностям экономики, гибко реагировать на запросы работодателей, быть способным осваивать новые области деятельности. В связи с этим произошла переориентация образования на компетентностный подход, направленный на овладении обучаемым определенным набором общих способов деятельности [2]. К последним чаще всего относят готовность к самостоятельному решению проблем в различных сферах и видах деятельности, опыт самостоятельного разрешения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и других ситуаций, а также коммуникационные навыки, ценностные ориентации, развитые мыслительные операции – анализа, синтеза, сопоставления, обобщения и т. д., которые и составляют содержание современного образования. Все эти компоненты представлены в перечне компетенций в Федеральных государственных образовательных стандартах [5].

Реализация компетентного подхода в образовании, по сути междисциплинарного и системно-деятельностного, требует усиления практико-ориентированных и предметно-профессиональных аспектов в обучении, изменения значимости опыта и личностных смыслов.

Самообразование – одна из составляющих профессионального развития специалиста, его непрерывного образования, согласно современным требованиям [2]. Ленинское «учиться, учиться и учиться» – не лозунг, а девиз развивающейся личности, современной развивающейся в течение всей жизни личности, в том числе профессионально. Учитель как «даватель урока», раз и навсегда подготовивший набор конспектов, как «транслятор информации» с функцией ее обновления сегодня не просто не востребован, он невозможен, не нужен школе. И школа постепенно «выдавливает» таких учителей.

При рассмотрении дидактических основ самообразования возникает законный вопрос, если деятельность самообразования – «самодетельность», то как можно ее развивать извне. Е.И. Машбиц отмечает, что внешнее воздействие станет для субъекта деятельности решаемой задачей только при условии, что она имеет личностный смысл [3]. Приступая к решению, субъект часто «доопределяет» ее, подключая имеющиеся знания, умения, способности и пр., т. е. превращает ее в собственную задачу.

Необходимость самообразования «провоцируется» ситуациями профессионального неуспеха, неудовлетворенности в деятельности и ее результатах, в результате обнаружения интересных новых подходов к ее реализации, предлагаемых другими. Процесс самообразования уже работающих учителей начинается ими самостоятельно, а затем уже организуется и планируется извне. Если учитель не заинтересован в своем развитии, если он идет на курсы повышения квалификации только «по обязанности» (а именно так устроена сегодня система – обязательное повышение квалификации 1 раз в три года), то результаты будут неудовлетворительными. Именно так и происходит, когда для некоторых учителей главное – получить «корочку», и не посещать при этом занятия. Это говорит о том, что профессиональное развитие невозможно «рывками», оно должно быть непрерывным и курсы повышения квалификации – лишь его звено. В основе такого саморазвития и лежит самообразование.

Профессиональное самообразование базируется на тех же принципах, что и образование взрослых, но при этом с определенными акцентами. О.Я. Гилева, И.П. Шиманчик называют следующие принципы эффективного обучения взрослых [1, с. 603]:

- 1) принцип приоритетности самостоятельного обучения;
- 2) принцип совместной деятельности обучающегося с другими обучающимися и преподавателем в процессе обучения;
- 3) принцип использования положительного жизненного опыта, практических знаний, умений, навыков обучающегося в качестве базы обучения и источника присвоения новых знаний;

4) принцип корректировки опыта и личностных установок, препятствующих овладению новыми знаниями и способами деятельности;

5) принцип индивидуального подхода к обучению на основе личностных потребностей, с учетом социально-психологических характеристик личности, наличия свободного времени, финансовых ресурсов;

6) принцип элективности обучения, обеспечиваемой свободой выбора целей, методов, форм, сроков, места проведения и т. д.);

7) принцип рефлексивности как основы самооценки;

8) принцип практической значимости результатов обучения;

9) принцип актуальности результатов обучения;

10) принцип развития обучающегося.

В этом перечне нет самообразования, его можно было бы сделать одиннадцатым принципом. Однако мы считаем самообразование процессом и выделяем его специфические принципы:

- непрерывности – как самообразование «через всю жизнь», осознанная потребность в саморазвитии,

- преемственности, что предполагает содержательно-деятельностную связь с вузовской подготовкой, сохранение ценного опыта и его последующее пополнение,

- вариативности – как обеспечение возможности варьирования времени, содержания, путей реализации и пр.,

- открытости – в смысле выбора источников и способов поддержки,
- сочетания внутренних и внешних мотивов, т. е. внутренняя и внешняя стимуляция («мне нужно», «обществу, системе образования нужно»).

Эти принципы должны способствовать эффективному построению процесса и могут быть положены в основу его модели.

Рассмотрим сам процесс самообразования педагога. Начало формирования самообразовательных умений и мотивов приходится на вуз: именно там будущий учитель должен приобрести навыки самоанализа, поиска и обработки информации, адаптации новых методов и технологий к своему предмету и пр. [4]. Там же приобретается первый педагогический опыт, но в нем мало самостоятельности, лишь начав работать по специальности, учитель в полной мере осознает свои знания и умения, свои возможности, свою ответственность, свои способности преодолевать трудности и даже правильность выбора профессии.

В период стажерства, первые 2–3 года, формируется его инструментарий, особенности методики, предпочтения в выборе методов и технологий. На этом этапе педагог «собирает» себя, он уже понимает, что ему нужно и должен самостоятельно или под руководством наставника (это лучший вариант) найти те знания и методики, которые ему нужны. К сожалению, руководство школ часто отправляет начинающих учителей на курсы повышения квалификации (где часть работы слушатель выполняет самостоятельно), т. к. есть требования, чтобы была «бумага со словом ФГОС» или что-то подобное, ограничивая личный выбор

учителя-стажера. Более продуктивно было бы предоставить ему возможность пополнить свой, личный профессиональный инструментарий, т. к. базовые знания у него есть (или должны быть, но курсы этого не исправят). Начинаящий учитель вполне может найти подходящие курсы либо в системе повышения квалификации региона, либо в Интернете, актуализируя те навыки самостоятельной деятельности, самообразования, которые он получил в вузе.

Сформировавшийся учитель характеризуется определенной уверенностью в своих методах, их результативности, его энтузиазм в овладении новыми сторонами профессии (если он был) уже прошел, возможно возникновение безразличного отношения к самообразованию, особенно в том случае, когда накоплен собственный большой опыт. У педагога возникает ощущение, что он знает все, что нужно, что новые технологии – вовсе и не новые, и он ими владеет (часть технологий действительно обновленные и обобщенные известные методы, но для заметной части – это только кажется при поверхностном знакомстве). Именно на этом этапе необходима поддержка в организации рассматриваемого процесса самообразования – в виде круглых столов, семинаров, курсов повышения квалификации, научно-практических конференций (самостоятельная образовательная деятельность), в виде планирования индивидуальной траектории и т. п. В этом случае педагога нужно заинтересовать, стимулировать его внутреннюю мотивацию, но также мотивировать извне – не только обязыванием пройти курсы, а предоставляя возможность представить свой опыт широкому кругу коллег, на уровне региона или всероссийском. Учителя, участвующие в крупных форумах и конференциях, позже проявляют заинтересованность в профессиональном росте, у них активизируется стремление к творческому поиску, освоению и созданию нового. Важно на этом этапе подключить к повышению квалификации ученых, преподавателей вузов, которые знают самые актуальные подходы и методики и сами создают их. Кроме того, самообразование возможно в рамках исследовательской деятельности, помочь спланировать которую или вовлечь в которую могут вузовские преподаватели, ведущие научно-исследовательскую деятельность постоянно.

Важным направлением самообразования на всех этапах является общекультурное развитие, расширение кругозора, т. к. одним из направлений деятельности является просветительская, он должен суметь ответить на любой вопрос учащихся.

Таким образом, мы выделили три периода формирования компетенций профессионального образования:

- формирования базовых умений самообразования, приобретения начального опыта самообразования (период обучения в вузе или ссузе);
- выбора приоритетных направлений профессионального самообразования, приобретения актуального опыта самообразовательной деятельности (2–3 года после вуза);

- овладения технологией «самопостроения» в профессии, выработки собственных механизмов самообразования (период профессионального роста);
- разработка и реализация индивидуальной профессиональной самообразовательной траектории (период профессионализма).

Процесс профессионального самообразования учителя имеет характерные особенности:

- 1) всегда базируется на имеющихся знаниях и опыте, любые инновации описаны на профессионально понятном языке и потому встраиваются в имеющуюся систему знаний и умений;
- 2) ориентирован на решение актуальных практических проблем педагога, смыслодетерминирован;
- 3) наиболее эффективен при конгруэнтности интро- и экстравосприимчивости профессионализма личности, при адекватной самооценке;
- 4) основан на самопроектировании, в большей степени на интересе, чем на волевых усилиях;
- 5) представляет собой синергетическое единство учебной, методической и исследовательской деятельности педагога, способствующее развитию его профессиональных компетенций.

Одной из важных компетенций в настоящее время является компетенция самообразования – способность и готовность к самостоятельно организуемой субъектом деятельности освоения знаний и умений, удовлетворяющая его потребности в познании и личностном росте. Моделируя процесс самообразования учителя, следует помнить, что его результаты всегда внедряются в практику, изменяют профессиональную деятельность педагога (если нет прямой связи, есть косвенная).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилева, О. Я. Дополнительное профессиональное образование взрослых: принципы и особенности / О. Я. Гилева, И. П. Шиманчик. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 3(3). – С. 603–605.
2. Коджаспирова, Г. М. Культура профессионального самообразования педагога : пособие / Г. М. Коджаспирова ; под ред. Ю. М. Забродина. – М., 1994. – 344 с. – Текст : непосредственный.
3. Машбиц, Е. И. Психологические основы управления учебной деятельностью : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.07 / Е. И. Машбиц ; АПН СССР НИИ общ. и пед. психологии. – М., 1989. – 43 с. – Текст : непосредственный.
4. Соколова, И. Б. Организационно-педагогические условия самообразования будущих учителей : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / И. Б. Соколова ; Армавирский гос. пед. ин-т. – Брянск, 2000. – 203 с. – Текст : непосредственный.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). – URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/94>. – Текст : электронный.

6. Pekrun, R. Self-concepts: Educational Aspects // N. J. Smelser, P. B. Baltes (Eds.). International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. – N. Y. : Pergamon Press, 2001. – P. 13799–13803.

7. Shilova, V. Social-ecological Self-education of a Future Teacher / V. Shilova, V. Shilova. – Текст : электронный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 4. – С. 58–60. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5425>.

REFERENCES

1. Gileva O.Ya., Shimanchik I.P. Continuing professional education for adults: principles and features. Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2010, vol. 12, No. 3(3), pp. 603–605. (In Russian).

2. Kodzhaspirova G.M. Kultura professionalnogo samoobrazovaniya pedagoga: posobiye [The culture of professional self-education of a teacher: manual]. M., 1994. 344 p.

3. Mashbits E.I. Psikhologicheskiye osnovy upravleniya uchebnoy deyatel'nost'yu [Psychological Bases of Educational Activity Management]. Author's abstract of doctoral thesis. M., 1989. 43 p.

4. Sokolova I.B. Organizatsionno-pedagogicheskiye usloviya samoobrazovaniya budushchikh uchiteley [Organizational-Pedagogical Conditions for Self-Education of Future Teachers]. Candidate's thesis. Armavir, 2000. 203 p.

5. Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 44.03.01 Pedagogicheskoye obrazovaniye (uroven bakalavriata) [Federal State Educational Standard of Higher Education in the Field of Training 44.03.01 Pedagogical Education (Bachelor's Level)]. Available at: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/94>.

6. Pekrun R. Self-concepts: Educational Aspects. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. N. Y., Pergamon Press, 2001, pp. 13799–13803.

7. Shilova V., Shilova V. Social-ecological self-education of a future teacher. Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy = International journal of Applied and Fundamental Research, 2010, No. № 4, pp. 58–60. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5425>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Даниленко, С. Н. Проектирование процесса профессионального самообразования учителя / С. Н. Даниленко, В. И. Спирина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 13–18.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Danilenko S. N., Spirina V. I. Designing the Process of Professional Self-education of Teachers / S. N. Danilenko, V. I. Spirina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 13–18. (In Russian).

УДК 378.4

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОСИСТЕМЫ
СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УНИВЕРСИТЕТЕ**

И.Ф. Игропуло, В.К. Шаповалов, М.М. Арутюнян

**MODELING THE ECOSYSTEM
OF SOCIALLY ORIENTED
BUSINESS EDUCATION
AT THE UNIVERSITY**

I.F. Igropulo, V.K. Shapovalov, M.M. Arutyunyan

Аннотация. Формирование общества знаний и смена технологического уклада вызывают структурные изменения и институциональные преобразования во всех сферах социально-экономической деятельности, в том числе в университетском образовании. Современные университеты становятся драйверами социально-экономического инновационного развития регионов, включая кадровое обеспечение развития социального предпринимательства. Отмечается, что накопленный опыт социально-предпринимательского образования требует научного анализа и обобщения.

В статье рассмотрен потенциал экосистемного подхода к социально ориентированному предпринимательскому образованию. Рассматривая моделирование как метод познавательно-преобразовательной деятельности, авторы выявляют последовательность моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования как совокупности взаимосвязанных этапов: концептуально-методологического, целеориентационного, аналитико-диагностического, преобразовательно-организационного, рефлексивно-прогностического. Обозначены задачи, решаемые на каждом этапе моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования. Представлены перспективы дальнейших исследований с учетом этнокультурных особенностей регионов Северного Кавказа.

Abstract. The formation of knowledge society and a change in the technological order cause structural changes and institutional transformations in all spheres of socio-economic activity including University education. Modern universities are becoming drivers of socio-economic innovative development of regions including staffing for the development of social entrepreneurship. It is noted that the accumulated experience of socially oriented business education requires a scientific analysis and generalization.

The article considers the potential of an ecosystem approach to socially oriented business education. Considering modeling as a method of cognitive-transformative activity the authors identify the sequence of modeling the ecosystem of socially oriented business education as a set of interrelated stages: conceptual-methodological, goal-oriented, analytical-diagnostic, transformational-organizational, and reflexive-predictive. The tasks that are solved at each stage of modeling the ecosystem of socially oriented business education are outlined. Prospects for further research are presented taking into account the ethno-cultural features of the North Caucasus regions.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социально ориентированное предпринимательское образование, экосистемный подход, образовательная экосистема, моделирование.

Keywords: social entrepreneurship, socially oriented business education, ecosystem approach, educational ecosystem, modeling.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 19-013-00551

«Этнокультурные детерминанты становления и развития экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования на Северном Кавказе в условиях глобальных и региональных вызовов»

Неравномерность и противоречивость развития социального предпринимательства в России и на Северном Кавказе, в частности, объясняется не только социально-экономическими причинами, но и недостаточным кадровым обеспечением этого специфического вида предпринимательской деятельности.

В отечественной и зарубежной педагогической науке представлен широкий круг исследования по проблемам социально-предпринимательского образования: интеграция формального и неформального образования в подготовке к социальному предпринимательству, разработка специализированных магистерских программ, использование новых образовательных форматов, реализация онлайн-курсов, технологии развития социально-предпринимательских компетенций студентов вузов и др. [1; 2; 3].

Концептуализация накопленного опыта социально-предпринимательского образования, его теоретический анализ предполагает опору на современные методологические подходы, адекватные сложности и многомерности исследуемого явления.

Высоким познавательным и преобразовательным потенциалом в исследовании многоаспектных проблем социально-предпринимательского образования обладает экосистемный подход, активно используемый в последнее десятилетие в различных областях научного знания, в том числе в педагогике [4; 5; 6].

В экологии экосистема чаще всего рассматривается как биологическая система, в состав которой входят живые организмы, среда их обитания и система связей между ними.

В 1993 году в научный оборот был введен термин «предпринимательская экосистема» [7, с. 75]. В начале 2010 г. термин «экосистема предпринимательского образования» получил широкое распространение в документах, раскрывающих идеи принципы национальных стратегий развития предпринимательского образования в большинстве зарубежных стран [8].

Современный этап развития университетского образования в мире детерминирует широкую научную дискуссию о трансформации целей, функций

и миссии университетов [9; 10]. Приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций» нацелен на усиление роли университетов в региональном социально-экономическом и инновационном развитии. По мнению ряда исследователей, именно университетам принадлежит важнейшая роль в определении направлений инновационного развития как базового элемента национальных инновационных систем [11]. Университетам предстоит стать ядром инновационных экосистем регионов присутствия, что предполагает специальные усилия по развитию инновационно-предпринимательской культуры и социального капитала вузов [12].

«Университет 4.0», модель которого активно разрабатывается в настоящее время, должен войти в состав национальной инновационной экосистемы как центр трансфера технологий и формирования креативной среды. К отличительным признакам такого университета относится не только хорошо развитая ресурсная база, но и собственная инновационная экосистема, в основе которой сетевое взаимодействие с партнерами и современные инновационные разработки [9]. Университеты в современных условиях берут на себя функции центра инновационной экосистемы, в том числе функцию создания сетевых взаимодействий и привлечения капитала [13].

Анализ научной литературы и накопленного эмпирического опыта позволил нам определить экосистему социально-предпринимательского образования как «...целостную совокупность структурно-функциональных компонентов, взаимосвязь между которыми определяется целями формирования и непрерывного обновления компетенций субъектов социального предпринимательства на основе ценностей их горизонтально-сетевого взаимодействия в открытой образовательной среде в контексте опережающего социально-инновационного развития локального и глобального сообщества» [14, с. 143].

С целью практической реализации идей экосистемного подхода к социально-предпринимательскому образованию представляется необходимым рассмотреть основные этапы моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования в вузе, что позволит университету реализовать свою социальную миссию в региональном инновационном развитии.

Потенциал метода моделирования в образовании можно рассматривать в двух основных аспектах: познавательном и преобразовательном. Познавательный аспект моделирования позволяет, прежде всего, описать экосистему социально ориентированного предпринимательского образования в вузе с точки зрения ее состава (набора компонентов, из которых она состоит), выявления структуры, т. е. способа связи между компонентами

экосистемы и, наконец, выявления функций экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования, т. е. тех изменений, которые она вызывает во внешней среде. Преобразовательный аспект моделирования позволяет выявить условия и механизмы развития экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования, перехода ее в качественно новое состояние.

Рассмотрим последовательность моделирования такой экосистемы и задачи, решаемые на каждом этапе моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования.

На *концептуально-методологическом этапе* моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования необходимо решить следующие задачи:

- обоснование современных методологических подходов к социально-предпринимательскому образованию;
- разработка вузовской концепции социально-предпринимательского образования;
- выявление экосистемных характеристик вузовской концепции социально-предпринимательского образования в контексте стратегического развития университета как центра регионального инновационного развития.

Целеориентационный этап моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования предполагает:

- операционализацию цели вузовской экосистемы социально-предпринимательского образования;
- выявление потенциала экосистемы социально-предпринимательского образования в развитии предпринимательской экосистемы университета;
- анализ потенциала экосистемы социально-предпринимательского образования в реализации социальной миссии университета и развитии региональной предпринимательской экосистемы.

В рамках *аналитико-диагностического этапа* моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования решаются следующие задачи:

- анализ вузовских образовательных программ по социальному предпринимательству, их концептуального структурно-содержательного и технологического единства;
- анализ взаимосвязи образовательных программ по социальному предпринимательству в системе формального и неформального образования, их соответствие лучшим отечественным и зарубежным образовательным практикам в области обучения социальному предпринимательству;

- анализ инфраструктурного обеспечения социально-предпринимательского образования в вузе;
- диагностика предпринимательской мотивации, предпринимательских намерений и компетенций студентов вуза;
- диагностика уровня готовности преподавателей к реализации социально ориентированных основных и дополнительных образовательных программ;
- анализ деятельности структурных подразделений университета, ориентированных на подготовку студентов к социальному предпринимательству, анализ характера взаимодействия этих структур между собой и с региональными социальными партнерами.

Преобразовательно-организационный этап моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования предполагает:

- уточнение принципов проектирования содержания социально ориентированного предпринимательского образования на уровне образовательной программы, учебной дисциплины, отдельного образовательного модуля;
- разработка образовательных программ для школьников, студентов колледжей и вузов региона, некоммерческих организаций и объединений;
- разработка интерактивных образовательных технологий, стимулирующих осознанное развитие компетенций студентов по успешному запуску социального стартапа от поиска и генерации идей, разработки бизнес-плана и выбора бизнес-модели до создания прототипа, фандрайзинга социального проекта;
- разработка научно-методического и учебно-методического обеспечения социально ориентированного предпринимательского образования;
- разработка системы психологической поддержки студентов и преподавателей вуза в развитии предпринимательского мышления, овладении предпринимательскими компетенциями, компетенциями командной работы по генерированию и реализации новых идей с учетом межкультурного регионального контекста;
- создание в университете особой предпринимательской среды на основе открытости, доверия, сотрудничества и взаимной поддержки преподавателей вуза, бизнес-партнеров университета, действующих социальных предпринимателей региона;
- проектирование системы организационно-управленческих механизмов по привлечению представителей бизнес-структур, органов власти, социально-ориентированных некоммерческих организаций, действующих социальных предпринимателей к экспертизе, реализации образовательных программ и менторскому сопровождению студенческих проектов социально предпринимательской направленности.

На рефлексивно-прогностическом этапе моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования решаются следующие задачи:

- разработка критериев и методов оценки эффективности реализуемых образовательных программ по социальному предпринимательству;
- разработка методики экспертной оценки системной интеграции целевого, содержательного, технологического, средового и субъектного компонентов социально-предпринимательского образования в вузе;
- проектирование методов прогнозирования новых направлений и форм взаимодействия субъектов социально-предпринимательского образования в вузе с внешней социокультурной для развития локального предпринимательского сообщества как ресурса регионального инновационного развития.

Реализация идей экосистемного подхода в процессе моделирования социально-предпринимательского образования в вузе позволяет перейти от отдельных разрозненных образовательных мероприятий по подготовке студентов и молодежи к социальному предпринимательству к системной реализации обучающей, мотивационной, ценностно-ориентационной, экспертно-консультативной и коммуникативной функциям экосистемы социально-предпринимательского образования в их единстве и взаимообусловленности.

Анализ полученных результатов позволяет обозначить перспективы дальнейших исследований:

- апробация методики моделирования экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования в различных регионах Северного Кавказа;
- научное обобщение опыта внедрения модельных вариантов экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования в предпринимательские экосистемы регионов Северного Кавказа;
- теоретико-методологическое обоснование системы мониторинга внедрения модельных вариантов экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шубенкова, Е. В. Российский опыт реализации образовательных программ в сфере социального предпринимательства / Е. В. Шубенкова, Е. А. Войкина, О. Д. Кукова. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2017. – № 5 (69). – С. 165–168.
2. Шаповалов, В. К. Педагогические условия обучения социальному предпринимательству в структуре магистерской подготовки педагогов / В. К. Шаповалов, И. Ф. Игропуло, М. М. Арутюнян. – Текст : непосредственный // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2018. – № 3 (66). – С. 183–191.
3. Сырямкина, Е. Г. Образовательный потенциал технологии «Социальный акселератор» для развития социально-предпринимательских компетенций студентов в классическом университете / Е. Г. Сырямкина, Т. Б. Румянцева, Е. Ю. Ливенцова. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 1. – С. 171–187.

4. Кускин, У. Картирование новой экосистемы образования / У. Кускин. – Текст : непосредственный // Вопросы образования. – 2018. – № 4. – С. 10–20.
5. Смирнова, Ю. А. Школа как развивающаяся образовательная экосистема : инновационный проект / Ю. А. Смирнова, С. И. Суйконен, С. В. Чопей. – Текст : непосредственный // Образование: ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. – 2018. – № 1. – С. 61–65.
6. Проектирование нового дизайна образовательной экосистемы вуза в контексте модернизации отечественного образования / А. А. Федоров, Г. А. Папуткова, Э. К. Самерханова [и др.]. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23. – № 1. – С. 52–63.
7. Moore J. F. Predators and Prey: The New Ecology of Competition / J. F. Moore // Harvard Business Review. – 1993. – Vol. 71. – No. 3. – P. 75–86.
8. Brush C. G. Exploring the concept of an entrepreneurship education ecosystem / C. G. Brush // Advances in the Study of Entrepreneurship, Innovation & Economic Growth: Innovative Pathways for University Entrepreneurship in the 21st Century. Emerald. – 2014. – P. 25–39.
9. Максимова, Т. Г. Исследование изменения роли ведущих университетов в национальной инновационной экосистеме при переходе к модели «Университет 4.0» / Т. Г. Максимова, Е. Л. Богданова, Г. М. Бровка. – Текст : непосредственный // Наука и техника. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 258–266.
10. The New Flagship University: Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy / Ed. by J. Douglass. London : Palgrave Macmillan, 2016. – 217 p.
11. Паникарова, С. В. Система высшего образования как драйвер инновационного развития страны / С. В. Паникарова, М. В. Власов, В. Драшкович. – Текст : непосредственный // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – № 24. – Т. 1. – С. 96–105.
12. Корчагина, И. В. Развитие «мягкой» компоненты инновационных экосистем опорных университетов / И. В. Корчагина. – Текст : непосредственный // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – Т. 24. – № 1. – С. 106–118.
13. Rücker Schaeffer P. Beyond Education: The Role of Research Universities in Innovation Ecosystems / P. Rücker Schaeffer, B. Fischer, S. Queiroz // Foresight and STI Governance. – 2018. – № 12. – P. 50–61.
14. Игропуло, И. Ф. Педагогические характеристики экосистемы социально-предпринимательского образования / И. Ф. Игропуло, В. К. Шаповалов, М. М. Арутюнян, О. В. Минкина. – Текст : непосредственный // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2019. – № 3(72). – С. 140–149.

REFERENCES

1. Shubenkova E.V., Vojkina E.A., Kuksova O.D. Russian experience in implementing educational programs in the field of social entrepreneurship. Vestnik Saratovskogo Gosudarstvennogo Social'no-ekonomicheskogo Universiteta = Bulletin of Saratov State Socio-Economic University, 2017, No. 5(69), pp. 165-168. (In Russian).

2. Shapovalov V.K., Igropulo I.F., Arutyunyan M.M. Pedagogical conditions for teaching social entrepreneurship in the structure of master's training of teachers. *Vestnik Severo-Kavkazskogo Federal'nogo Universiteta* = *Bulletin of North-Caucasus Federal University*, 2018, No. 3 (66), pp. 183-191. (In Russian).
3. Syryamkina E.G., Rumyanceva T.B., Livencova E.Yu. Educational potential of the "Social accelerator" technology for the development of social and entrepreneurial competencies of students at a classical University. *Obrazovanie i Nauka* = *Education and Science*, 2018, Vol. 20, No. 1, pp. 171-187. (In Russian).
4. Kuskin U. Mapping a new education ecosystem. *Voprosy Obrazovaniya* = *Education Issues*, 2018, No. 4, pp. 10-20. (In Russian).
5. Smirnova Yu.A., Sujkonen S.I., Chopey S.V. School as a developing educational ecosystem: an innovative project. *Vestnik LOIRO* = *Bulletin of LRIDE*, 2018, No. 1, pp. 61-65. (In Russian).
6. Fedorov A.A., Paputkova G.A., Samerhanova E.K., Filchenkova I.F., Demidova N.N. Designing of the educational ecosystem of the University in the context of modernization of domestic education]. *Psihologicheskaya Nauka i Obrazovanie* = *Psychological Science and Education*, 2018, vol. 23, No. 1, pp. 52-63. (In Russian).
7. Moore J. F. Predators and Prey: The New Ecology of Competition. *Harward Business Review*, 1993, vol. 71, No. 3, pp. 75-86.
8. Brush C. G. Exploring the concept of an entrepreneurship education ecosystem. *Advances in the Study of Entrepreneurship, Innovation & Economic Growth: Innovative Pathways for University Entrepreneurship in the 21st Century*. Emerald, 2014, pp. 25-39.
9. Maksimova T.G., Bogdanova E.L., Brovka G.M. Research of changes in the role of leading universities in the national innovation ecosystem during the transition to the "University 4.0 model". *Nauka i Tekhnika* = *Science and Technology*, 2020, vol. 19, No. 3, pp. 258-266. (In Russian).
10. The New Flagship University: Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy. Ed. by J. Douglass. London: Palgrave Macmillan, 2016, 217 p.
11. Panikarova S.V., Vlasov M.V., Drashkovich V. Higher education system as a driver of innovative development of the country. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz* = *University Management: Practice and Analysis*, 2020, No. 24, vol. 1, pp. 96-105. (In Russian).
12. Korchagina I.V. Razvitie «myagkoj» komponenty innovacionnyh ekosistem opornyh universitetov [The development of the "soft" component of innovative ecosystems of flagship universities. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz* = *University Management: Practice and Analysis*, 2020, vol. 24, No. 1, pp. 106-118. (In Russian).
13. Rucker Schaeffer P. Beyond Education: The Role of Research Universities in Innovation Ecosystems. *Foresight and STI Governance*, 2018, No. 12, pp. 50-61.

14. Igropulo I.F., Shapovalov V.K., Arutyunyan M.M., Minkina O.V. Pedagogical characteristics of the ecosystem of social and business education. Vestnik Severo-Kavkazskogo Federal'nogo Universiteta = Bulletin of North-Caucasus Federal University, 2019, No. 3 (72), pp. 140-149. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Игропуло, И. Ф. Моделирование экосистемы социально ориентированного предпринимательского образования в университете / И. Ф. Игропуло, В. К. Шаповалов, М. М. Арутюнян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 19–27.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Igropulo I. F., Shapovalov V. K., Arutyunyan M. M. Modeling the Ecosystem of Socially Oriented Business Education at the University / I. F. Igropulo, V. K. Shapovalov, M. M. Arutyunyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 19–27. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК 913.1 (470.661)

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ПРОШЛОГО ГОРОДА ГРОЗНОГО: ЖЕНСКАЯ ОБЩИНА ВО ИМЯ СЯТОЙ БЛАГОВЕРНОЙ КНЯГИНИ АННЫ КАШИНСКОЙ

А.А. Головлёв

THE FORGOTTEN PAGES FROM THE PAST OF GROZNY: THE WOMEN COMMUNITY NAMED AFTER THE HOLY RIGHT-BELIEVING PRINCESS ANNA OF KASHIN

A.A. Golovlyov

Аннотация. Статья повествует о забытых событиях в жизни досоветского Грозного, связанных с возникновением, развитием и принудительным закрытием в городе женской общины во имя святой благоверной княгини Анны Кашинской. Организатором женской общины в Грозном выступил настоятель городского Космо-Дамиановского собора протоиерей И.Г. Попов, приурочивший основание православной женской общины к году открытия в России мощей преподобной Анны Кашинской. Историческое событие – образование Грозненской женской общины – произошло в 1909 г. на восточной окраине городских земель, при участии начальника Грозненского округа Терской области полковника И.М. Стрижёва, городского архитектора А.В. Станевича и жителей города. В устройении женского монастыря протоиерею И.Г. Попову много помогали М.С. Знайченко, Е.И. Мигачёва и М.Н. Мищенко. При посещении Грозненской женской общины в 1912 г. архиепископом Владикавказским и Моздокским Питиримом, в ней насчитывалось 23 монахини, имелись два новых каменных одноэтажных здания и храм. К монастырю был прикомандирован иеромонах, он содержался на средства женской общины. Весной 1912 г. при содействии грозненского городского головы П.Г. Котрова к женскому монастырю был прирезан участок плодородной земли, и выдано соответствующее удостоверение. Осенью 1912 г. в женском монастыре начал служить собственный священник А. Карпов. Весной 1916 г. женская община в Грозном, по Указу Святейшего Правительствующего Синода, была официально учреждена. По информации старожилов Грозного, женский монастырь был уничтожен советской властью приблизительно в 1924–1926 гг.

Abstract. The article tells about the forgotten events in the life of the pre-Soviet Grozny connected with the emergence, development and forced closure of the city's women's community named after the Holy Right-believing Princess Anna of Kashin. The organizer of the women's community in Grozny was the Abbot of the city's Cosmo-Damian cathedral, Archpriest I.G. Popov, who founded the Orthodox women's community in conjunction with discovering the relics of Anna of Kashin in Russia. The historical event, the formation

of the Grozny women's community, occurred in 1909 on the eastern outskirts of the city's lands with the participation of the head of the Grozny district of the Terek region, Colonel I.M. Strizhyov, the city architect A.V. Stanevich and the inhabitants of the city. In the organization of the convent, Archpriest I.G. Popov was assisted by M.S. Znaychenko, E.I. Migachyova and M.N. Mishchenko. During the visit of the Grozny Women's Community in 1912 by the Archbishop of Vladikavkaz and Mozdok Pitirim there were 23 nuns, 2 new one-story stone buildings and a temple. A hieromonk was attached to the monastery, he was funded by the women's community. In spring 1912, with the assistance of Grozny's mayor P.G. Kotrov, the women's monastery was given a plot of fertile land, and a corresponding certificate was issued. In autumn 1912, in the convent a priest A. Karpov began to serve. In spring 1916, the women's community in Grozny, by the Decree of the Holy Governing Synod, was officially established. According to the information of the old residents of Grozny, the convent was destroyed by the Soviet authorities in approximately 1924–1926.

Ключевые слова: город Грозный, Грозненская женская община во имя святой благоверной княгини Анны Кашинской, Грозненский женский монастырь, Космо-Дамиановский собор, Михаило-Архангельская церковь, протоиерей И.Г. Попов, грозненский городской голова П.Г. Котров.

Keywords: Grozny, Grozny women's community named after the Holy Right-believing Princess Anna of Kashin, Grozny convent, Cosmo-Damian cathedral, Michael Archangel Church, Archpriest J.G. Popov, Grozny's mayor P.G. Kotrov.

В прошлом г. Грозного, которому в 2018 г. исполнилось 200 лет, имеется немало «белых пятен». Связано это с тем, что в царское время история города совсем не изучалась. В советское время местные историки изучали разнообразные вопросы, в основном не связанные с грозненской историей. Конкретные вопросы истории Грозного исследовали краеведы – музейные работники, журналисты, архитекторы. К их числу принадлежат Фирс Титович Синюхаев¹, Николай Иванович Штанько, Николай Шабанович Шабаньянц, Изабелла Залмановна Пономарёва, Михаил Петрович Севостьянов, Александр Александрович Ваксман, Алексей Иванович Казаков и др.

Одним из «белых пятен» истории Грозного является вопрос о женском православном монастыре. Факт существования в городе в досоветское и раннее советское время женского монастыря практически не был известен широкой научной общественности и абсолютному большинству горожан.

В краеведческих изданиях советского периода женский монастырь упоминается крайне редко. Краткие упоминания о нём обнаруживаются при описании событий гражданской войны в Грозном – в статье П. Маслова [2] и книге «Город Грозный» [3]. Как мы полагаем, в краеведческой литературе и памяти народной женский монастырь остался в почти полном забвении из-за его кратковременного существования. Кроме того, борющаяся с православием советская власть не только закрыла и снесла

¹ В 1916 г. – коллежский советник, преподаватель Тифлисской императора Александра I-го Благословенного мужской гимназии [1]. Представитель известного терского казачьего рода.

женский монастырь, но и всё сделала для того, чтобы стереть память о нём у жителей города.

В постсоветский период А.А. Горобец [4] написал памятную статью об основанной 100 лет назад в Грозном женской общине в честь святой благоверной великой княгини-инокини Анны Кашинской¹. Статья А.А. Горобца была подготовлена на основе заметок, напечатанных в майском и июньском номерах владикавказской газеты «Терские ведомости» за 1909 г. настоятелем грозненского Космо-Дамиановского собора, протоиереем Иоанном Григорьевичем Поповым. В кандидатской диссертации Ю.С. Храмцовой [5], посвящённой изучению религиозной жизни русского населения Терской области во второй половине XIX – начале XX в., упоминается Грозненская женская община во имя преподобной Анны Кашинской. Ю.С. Храмцова отмечает скудность сведений о Грозненской женской общине и сообщает о том, что обязанности начальницы женской общины временно исполняла крестьянка Самарской губернии Евдокия Мигачёва, а в марте 1913 г. устроительницей этой общины стала монахиня Досифея.

Вопрос о Грозненском женском православном монастыре заинтересовал автора статьи в конце 80-х гг. XX в., однако поиск сведений о монастыре в исторической литературе ничего не дал. Немного позже был произведён опрос старожилов, родившихся в Грозном в досоветский период. Старожилы подтвердили факт существования в городе женского монастыря, поскольку в детстве и молодости посещали этот монастырь и хорошо его запомнили.

Только спустя десятилетия, в номерах газеты «Владикавказские епархиальные ведомости», нам удалось найти печатные сведения о женском монастыре в Грозном. Поэтому в основу настоящей статьи легли опубликованные в этой церковной газете материалы, дополненные сведениями, записанными со слов грозненских старожилов, и данными картографических источников.

Православная женская община в Грозном образовалась 21 апреля 1909 г. [6]². В этот будний весенний день, в 10 час. 20 мин., по звону колокола Михаило-Архангельской церкви³, собравшийся вблизи церкви народ во главе с настоятелем грозненского Космо-Дамиановского собора протоиереем И.Г. Поповым направился крестным ходом, с хоругвями, к месту возведения монастыря. Крестное шествие проследовало на восточную окраину города. По пути к крестному ходу присоединялись группы горожан (среди них было много женщин с железными лопатами).

¹ От названия г. Кашин в тогдашней Тверской губернии (ныне в Тверской области).

² Все даты приведены по старому стилю.

³ Михаило-Архангельская церковь функционирует в Грозном и в наши дни. В советское время эта церковь была единственной в городе. Разрушенная до основания в период боёв за Грозный с чеченскими незаконными вооружёнными формированиями, теперь эта церковь полностью восстановлена.

Каким путём проследовала церковная процессия к месту будущего монастыря? Скорее всего, был выбран кратчайший и наиболее удобный путь. От Михаило-Архангельской церкви по ул. Воронцовской (в советское время эта улица стала называться пер. Интернациональным) участники крестного шествия вышли на ул. Графо-Евдокимовскую (ул. А.Д. Шерипова). По Графо-Евдокимовской ул. тогда проходил почтовый тракт, который раздваивался на восточной границе городских земель. Северная ветвь вела к слободе Ведено (Веденский тракт, или Веденская дорога), а южная ветвь – к слободе Шатой (Шатоевский тракт, или Воздвиженская дорога). Перейдя через полотно Петровской ветви Владикавказской железной дороги, крестное шествие поднялось на возвышение, расположенное с северной стороны от почтового тракта¹.

Около полудня к месту будущего женского монастыря приехал верхом в сопровождении милиционеров начальник Грозненского округа Терской области полковник Иван Максимович Стрижёв. Перед водосвятным молебном протоиерей И.Г. Попов выступил с речью. Он поведал, что Грозненская женская община основывается в знаменательный год, в который состоится открытие мощей преподобной Анны Кашинской – благоверной княгини, праведницы, скончавшейся в иночестве в 1338 г. Именно поэтому Грозненская женская община была наречена в честь святой праведницы Анны Кашинской.

После совершения водосвятного молебна и окропления места будущего монастыря святой водой, грозненский городской архитектор – а им тогда был Александр Владиславович Станевич – обмежевал участок земли. И.Г. Попов и И.М. Стрижёв первыми стали копать канаву, которая должна была ограничить монастырский участок. Затем эту работу продолжили более сотни мужчин и женщин. Вскоре начальник округа И.М. Стрижёв уехал, а дьякон с церковными святынями возвратился в Михаило-Архангельскую церковь.

Протоиерей И.Г. Попов с народом продолжил окапывать небольшой монастырский участок, и к 16 часам он был окопан канавой. Грозненская городская управа обещала вскоре сделать прирезку земли [6].

Вот как в церковной газете описывалась территория, на которой был основан женский монастырь: «Местность – одна из лучших окрестностей города; возвышенный курган; у подножия его – овраг, который в недалеком будущем превратится в цветущий монастырский сад и огород (вода недалеко, можно провести канавой); за ним – полотно железной дороги; далее – кладбище и город весь, как на ладони; по другую сторону – огороды и сады местных мещан. Воздух здесь приятный; климат вообще здоровый. Для горожан – это будет наилучшее место для прогулки, которая освежит не только тело, но и душу» [6, с. 302]. Приведённое описание, разумеется, мало о чём поведаёт жителю Грозного позднего советского и постсоветского времени. Монастырский сад, огороды и сады грозненских мещан, как и кладбище, при советской

¹ Этой части царского почтового тракта в советское время соответствовала ул. Гудермесская.

власти ликвидировали. Единственное, что сохранилось до сих пор, – полотно бывшей Владикавказской железной дороги, по которой и сейчас можно проехать из Грозного в Гудермес и Махачкалу.

Для того чтобы определить современное место, где в прошлом находился женский монастырь, обратимся к воспоминаниям старожилов. Родившаяся в 1898 г. в Грозном, на Щебелиновке, Екатерина Даниловна Калугина утверждала, что женский монастырь располагался недалеко от братского кладбища жителей Грозного, погибших в гражданскую войну (то есть недалеко от Комсомольского парка). Рядом с монастырём в прошлом располагались сады (их отобрали у владельцев и вырубili в 1929 г.), проходила Веденская дорога, на которой находился конный казачий пост. Иван Львович Леонтьев, родившийся в 1915 г. в Грозном, на Разбегайловке, уверенно размещал женский монастырь на нынешней ул. Гойгова, вблизи Шинковального (ныне Октябрьского консервного) завода¹. В памяти И.Л. Леонтьева запечатлелась ситуация, когда в окрестностях женского монастыря уже не было огородов и садов, а простиралась выжженная степь, в которой произрастало только держи-дерево, и через которую проходила пыльная дорога.

Вернёмся снова ко дню основания женской общины. Об этом историческом событии из Грозного были отправлены две телеграммы: во Владикавказ, епископу Владикавказскому и Моздокскому Агапиту, и в Кашин – настоятелю Воскресенского собора протоиерею Иоанну Андреевичу Аменитскому. В ответ были получены телеграммы с благословением новоучреждённой женской общины. Кашинский протоиерей И.А. Аменитский обещал изготовить большую икону преподобной Анны, чтобы освятить её в день открытия мощей, а настоятель грозненского собора протоиерей И.Г. Попов пообещал приехать за освящённой иконой.

Предприимчивому и деятельному грозненскому протоиерею И.Г. Попову в устройении женского монастыря помогали Мария Стефановна Знайченко, Евдокия Игнатьевна Мигачёва и Мария Нестеровна Мищенко.

В последующие апрельские дни на место будущего монастыря из станицы Ильинской перевезли старую деревянную церковь, а из станицы Ермоловской – деревянный дом. Церковь и дом пожертвовали для женского монастыря сунженские станичники. В фонд монастыря стали поступать денежные пожертвования. Согласно плану подрядчика строительных работ, к осени 1909 г. должны быть устроены церковь и трапезная с кельей и кухней. Одна грозненская мещанка за собственный счёт собиралась построить в монастыре келью и выкопать для него колодец [6].

В июле 1909 г. протоиерей И.Г. Попов ездил в Кашин на открытие мощей святой Анны. Из Кашина протоиерей привёз в Грозный две частицы

¹ Место, где в прошлом располагался монастырь, в настоящее время находится в Октябрьском районе Грозного – как мы полагаем, вблизи пересечения улиц Гойгова и Филатова.

святых мощей, а две иконы, освящённые на мощах святой Анны, отправил в Грозный железной дорогой. Для встречи икон 19 июля два крестных хода, вышедшие от Космо-Дамиановского собора и Михаило-Архангельской церкви, прибыли на железнодорожную станцию Грозный. Сюда же прибыл наряд воинской музыки. Обе иконы были уже убраны цветами. Большую икону установили на специальные носилки [4]. Объединённый крестный ход под звуки музыки направился по ул. Бульварной в Грозненской станице и по ул. Александровской в черте города (в советское время обе улицы были названы пр. С. Орджоникидзе) к главному грозненскому храму – Космо-Дамиановскому собору.

По пути к Космо-Дамиановскому собору хор певчих, вместе с народом, поочерёдно с музыкой, исполнял молебный запев святой Анне. Собор встретил крестный ход трезвоном своих колоколов. Начались религиозные церемонии: вечерня, общенародный молебен святой Анне с акафистом преподобному Серафиму и молитвой святой Анне [4].

На следующий день протоиерей И.Г. Попов, до утрени, прикрепил к иконам медные позлащённые ковчежцы со стеклянными отверстиями, в которые были вложены частицы святых мощей. После утрени, при большом стечении народа, крестным ходом, под звон колоколов, обе иконы были доставлены в Михаило-Архангельскую церковь. Надо полагать, из собора процессия вышла сначала на ул. Александровскую, затем свернула на ул. Дундуковскую (пр. Революции) и по Кузнецкому пер. (Гвардейская ул.) и старому деревянному мосту (бетонный Романовский мост еще не существовал) через р. Сунжу прибыла на ул. Дворянскую (пр. В.И. Ленина), на пересечении которой с ул. Воронцовской находилась Михаило-Архангельская церковь.

В Михаило-Архангельской церкви была совершена литургия. После вечерни большую икону перенесли на временное хранение в городской Космо-Дамиановский собор – она предназначалась для церкви будущего женского монастыря. Меньшая икона осталась в Михаило-Архангельской церкви [4].

Почти через 3 года после основания, в Грозненской женской общине во имя святой благоверной княгини Анны Кашинской побывал архиепископ Владикавказский и Моздокский Питирим, обозревавший церкви Владикавказской епархии [7]. К этому времени Аннинская община насчитывала 23 насельницы, занимавшие два новых каменных одноэтажных здания. Насельницы женской обители возглавлялись рясофорной послушницей сестрой Евдокией¹. В женской обители имелся храм (в котором хранились сосуды, пожертвованные Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной), но не было монастырского священника. Поэтому Владикавказский Свято-Троицкий мужской монастырь откомандировал в грозненскую обитель иеромонаха,

¹ Вероятно, той самой Евдокией Игнатьевной Мигачёвой, о которой упоминалось выше.

а женская община обеспечила его квартирой и ежемесячным окладом в 25 рублей.

К середине апреля 1912 г. решился вопрос о прирезке к женскому монастырю участка земли, обещанного Грозненской городской управой. По этому поводу грозненский городской голова Павел Григорьевич Котров в письме от 2 апреля 1912 г. за № 1428 на имя архиепископа Владикавказского и Моздокского Питирима сообщил следующее: «По получении Вашего досточтимого письма от 23 февраля с. г. за № 742, мною внесен в очередное заседание Думы на 16 марта с. г. с благоприятным заключением Городской Управы, вопрос об отводе в ведение женской общины в г. Грозном участка городской земли в количестве трех десятин, с выдачею на это удостоверение; в виду же несостоявшихся подряд двух заседаний Думы, настоящий вопрос по 89 ст. Городского полож. представлен господину Начальнику Терской области на утверждение с благоприятным заключением Управы и по утверждении будет выдано надлежащее удостоверение» [7, с. 242]. В результате к женской общине во имя святой праведницы Анны Кашиной был присоединён участок весьма удобной для обработки земли, расположенный вблизи места, где намечалось строительство железнодорожной станции Грозный-2.

Осенью 1912 г. Грозненская женская община обрела собственного священника. В газете «Владикавказские епархиальные ведомости» сообщалось о том, что 12 ноября 1912 г. состоявший на псаломщической вакансии священник станицы Ермоловской Афанасий Карпов был определён на священническое место к Грозненской женской общине, впредь до утверждения этой общины [8]. Дело в том, что основанная в 1909 г. женская община ещё не была утверждена высочайшим церковным начальством.

Кроме А. Карпова, в Грозненской женской общине одно время (с 7 мая по 8 октября 1915 г.) служил священник Константин Богусловский [9; 10], переведённый в общину из с. Колубакинского. К сентябрю 1916 г. при церкви Грозненской женской общины имелось свободное священническое место [11], которое чуть позже занял Феодор Диковский. Однако к середине сентября Ф. Диковский был освобождён от обязанностей священника женской общины, так как написал прошение о своём переводе в действующую армию [12].

В самом конце царского периода истории Грозненская женская община была утверждена на высочайшем уровне. Сначала, по Указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод заслушал рапорт Преосвященного Антонина, епископа Владикавказского и Моздокского, от 30 июня 1915 г. за № 2418, с ходатайством об учреждении в Грозном женской общины [13]. Затем, в соответствии с Указом Святейшего Синода, в Грозном была официально учреждена женская община. В официальном документе от 24 марта 1916 г. сообщалось: «...Святейший Синод определяет: в городе

Грозном на участке земли, отведенном городским управлением, учредить женскую общину, с таким числом сестер, какое община в состоянии будет содержать на собственные средства...» [14, с. 678].

Фатальную роль в жизни Грозненского женского монастыря сыграла советская власть, утвердившаяся на Тереке в 1920 г. По свидетельству И.Л. Леонтьева, женский монастырь уничтожили в 1924 г., а по сообщению Анастасии Никоноровны Чичеровой (родившейся в Грозном в 1911 г.) – примерно в 1925–1926 гг. Таким образом, монастырь просуществовал всего 15–17 лет.

По информации Анны Афанасьевны Юрьевой, родившейся в 1905 г. в Грозном и в детстве посещавшей женский монастырь, после разграбления монастыря монахини одно время жили в доме подрядчика Кустова.

Каким же Грозненский женский монастырь запомнился старожилам города? По Е.Д. Калугиной, при женском монастыре была кирпичная церковь, заметная с Веденского тракта. Монастырь был обнесён кирпичным забором (деньги на постройку которого пожертвовал дядя Е.Д. Калугиной). В монастыре находился кирпичный дом, в котором постоянно жили монахини. Е.Д. Калугина помнила, как монахини в 12 часов ночи устраивали молебен и 3 раза ходили вокруг церкви. По словам А.А. Юрьевой, монахини были искусными рукодельницами. И.Л. Леонтьев и А.Н. Чичерова, также как и Е.Д. Калугина, утверждали, что женский монастырь был сооружён из кирпича.

Горожане приходили в монастырь на Рождество и Пасху, на спас. По выходным дням жители близлежащих грозненских слободок (Щебелиновки, Разбегайловки и др.) посылали своих дочерей в монастырь для безвозмездной работы по его благоустройству. В женском монастыре святили и служили молебны (например, служили молебны в периоды жары и засухи, чтобы начался дождь). Ходили с хоругвями. Монастырь охранялся сторожем.

В 2019 г. исполнилось 110 лет со времени основания Грозненской женской обители в честь святой преподобной инокини Анны Кашинской – приюта невинных, кротких, трудолюбивых и богобоязненных монахинь. Будем надеяться, что рано или поздно наступит благодатное время, когда историческая справедливость восторжествует, и Грозненский женский монастырь, преступно уничтоженный борцами с православной верой, будет восстановлен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кавказский календарь на 1917 год / под ред. Н. П. Стельмашука. – Тифлис : Типография Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1916. – Текст : непосредственный.
2. Маслов, П. На участках особого фронта / П. Маслов. – Текст : непосредственный // Стодневные бои в Грозном : сборник исторических очерков и воспоминаний. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1959. – С. 70–72.
3. Город Грозный : популярные очерки истории / сост. А. И. Казаков. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1984. – 190 с. – Текст : непосредственный.

4. Горобец, А. А. К 100-летию основания женской общины Анны Кашинской в Грозном / А. А. Горобец. – Текст : непосредственный // Православная Осетия. – 2009. – № 5. – С. 6.
5. Храмцова, Ю. С. Религиозная жизнь русского населения Терской области (вторая половина XIX – начало XX в.): правовое положение и деятельность конфессиональных объединений : дис. ... канд. ист. наук / Ю. С. Храмцова. – Пятигорск, 2013. – 219 с. – Текст : непосредственный.
6. Основание женской общины в г. Грозном. – Текст : непосредственный // Владикавказские епархиальные ведомости. – 1909. – № 9. – С. 301–302.
7. Грозненская община во имя св. благоверной княгини Анны Кашинской. – Текст : непосредственный // Владикавказские епархиальные ведомости. – 1912. – № 8. – С. 242.
8. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1912. – № 24. – С. 556. – Текст : непосредственный.
9. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1915. – № 10. – С. 558. – Текст : непосредственный.
10. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1915. – № 21. – С. 1120. – Текст : непосредственный.
11. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1916. – № 17. – С. 754. – Текст : непосредственный.
12. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1916. – № 18. – С. 788. – Текст : непосредственный.
13. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1916. – № 10. – С. 1–2. – Текст : непосредственный.
14. Владикавказские епархиальные ведомости. – 1916. – № 14. – С. 678. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Kavkazskij kalendar' na 1917 god [The Caucasian calendar for 1917] Tiflis: the Printing House of the Chancellery of a Steward E.I.V. in the Caucasus, 1916.
2. Maslov P. Na uchastkah osobogo fronta [On sections of the special front]. Stodnevnye boi v Groznom: Sbornik istoricheskikh ocherkov i vospominanij = 100-days battles in Grozny: a collection of historical essays and memoirs. Groznyj: Checheno-Ingushskoe Publishing House, 1959. pp. 70-72.
3. Gorod Groznyj. Populyarnye ocherki istorii [Grozny city. Popular Historical Events]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 190 p.
4. Gorobets A.A. On the 100th anniversary of the founding of the women community of Anna Kashin in Grozny. Pravoslavnaya Osetiya = Orthodox Ossetia, 2009, No. 5, p. 6 [In Russian].
5. Hramtsova Yu.S. Religioznaya zhizn' russkogo naseleniya Terskoj oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): pravovoe polozhenie i deyatel'nost' konfessional'nyh ob"edinenij [The religious life of the Russian population of the Terek region (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries): legal status and activities of confessional associations]. Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Pyatigorsk, 2013. 219 p.
6. Foundation of a women community in the city of Grozny. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1909, No. 9, pp. 301-302 [In Russian].

7. Grozny's community in the name of the Holy Right-Believing Princess Anna of Kashin. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1912, No. 8, pp. 242 [In Russian].

8. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1912, No. 24, pp. 556 [In Russian].

9. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1915, No. 10, pp. 558 [In Russian].

10. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1915, No. 21, pp. 1120 [In Russian].

11. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1916, No. 17, pp. 754 [In Russian].

12. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1916, No. 18, pp. 788 [In Russian].

13. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1916, No. 10, pp. 1-2 [In Russian].

14. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz Diocese Bulletin, 1916, No. 14, pp. 678 [In Russian].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Головлёв, А. А. Забытые страницы из прошлого города Грозного: женская община во имя святой благоверной княгини Анны Кашинской / А. А. Головлёв. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 28–37.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Golovlyov A. A. The Forgotten Pages From the Past of Grozny: the Women Community Named After the Holy Right-believing Princess Anna of Kashin / A. A. Golovlyov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 28–37. (In Russian).

УДК 93/94

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ
ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

С.Л. Дударев

**NEW RESEARCHES ON THE ACTUAL PROBLEMS
OF GENERAL AND NATIONAL HISTORY
BY THE NORTH CAUCASUS HISTORIANS**

S.L. Dudarev

Аннотация. В статье рассматриваются новые защищенные диссертационные работы молодых северокавказских историков по всеобщей и отечественной истории, защищенные недавно в Северокавказском Федеральном университете. Их объединяет тематика отношений Западной Европы и России с миром ислама в XVIII–XIX вв. В первом случае, автор исследования, А.С. Мигаль, предприняла важную попытку осветить отношение западноевропейских интеллектуалов Эпохи Просвещения к мусульманскому миру, выявить черты его позитивного восприятия просвещенными европейцами и изучить существовавшие у них отрицательные стереотипы по отношению к мусульманам. Отмечая сильные стороны работы, мы указываем молодому ученому на необходимость более внимательного обращения к истокам интереса европейцев периода Просвещения к миру ислама. Во втором случае нами анализируются построения Р.Б. Зубариева, который пишет о важных аспектах колонизационно-переселенческих процессов на Северном Кавказе во второй половине XIX в., которые протекали в контексте как взаимоотношений Российской империи с горцами региона, так и влияния на них со стороны Османской империи, послужившего серьезным стимулом в развитии у горских народов т. н. мухаджирства. Положительно оценивая труд Р.Б. Зубариева, мы указываем на некоторые упущения в источниках и историографии, а также призываем более полно учитывать объективные факторы русской колонизации региона.

Abstract. The article discusses new dissertations by young North Caucasian historians on general and national history recently presented at the North Caucasus Federal University. They are united by the theme of relations between Western Europe and Russia with the world of Islam in the 18th–19th centuries. In the first case, the author of the study, A.S. Migal made an important attempt to shed light on the attitude of the Western European intellectuals of the Age of Enlightenment towards the Muslim world, to reveal the features of its positive perception by enlightened Europeans and to study their negative stereotypes of Muslims. Pointing out the strengths of the work we show the young scientist the need for a more careful attention to the origins of the interest of Europeans towards the Islamic world during the Age of Enlightenment. In the second case, we analyze R.B. Zubarev's ideas who writes about the important aspects of the colonization and resettlement processes in the North Caucasus in the second half of the 19th century, which took place in the context of both the relations of the Russian Empire with the highlanders of the region and the influence of the Ottoman Empire on them, which served as a serious impetus for the development of gortsy peoples, the so-called

Muhajirism. Giving positive appreciation of the R.B. Zubarev's work, we point out some omissions in the sources and historiography, and also call for a more complete consideration of the objective factors of Russian colonization of the region.

Ключевые слова: историческая имагология, мир Другого, Эпоха Просвещения, pagani, perfidi, infidelis, «благородные дикари», «ориентализм», «ориентализм наоборот», мухаджире, мухаджирство, тахъджир, российскость.

Keywords: historical imagology, Other's World, Age of Enlightenment, pagani, perfidi, infidelis, "noble savages", "orientalism", "reverse orientalism", Muhajirs, Muhajirism, Tahjir, Russian statehood.

Тема работы А.С. Мигаль [16] является весьма актуальной, даже злободневной с общественно-политической точки зрения. Проблематика взаимоотношений Запада и Востока, восприятия ими друг друга, не только не утратила своего значения в связи с глобализацией, но и приобрела ныне особую остроту. Это подтверждается недавней историей с еженедельником «Шарли Эбдо», событиями в Сирии, в западной Европе, связанными с миграционной волной с Ближнего Востока (например, новогодней ночью 2016 г. в Кёльне) и множеством других, сообщения о которых буквально пестрят на новостной ленте до сего дня. С другой стороны, труд А.С. Мигаль, безусловно, представляет интерес с научной точки зрения, в том числе, с учетом аспекта, представленного вопросами исторической имагологии. Проблема освещения мира Другого, а именно мира ислама, глазами просвещенных европейцев XVIII в., представляет собой благодатное поле для научных изысканий.

Автором убедительно показаны причины обращения именно к XVIII в., Эпохе Просвещения и работам ее деятелей, как особому этапу в знакомстве Запада с Востоком. Исследование основано на достаточно широком круге разнообразных источников и литературы, в том числе, иностранных, и производит благоприятное впечатление.

Одновременно в нем нам несколько не хватило более акцентированного обращения к истокам интереса европейцев периода Просвещения к миру ислама. Разумеется, специалист отсылается и к античным авторам и к источникам периода средневековья и успешно стремится определить специфику интереса интеллектуалов, живших в XVIII в., к «восточной теме». Однако эволюция взглядов европейцев на мир ислама выступает в работе без четкого обозначения этапов и некоторых ведущих ее черт.

Между тем, если кратко остановиться на том, что мы имеем в виду, то нужно заметить следующее. В древности Восток воспринимался как царство варварства и деспотизма, а статус его жителей – как всеобщее рабство, из-за того, что все они были подданными царей. В средние века к этим характеристикам добавилось конфессиональное противостояние, которое детерминировалось христианством. Жители Востока, мир ислама рассматривались как pagani, perfidi, infidelis и т. п., т. е. как неверные, язычники и пр., поскольку не были христианами [14, с. 41–69]. Их следовало обратить в истинную веру

или убить, потому, что умереть язычникам, с точки зрения католических изуверов, было лучше, чем жить в неверии. Что же касается пророка ислама, то он рассматривался средневековыми авторами как слабый и больной человек, которого-де использовали люди с плохими намерениями.

Качественное изменение в отношении к миру ислама в эпоху Просвещения, как верно указывает автор, было в том, что, несмотря на сохранение известных конфессиональных стереотипов, мыслители этого времени стали шире смотреть на Восток, в т. ч. и Китай, а кто-то (Левайе, Вольтер, Кене) видели в нем образец для подражания, хотя были и те, кто предостерегал поступать подобным образом (Бернье, Монтескье, Руссо, Дефо). Примечательно то, что в средние века те или иные черты западной реальности выступали для европейцев как отсутствующая модель для реконструкции реалий мира ислама, который воссоздавался «по своему образу и подобию»: «они» (illi) суть лишь «мы» (nos) наоборот» [14, с. 94, 96, 346].

В XVIII веке происходит интересная метаморфоза, показанная молодым специалистом – через реалии Востока, истинные или мнимые – западные авторы стали критиковать свой мир, хотя одновременно, как и их средневековые предшественники, стремились показать «варварство» мусульман, которые, впрочем, могут выступать и как «благородные дикари». Как показали исследования Д.С. Ткаченко, в XIX в. европейские авторы переносят эту модель на мир горцев Северного Кавказа [22], хотя элементы такого подхода мы видим у европейцев, путешествовавших по нашему региону, еще в том же самом XVIII в. [5]. Но возвращаясь в Европу, укажем, что еще Тацит стремился критиковать римскую развращенность на фоне германской простоты и «аскетизма», хотя и видел в германцах дикарей, но доблестных [11]. Так что указанная концепция возникла отнюдь не на пустом месте и имеет глубокие европейские цивилизационные корни.

Важно и то, что автор наряду с сохранением тех или иных отрицательных стереотипов о мире ислама и его пророке показала и более внимательный взгляд просвещенных европейцев на *женскую тему* в исламе. Они с удивлением выяснили для себя, что в этой религии и в созданном ей мире существует женское пространство, вызывавшее жгучий интерес европейцев, особенно такой его сектор, как гарем. Но принципиально важнее констатировать, все же, другое. Сейчас мы можем прямо говорить о том, что даже в средние века со всеми их консервативными патриархальными установками, которые дожили до совсем недавнего времени (сегодня в Саудовской Аравии могут казнить ведьму; о задержании колдуний недавно сообщалось в Чечне), в исламе изначально женщины были помещены в особую нишу. В исламе отсутствует вина женщины за грехопадение. Эта религия не обсуждала, человек ли женщина, есть ли у нее душа, такая же она мусульманка как мужчина или нет. Мужчина и женщина – равные творения, их ожидает одинаковое загробное воздание [19, с. 147]. Выяснением этих вопросов занимались европейцы-христиане в средние века и раннее новое время, причем

эти дискуссии имели свое крайнее выражение в «охоте на ведьм», которая, как массовое явление, в исламе не известна.

В новое время европейцы, как верно вытекает из работы А.С. Мигаль, в чем-то более адекватно открыв для себя Восток, чем их предшественники, которые всерьез считали, что в мечетях стоят статуи мусульманских богов [14, с. 70–75, 80–81], осознали свое цивилизационное превосходство над миром ислама, и это послужило им, как показано историком, основанием для колониального подчинения Востока, чтобы исправить имеющиеся там «пороки», т. е. даже новый виток в духовном развитии Европы закончился тем, с чего начинались крестовые походы, – *идеей покорения мира Другого, ради его исправления*. То, к чему пришли европейцы в конце крестовых походов – идее не завоевания, а проповеди (Р. Луллий, Ф. Ассизский), было забыто. То же самое мы видим и сейчас: не хотите принимать западные «ценности» – извольте получить их в виде крылатых ракет и шариковых бомб.

Наконец, следует заметить, что изучение отрицательных западных, в т. ч. европейских стереотипов о Востоке, маркируемых термином «ориентализм» [20], безусловно, важная задача исследователей-историков, в том числе, кавказоведов, о чем вновь напоминает работа А.С. Мигаль. Но есть не менее важное направление, которые мы бы назвали «ориентализмом наоборот», т. е. исследование восточных, в т. ч. мусульманских стереотипов о европейцах, людях Запада. Ему также следует уделить серьезное внимание специалистов, поскольку подобные искаженные представления не менее вредны для объективного восприятия исторической действительности. В целом же необходимо констатировать важный вклад А.С. Мигаль в рассматриваемую ей проблематику.

Еще одна работа, заслуживающая внимания специалистов – как историков-кавказоведов, так и востоковедов, – исследование Р.Б. Зубариева [9], имеющее острую научную актуальность. При выполнении данного исследования автор смог найти весьма достойную взвешенную манеру анализа и подачи процессов и событий, которые в части кавказоведческой историографии, и тем более, в блогосфере, нередко преподносятся в обвинительном духе и преследуют цель демонизации действий российской стороны. Забегая наперед, приведем один из наиболее характерных примеров авторского подхода. Характеризуя результаты переселенческой политики правительства в отношении горцев, Зубариев пишет: «При всей катастрофичности полученных результатов, достаточно наглядно видно, что те общества, которые приняты для себя решения переселиться на равнины и остаться на Кавказе, либо увеличили свою численность, либо, при сокращении народонаселения сохранили этническое доминирование. В то же время отправившиеся в изгнание черкесы, фактически исчезли с этнической карты региона» [10, с. 87].

Основные положения и выводы историка в целом не вызывают у нас серьезных возражений и оцениваются позитивно. В то же время, необходимо

сделать комментарии к тем или иным разделам его работы и заключениям автора, которые, возможно, помогут ему в дальнейшем.

Касаясь историографии и источников по теме исследования, нужно сказать, что автор вполне владеет их основными блоками. Одновременно нельзя не указать на то, что были сделаны и некоторые упущения, иногда досадные. Вне поля зрения автора оказалась недавняя монография В.А. Матвеева, выдержавшая к настоящему времени два издания [15]. Эта работа интересна тем, что по некоторым ключевым позициям пересекается с исследованием Р.Б. Зубариева. Они, на наш взгляд, взаимно дополняют друг друга. Еще следует указать на то, что в стороне осталась важнейшая работа В.В. Дегоева «Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия» [7]. При характеристике проблемы мухаджирства Р.Б. Зубариевым не учтен тот факт, что в пласте литературы по ней нет работ, которые указывают на дискуссионность самих понятий «мухаджирство, мухаджиры»: В.Б и Б.В. Виноградовых [14], ученого из Кабардино-Балкарии Ф.А. Озовой [18], автора этих строк [8] и др. Вместо термина «мухаджирство» должен быть применен термин «тахъджыр» – выселение, *вынужденное* (курсив наш. – Авт.) переселение [18, с. 60].

В отношении вопросов казачьего освоения края возможно было использовать цикл недавних работ Е.В. и Н.Н. Великих, Е.М. Белецкой и С.А. Головановой [2; 3; 6]. При характеристике процессов, связанных с иностранными поселенцами на Северном Кавказе достойна была бы упоминания солидная монография С.Н. Ктиторова и В.Г. Шнайдера [12].

Среди источников личного происхождения стоило указать и известный труд Т. Лапинского, в котором есть очень важные оценки атмосферы, царившей вокруг вопроса о мухаджирстве в конце 1850-х гг. в Османской империи, ярко характеризующие политику данного государства в этом отношении [13].

Перейдем к некоторым замечаниям к главам работы. «Мухаджирство, – пишет Р.Б. Зубариев, – переселение мусульман в мусульманскую страну из-за нежелания жить на положении религиозного меньшинства в условиях, предлагавшихся Российской империей» [10, с. 78]. Не можем не указать на то, что это явление было, практически, предсказано М.Ю. Лермонтовым в поэме «Измаил-Бей» (1834). Вот эти строки: *«Мила черкесу тишина, мила родная сторона / Но вольность, вольность для героя милей отчизны и покоя»*. При всем том, и автор со своей стороны это показал, большинство горцев осталось на родине. И среди них основной массив – это жители центральных и восточных районов региона, особенно Чечни и Дагестана. Они были теми, кто прошел «социальную прививку» в имамате Шамиля. Уехали в основном западные черкесы – наименее исламизированный контингент горцев, не прошедший «школу» горского государства и его шариатской «дисциплинизации», ибо усилий наиба Мухаммеда Эмина, как известно, оказалось недостаточно. И отъезд стал драмой, более того – трагедией. Верно говорят французы: «Кто место свое оставляет, тот его теряет». Те же, кто остались, пройдя в будущем вместе со всей огромной

страной через большие и тяжелые испытания, в числе которых были ужасы депортации и двух «чеченских войн», выстрадали свою государственность [17] и ныне живут в собственных субъектах, обладая суверенитетом, развивая экономику и культуру. Ничего этого нет у тех, кто под давлением обстоятельств покинул свою историческую родину и устремился под покровительство халифа всех «правоверных» – османского султана. Чем оно обернулось для многих тысяч переселенцев – хорошо известно историкам.

Автор верно отмечает противоречия и непоследовательность в политике российского правительства в переселенческом вопросе. Оно то регулировало миграционные потоки, то пускало все это на самотек, более того, ввиду нежелания помещиков отпускать крестьян, желавших переселиться, власти разрешали размещаться на Северном Кавказе выходцам из других стран. Но при всем том, нужно четко понимать, что без колониционных усилий правительства удержать регион в составе империи было невозможно. Один из аргентинских президентов XIX в., Х.-Б. Альберди, говорил так: «Править – значит заселять». В процессе интеграции региона в состав России, его славянизация была необходима [15], а нынешняя его дерусификация, которая является свершившимся фактом, несет прямую угрозу российской государственности на Северном Кавказе, который, как констатируют некоторые современные аналитики, «отчаливает от Российской Федерации». Данная ситуация побуждает напомнить и о теории фронта, которая в работе затронута лишь вскользь. Синтез восточнославянских, горских и иных этнических единиц, произошедший в результате процессов, квалифицированно исследованных Р.Б. Зубариевым, создавал неповторимую этническую мозаичность и вел к возникновению феномена *российскости*, который играл громадную роль для державного укрепления позиций России в регионе [1]. Любопытно, что типологически близким был состав населения в османских анклавах на побережье Западной Черкесии [21, с. 178].

Этот синтез в перспективе дал феномен «русскоязычного» населения, которое, в свою очередь, было серьезной поддержкой государственной власти вплоть до начала 1990-х гг. В то же время автор не забывает и о жестких принудительных действиях правительства в отношении казачества, связанных с переселенческой политикой. Непримиимо оно действовало в отношении тех религиозных диссидентов, которые не желали служить в армии: например, духоборов, что и вызвало их миграцию в западные страны. Между тем, призыва меннонитов, а также мусульман в армию власти не осуществляли. Это указывает как на известную гибкость их действий в отношении неславянских этнических и религиозных меньшинств, так и проведение более жесткой политики в отношении «своих».

В целом, работа Р.Б. Зубариева, как представителя чеченской историографии данного вопроса, важна тем, что отходит от его жесткой политизации и демонстрирует известную гибкость и конструктивность оценок российской политики на Северном Кавказе в середине XIX в.

Оба рассмотренные исследования можно расценивать как работы северокавказских историков «новой волны», которые в своих поисках стремятся расширить возможности научного поиска за счет привлечения инструментария сравнительно новых научных направлений (имагология и др.) в русле междисциплинарности, отступления от негативных стереотипов прошлого, более объективной оценки межкультурных и междивизиационных контактов внутри евразийского исторического поля, в том числе, позитивных сторон воздействия российской государственности на народы Северного Кавказа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая, Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства / Н. Н. Великая. – Текст : непосредственный // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. – 2007. – № 45. – С. 88–101.
2. Великая, Н. Н. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам) / Н. Н. Великая, Е. М. Белецкая. – Армавир : РИО АГПА, 2014. – 232 с. – Текст : непосредственный.
3. Великая, Е. В. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.) : монография / Е. В. Великая, Н. Н. Великая ; под ред. проф. С. А. Головановой. – Армавир : РИО АГПУ, 2015. – 252 с. – Текст : непосредственный.
4. Виноградов, Б. В. «Мухаджирство» в историческом контексте (полемиические заметки) / Б. В. Виноградов, В. Б. Виноградов. – Текст : непосредственный // Проблемы всеобщей истории : Международный сборник научных и научно-методических трудов. – Вып. 6. – Армавир, 2000. – С. 130–133.
5. Виноградов, Б. В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII – 1783 г. / Б. В. Виноградов, С. Л. Дударев, Ю. В. Приймак. – Армавир : Дизайн-студия Б, 2019. – 210 с. – Текст : непосредственный.
6. Голованова, С. А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект / С. А. Голованова. – Армавир : РИО АГПА, 2014. – 124 с. – Текст : непосредственный.
7. Дегоев, В. В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия / В. В. Дегоев. – М. : Рубежи, 2009. – 560 с. – Текст : непосредственный.
8. Дударев, С. Л. К вопросу о терминах «мухаджиры» и «мухаджирство» / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Былые годы. – 2017. – Т. 44. – Вып. 2. – С. 525–532.
9. Зубайриев, Р. Б. Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: политические, экономические и демографические процессы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. Б. Зубайриев. – Ставрополь, 2019. – 26 с. – Текст : непосредственный.
10. Зубайриев, Р. Б. Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: политические, экономические и демографические процессы : дис. ... канд. ист. наук / Р. Б. Зубайриев. – Ставрополь, 2019. – 204 с. – URL: http://www.ncfu.ru/export/uploads/dokumenty-dissertacii/disser_zubariiev.pdf. – Текст : электронный.

11. Кнабе, Г. С. Корнелий Тацит (Время. Жизнь. Книги) / Г. С. Кнабе. – М. : Наука, 1981. – 208 с. – Текст : непосредственный.
12. Ктиторов, С. Н. Немцы Армавира / С. Н. Ктиторов, В. Г. Шнайдер. – Армавир : Скорина, 2012. – 680 с. – Текст : непосредственный.
13. Лапинский, Т. Горцы Северного Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Т. Лапинский. – Нальчик : Эль-Фа, 1995. – 463 с. – Текст : непосредственный.
14. Лучицкая, С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / С. И. Лучицкая. – СПб. : Алетейя, 2001. – 412 с. – Текст : непосредственный.
15. Матвеев, В. А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX вв. / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д. : Изд-во Южного федерального университета, 2018. – 240 с. ; 2019. – 340 с. – Текст : непосредственный.
16. Мигаль, А. С. Мусульманский мир в представлениях западноевропейских интеллектуалов эпохи Просвещения : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Мигаль. – Ставрополь, 2019. – 31 с. – Текст : непосредственный.
17. Норченко, Е. А. Модернизация Северного Кавказа в 20–50-е годы XIX века / Е. А. Норченко, С. А. Айларова. – Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2013. – 284 с. – Текст : непосредственный.
18. Озова, Ф. А. Военнопленные в Кавказской войне / Ф. А. Озова. – Текст : непосредственный // Архивы и общество. – 2013. – № 26. – С. 60–66.
19. Семенова, Е. В. К вопросу о положении женщины в традиционном мусульманском обществе / Е. В. Семенова. – Текст : непосредственный // Лекции по истории средневекового Востока. – Армавир, 2017. – С. 146–150.
20. Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид. – СПб. : Русский мир, 2006. – 638 с. – Текст : непосредственный.
21. Приймак, Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.) / Ю. В. Приймак. – Армавир, 2011. – 359 с. – Текст : непосредственный.
22. Ткаченко, Д. С. Становление российского ориентализма в контексте Кавказской войны / Д. С. Ткаченко. – Текст : непосредственный // Кавказский сборник. – Т. 9(41). – М. : Русская панорама, 2015. – С. 234–249.

REFERENCES

1. Velikaya N.N. Russian statehood as a paradigm for the study of Russian-Caucasian unity. Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. Yuzhnorossijskoe obozrenie = Relevant and Controversial Problems of the History of the North Caucasus. South Russian Review, 2007, No. 45, pp. 88-101. (In Russian).
2. Velikaya N.N., Beletskaya E.M. Kazaki Severo-Vostochnogo Kavkaza i ih sosedi v dorevolucionnom proshlom (po istoricheskim, fol'klornym i literaturnym istochnikam) [Cossacks of the North-East Caucasus and their neighbors in the pre-revolutionary past (according to historical, folklore and literary sources)]. Armavir, EPD ASPA, 2014. 232 p.
3. Velikaya E.V., Velikaya N.N. Mirnye formy integracii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossijskoj imperii (1801-1859 gg.) [Peaceful forms of integration of the North-East Caucasus into the Russian Empire (1801-1859)]. Armavir, EPD ASPA, 2015. 252 p.
4. Vinogradov B.V., Vinogradov V.B. "Muhajirism" in the historical context (polemic notes). Problemy vseobshchej istorii. Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh i nauchno-metodicheskikh trudov = Problems of General History. International Collection of Scientific and Scientific-Methodological Works. 2000, iss. 6, pp. 130-133. (In Russian).

5. Vinogradov B.V., Dudarev S.L., Prijmak Yu.V. Ocherki istorii formirovaniya severokavkazskoj i prichernomorskoj okrainy Rossii v konce XVII – 1783 g. [Essays on the history of the formation of the North Caucasian and Black Sea outskirts of Russia at the end of XVII – 1783]. Armavir, Design-studio B, 2019. 210 p.
6. Golovanova S.A. Gosudarstvennaya politika Rossii po regulirovaniyu chislennosti kazakov Tereka i Kubani v XVIII-XIX vv.: etnodemograficheskij aspekt [The state policy of Russia to regulate the number of Terek and Kuban Cossacks in the XVIII-XIX centuries: ethno-demographic aspect]. Armavir, EPD ASPA, 2014.
7. Degoev V.V. Kavkaz i velikie derzhavy 1829-1864 gg. Politika, vojna, diplomatiya [The Caucasus and the Great Powers of 1829-1864. Politics, war, diplomacy]. M., Rubezhi, 2009. 560 p.
8. Dudarev S.L. To the question of the terms "Muhajir" and "Muhajirism". Bylye gody = Past Years, 2017, vol. 44, iss. 2, pp. 525-532. (In Russian).
9. Zubajriev R.B. Kolonizacionno-pereselencheskie processy na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XIX v.: politicheskie, ekonomicheskie i demograficheskie processy [Colonization and resettlement processes in the North Caucasus in the second half of the XIX century: political, economic and demographic processes]. Stavropol, 2019. 26 p.
10. Zubajriev R.B. Kolonizacionno-pereselencheskie processy na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XIX v.: politicheskie, ekonomicheskie i demograficheskie processy [Colonization and resettlement processes in the North Caucasus in the second half of the XIX century: political, economic and demographic processes]. Stavropol, 2019. 204 p. Available at: http://www.ncfu.ru/export/uploads/dokumenty-dissertacii/disser_zubariev.pdf (In Russian).
11. Knabe G.S. Kornelij Tacit (Vremya. Zhizn'. Knigi) [Cornelius Tacitus (Time. Life. Books)]. M., Nauka, 1981. 208 p.
12. Kitorov S.N., Shnyder V.G. Nemtsy Armavira [The Germans of Armavir]. Armavir, Skorina, 2012. 680 p.
13. Lapinskiy T. Gorcy Severnogo Kavkaza i ih osvoboditel'naya bor'ba protiv russkih. Opisanie ochevidca Teofila Lapinskogo (Teffik-beya), polkovnika i komandira pol'skogo otryada v strane nezavisimyh kavkazcev [Gortsy of the North Caucasus and their liberation struggle against Russians. The description of an eyewitness Teofil Lapinsky (Teffik Bey), Colonel and Commander of the Polish detachment in the country of independent Caucasians]. Nalchik: El-Fa, 1995. 463 p.
14. Luchickaya S.I. Obraz Drugogo: musul'mane v hronikah krestovyh pohodov [The image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades]. SPb., Aletejya, 2001. 412 p.
15. Matveyev V.A. Russkaya osedlost' na Kavkaze: osobennosti formirovaniya vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX vv. [Russian settledness in the Caucasus: features of formation in the second half of the XVIII – beginning of XX centuries]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press, 2018. 240 p.; 2019. 340 p.
16. Migal' A.S. Musul'manskij mir v predstavleniyah zapadnoevropejskih intellektualov Epohi Prosveshcheniya [The Muslim World in the Views of Western European Intellectuals The Age of Enlightenment]. Stavropol, 2019. 31 p.
17. Norchenko E.A., Aylarova S.A. Modernizaciya Severnogo Kavkaza v 20-50-e gody XIX veka [Modernization of the North Caucasus in the 20-50s of the XIX century]. Vladikavkaz, 2013. 284 p.
18. Ozova F.A. Prisoners of war in the Caucasian war. Arhivy i obshchestvo = Archives and Society. Nalchik, 2013, No. 26, pp. 60-66. (In Russian).

19. Semenova E.V. K voprosu o polozhenii zhenshchiny v tradicionnom musul'manskom obshchestve [On the situation of women in traditional Muslim society]. Lectures on the history of medieval East. Armavir, 2017, pp. 146-150. (In Russian).

20. Said E.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concept of the East]. SPb., Russkij mir, 2006. 638 p.

21. Prijmak Yu.V. Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh processah formirovaniya yuzhnykh granic Rossii (konec XVII-pervaya tret' XIX v.) [The North-Eastern Black Sea Region in the domestic and foreign policy processes of the formation of the southern borders of Russia (late XVII-first third of the XIX century)]. Armavir, 2011. 359 p.

22. Tkachenko D.S. The Formation of Russian Orientalism in the Context of the Caucasian War. Kavkazskij sbornik = Caucasian Collection, 2015, vol. 9(41), pp. 234-249. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев, С. Л. Новые исследования историков Северного Кавказа по актуальным проблемам всеобщей и отечественной истории / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 38–47.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S. L. New Researches on the Actual Problems of General and National History by the North Caucasus Historians / S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 38–47. (In Russian).

УДК 93/99

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1917–1920 ГГ.: СЕВЕРОКАВКАЗСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ

В.А. Матвеев

THE CIVIL WAR IN RUSSIA (1917–1920): NORTH CAUCASIAN DEFLECTION

V.A. Matveev

Аннотация. В представляемом в статье результате исследования отображается проявление северокавказской региональной специфики в условиях революционного кризиса в России. Преодоление его наиболее острых состояний продолжилось в гражданской войне. При ее датировке, по мнению автора, должно учитываться наличие системного показателя. Важнейшей же его составляющей служило организованное фронтовое противостояние, существовавшее в период 1917–1920 гг. Разновидностью гражданской войны на Северном Кавказе являлась межэтническая вандея. Однако вследствие российской интегрированности населения края она претерпела распад. Не произошло и националистической ее трансформации. Часть соотечественников мусульман так же, как и русское население края, приняли сторону большевиков и вступали в Красную армию. Были среди них и те, кто участие в гражданской войне принимал в составе белого движения, отстаивавшего идею «единой и неделимой России». Происходившая дифференциация так или иначе подтверждала наличие общности, способной к солидарному взаимодействию и при возникших исторических обстоятельствах неопределенности.

Abstract. Research results presented in the article display the manifestation of the North Caucasian regional specificity in the context of Russia's revolutionary crisis. Major concerns associated with this crisis were overcome during the civil war. The author believes that its dating should take into account a systemic indicator. The organized frontline confrontation that occurred from 1917 to 1920 was its most important component. A variation of the civil war in the North Caucasus was the interethnic vendee. However, it decayed following the integration of the Russian population into the region. No nationalist transformation took place either. Some of both Muslim and Russian compatriots took the side of the Bolsheviks and joined the Red Army. Others saw the civil war as part of the white movement, which upheld the idea of a "united and indivisible Russia". The differentiation either way confirmed the existence of a community capable of joint interaction even under the historical circumstances of uncertainty.

Ключевые слова: гражданская война, иностранная интервенция, межэтническая вандея, общегражданская солидарность, российская интегрированность, системный показатель, фронтовое противостояние.

Keywords: civil war, foreign intervention, interethnic vendee, civilian solidarity, Russian integration, systemic indicator, frontline confrontation.

После подписания 3 марта 1918 г. Брестского договора негативные последствия сделанных уступок стали сказываться в различных частях российского Кавказа. Условия его открывали вместе с тем перед Турцией возможности

с использованием исламского фактора утвердить здесь геополитические позиции. Нарушая дававшиеся при заключении обещания, Германия оказывала ей разностороннюю поддержку. На последующих этапах она также приняла совместно с Турцией участие в военной интервенции. Для отторжения Кавказа от России задействовались и дипломатические усилия. Сепаратистским группировкам содействие оказывалось и в других формах.

По условиям Брестского договора Турции уступались только Ардаган и Карс [1, с. 300]. Но в соответствии с панисламистскими замыслами руководства этой страны из состава российского Кавказа предполагалось исключить все регионы с мусульманским населением. Намерения турецкой стороны и в этом случае, несмотря на заключенный Брестский договор, поддерживала Германия. Между тем в соответствии с ним в марте 1918 г. Кавказский фронт, продолжавший прикрывать и в существенно ослабленном формате вследствие революционного кризиса в России государственные границы, был расформирован [2, с. 366]. Вскоре после этого и возникла угроза оккупации германскими и турецкими войсками южных частей края. Такая же угроза нависала и над Северным Кавказом. Расчет при организации интервенции делался прежде всего на вовлечение в военные действия против России мусульманского населения.

Закавказским комиссариатом предпринимались попытки противодействия. До мая 1918 г. производилась перегруппировка оставшихся в крае войсковых соединений. Из остатков Кавказского фронта созданы были Армянский, Грузинский, Мусульманский и Русский корпуса [3, с. 22]. Формирование их производилось по национальному и религиозному признакам. Однако сдержать вторжение в пределы края созданные подразделения не смогли. Возникла необходимость организации обороны в северных административных субъектах края. Выступая на III съезде «народов Терека» военный комиссар Я.П. Бутырин, опираясь на оперативные донесения, заверил присутствующих, что при существующей угрозе интервенции и для Северного Кавказа горцы «могут быть использованы против немцев». Ссылаясь на распространявшиеся у них в связи с этим массовые настроения, он призвал отказаться от политики недоверия [1, с. 298].

Военный комиссар попросил в этом отношении поддержки всех делегатов съезда. Доверие, по его разъяснению, «может вывести горские массы из-под влияния сторонников турецкой ориентации» [1, с. 298]. Для отражения агрессии, по утверждению Я.П. Бутырина, должны быть «использованы и казачьи полки». В стенограмме данное заявление сопровождается пометкой: «Казачи шумно аплодируют». Представитель же кабардинцев подтвердил, что при отражении внешней агрессии «в горах русские найдут самых стойких бойцов» [1, с. 298]. Во время проведения «Третьего областного съезда народов Терека» в г. Грозном стало известно, что уполномоченные от «горского правительства» в Стамбуле (Константинополе) «объявили независимость Северного Кавказа» [4, с. 96–97]. Поддержки же в массах и данное

проявление сепаратизма не получило. Соответственно не было у «горского правительства» и реальной власти [4, с. 100–101].

Выражая преобладавший настрой в среде мусульманского населения Северного Кавказа, делегаты «Третьего областного съезда» приняли резолюцию, в которой утверждалось, что «народы Терского края никогда, никого и никуда» для провозглашения независимости «не делегировали». Сделали это, как подчеркивалось в тексте, лишь «отдельные лица», руководствовавшиеся «ничем иным, как самозванством и авантюрой» [4, с. 97]. От делегатов «Третьего областного съезда народов Терека» также последовало предостерегающее заявление: «пусть знают все, которые носятся с бредовыми планами отделения Северного Кавказа от России, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной Республики» [4, с. 97]. Выраженный протест указывает на усиление к тому времени тяготения к восстановлению единства и отсутствие в тех условиях перспектив для реализации сепаратистских замыслов.

Наступил своего рода перелом, вызванный ожиданием утверждения российской государственной власти, основанной на идеале справедливости. Соотносилась она тогда с советским проектом. При приближении германских и турецких войск к Северному Кавказу также проявилась массовая невосприимчивость в среде мусульманского населения к воздействиям, направленным на разобщение российского согражданства по религиозному признаку. На III съезде в ряде выступлений прослеживалось осознание разрушительных последствий революции. У всех присутствующих делегатов на заседании 27 мая 1918 г. одобрение встретило предложение «отбросить навсегда... травлю офицеров... которая ничего, кроме страшного, для страны не дала» [1, с. 304]. Под воздействием начавшейся интервенции появлялось понимание того, к чему привела пропаганда в армии, способствовавшая ее разложению. Наступление же «германцев и турок» в Закавказье опиралось на «единую руку Вильгельма» [1, с. 304].

Такое различие выделялось, в частности, в выступлении представителя от фракции меньшевиков. Ответственность в нем так или иначе возлагалась на РКП(б), проводившей в армейских формированиях «сеяние злобы» по отношению к русским офицерам [1, с. 304]. В прениях по докладу комиссара Я.П. Бутырина по поводу организации армии в качестве главной опасности признавалось то, что история «не знает таких случаев», когда вооруженные силы создаются «во время войны». Формирования же Красной армии на том этапе оказались слабыми и не смогли, по оценкам обладавших соответствующим опытом, спасти «от вторжения врага» [1, с. 302]. В этой связи от казачье-крестьянской фракции последовало предложение восстановить прежние подразделения, распущенные вследствие проведенной большевистским правительством демобилизации.

Укомплектовать их предлагалось теми, кто освоил ратное дело на фронтах в период участия России в Первой мировой войне. Указывалось

на возможность создания формирований из «казачьих полков... и местных солдат, сражавшихся доблестно и на полях Турции, и на полях Галиции». Высказывалась также уверенность, что «в обороне... края заинтересованы и горцы, которые... пойдут защищать... родину» [1, с. 302]. Посланцы от русского населения на «Третий областной съезд народов Терека» знали, что в момент возникшей для нее внешней опасности «и чеченцы, и ингуши, и кабардинцы выставят несколько своих национальных полков» [1, с. 302]. От их делегатов тут же последовало заверение. В одном из выступлений от чечено-ингушской фракции внимание присутствующих вместе с тем было обращено на следующее: «На территории Терской области не так давно была междоусобная война, но инстинктивное сознание общности интересов трудящихся масс сделало то, что народности выдвинули Народный Совет, который сумел примирить народы» [1, с. 305].

Определялось же это прежде всего сложившимися общегражданскими связями, состоянием исторической кодификации. Показателем ее особенностей как раз и явилось «инстинктивное сознание общности» народов края с Россией как общим отечеством. Заявление об этом на III съезде было сделано «на ингушском языке», перевод с которого на русский обеспечил делегат-чеченец «тов. Шерипов» [1, с. 305]. С возникновением опасности интервенции последовали в очередной раз заверения о нерасторжимости государственных связей с Россией. В них отражались преобладавшие массовые настроения. Выражалась также готовность встать на защиту отечества.

Наличие таких массовых настроений отобразил в своей речи 27 мая 1918 г., например, представитель кабардино-балкарской фракции Б.Э. Калмыков. В связи с начавшейся интервенцией в Закавказье он сказал следующее: «С оружием в руках стойко будем защищать нашу родину и свободу» [1, с. 311]. Резолюция «Третьего съезда трудовых народов Терека», принятая на заседании 28 мая 1918 г., по поводу приближения германских и турецких войск к границам Северного Кавказа содержала поддержанную всеми присутствующими констатацию: «Пламенно приветствуя стойких борцов за честь и славу свободной России, свободные рабочие, крестьяне, казаки и горцы терской земли под общим знаменем спасения родины встанут единым несокрушимым оплотом великой Российской советской республики» [5, с. 141].

В тексте также в резкой форме заявлено о «негодовании и презрении к врагам народа и предателям, дерзнувшим повести переговоры с германо-турецкими империалистами об отделении Северного Кавказа от Российской республики» [1, с. 321]. Заключительное постановление III съезда по докладу военного комиссара Я.П. Бутырина содержала и такую отражавшую массовые настроения формулировку: «Терская республика в братском единении со всеми свободными народами и республиками Северного Кавказа, стоя на платформе признания рабоче-крестьянской власти, заявляет о своей нерасторжимости с Российской Федеративной Советской Республикой» [1, с. 321]. Внешняя угроза, таким образом, даже в условиях гражданской войны приводила к сплочению

населения края на основе осознания принадлежности к общему отечеству. Причины присоединения закавказских мусульман к туркам выступавшие на III съезде усматривали в «неорганизованности русской демократии» [1, с. 301].

Однако в межэтническое противостояние в южных ареалах вовлеченной оказалась также лишь часть исповедовавшего ислам населения. Использование турецким командованием религиозных лозунгов и на этот раз не возымело влияния на массы верующих, на которое оно рассчитывало. Мусульмане Южного Кавказа сохраняли, несмотря ни на что, приверженность и российскому выбору. В северных ареалах края данная реальность, как можно судить по изложенным фактам, являлась преобладающей над иными процессуальными состояниями, так и не обретшими устойчивости. Связанные с ними альтернативы не опирались на массовую поддержку, либо, получая ее на непродолжительное время, быстро ее утрачивали. Сепаратистское отчуждение наблюдалось чаще всего как раз вследствие межэтнических конфликтов, превратившихся в одну из дестабилизирующих составляющих в период гражданской войны. Столкновения получали лишь иной уровень организованности.

В динамике их развития появлялись признаки этнической консолидации и националистической вандеи. Но на заседании 28 мая 1918 г. С.Г. Буачидзе во внеочередном заявлении указал на позитивные перемены, происходившие после создания советских органов управления в Терской области, сразу же возлагавших на себя государственные функции. В нем, в частности, отмечалось: «Глухие места, куда из-за грабежей не могли проникнуть не только представители власти, но и местные отряды, комиссару внутренних дел удалось путем посылки отрядов красноармейцев успокоить». В качестве таких очагов сохранявшейся нестабильности С.Г. Буачидзе назвал «места... в Ингушетии и Осетии» [1, с. 319]. Каждое из межэтнических столкновений имело свою специфику. Различались и предопределявшие их обстоятельства. Воздействие на обострение отношений оказывали религиозный, земельный и иные факторы, в том числе не устраненные на предшествующем этапе проблемы.

Обоюдные же потери в ходе межэтнических конфликтов порождали на какое-то время недоверие и обиды. Вспышки ненависти тем не менее в большинстве случаев оказывались преодолимыми. Так произошло и в июне 1918 г., когда вследствие провокации ингуши горного аула Бордабос предприняли вооруженное нападение на казачью станицу Тарскую. При осуществлении ответных действий казаки сожгли аул [6, с. 115]. Возник еще один очаг напряженности, способствовавший обострению ситуации. При политической неопределенности в условиях разраставшейся гражданской войны какая-то часть горского населения под влиянием связанных с конфликтами событий оказалась восприимчивой к призывам сепаратистов, так и не получившим тем не менее достаточной для утверждения поддержки. Преобладающим между тем являлось осознание того, что обойтись «нельзя

без России». О «горячей любви» к ней представители горцев заявляли не раз в моменты возникновения внешней опасности.

Делались такие заявления и на многочисленных съездах, проходивших в условиях гражданской войны. В них по-прежнему отражалось желание оставаться в составе России. На основе существовавших настроений к сохранению единого отечества происходило и принятие советской власти как преемницы той, которая существовала до революции, но подкрепленной обещанием утвердить социальную справедливость. В обзоре событий на Северном Кавказе с 1 по 21 сентября 1918 г., представленном в Народный комиссариат по делам национальностей, сообщалось: «Объявили себя сторонниками Советской России ингуши на своем народном съезде. Чеченский и кабардинский народы сочувственно относятся к трудящимся России» [7, л. 82].

По содержанию заметно, что передававшимся сведениям информаторы сообщали классовый оттенок. Однако выбор предопределялся прежде всего общегражданскими связями. С негодованием воспринимались большинством мусульман Северного Кавказа и распространявшиеся слухи о желании отделиться. Отражение это получало, в частности, в телеграммах, отправлявшихся со съездов в Москву «Ленину, Чичерину...» и другим советским руководителям [8, л. 64]. Так, в одной из них от 15 сентября 1918 г. сообщалось: «Ингушский народный съезд, созванный национальным Советом в Назрани... возмущенный заметкой, помещенной в тифлисской правительственной газете «Борьба» от 12 сентября под заголовком «Кавказские горцы», заявляет, что ингушский народ является решительным сторонником Советской власти, давшей ингушскому народу землю и свободу» [9, с. 62].

Посланию, как и многим другим, придавался и международный аспект. Копии его направлялись также в «Берлин, Париж, Лондон, Константинополь, Тифлис!» с припиской «Всем! Всем!» В обращении подчеркивалось: «Ингушский народ заявляет всему миру, что ингуши являются нераздельной частью Российской Федеративной Советской Социалистической республики и решительно никого не уполномочивают вести переговоры с германским командованием с целью привлечения германских полков в Терскую область. Ингушский народ заявляет, что все поползновения иностранных войск переступить границы Терской области ингушский народ сочтет как посягательство на его право и будет бороться всеми силами против такого нарушения прав народов, населяющих Российскую Федеративную Советскую Социалистическую республику» [9, с. 62]. Настроенность на сохранение общности с ней проявлялась на протяжении всего периода существования угрозы интервенции.

Продвижение же войск в 1918 г. к пределам мусульманских областей Северного Кавказа турецкая агентура старалась представить как «освободительную миссию единой державы» и придать ему окраску священной войны против неверных. Однако населением края это не было воспринято. Несмотря на то, что сил остановить вторжение у России тогда не было, большинство горцев, вместо поддержки провозглашавшейся «священной войны» («газавата»),

заявило, что будут защищать с оружием в руках ее границы. В оперативном донесении от 19 октября 1918 г., poslanном в г. Царицын К.Е. Ворошилову, по этому поводу сообщалось: «Турецкий режим вызвал восстание азербайджанцев в Закавказье... Чеченцы твердо решили не пропускать... турок и всю живую силу отдали Советской власти» [10, л. 36].

В телеграмме, отправленной в Москву 31 октября 1918 г., о принимавших участие в гражданской войне на Кавказе группировках сообщалось следующее: «По словам перебежчиков из Порт-Петровска Дагестанской области на побережье Каспийского моря действует партизанский отряд Бичерахова. Состав: армяне, черкесы, грузины, лезгины, кабардинцы, осетины и казаки» [11, л. 109]. Объединение в вооруженное формирование, как видно, произошло отнюдь не по этническому признаку. Да и сам Л. Бичерахов, бывший войсковой старшина (подполковник) русской армии, являлся представителем, как терского казачества, так и осетинского народа [13, с. 22]. Став только в период гражданской войны полковником [13, с. 22–23] и через непродолжительное время генералом, он душой болел прежде всего за отечество и чужд был, как и многие другие офицеры, каких-либо политических предпочтений.

О другом вооруженном формировании в телеграмме приводились такие сведения: «В Дагестанской области провозглашен диктатором князь Тарковский, около которого собирается отряд из мусульман, юнкеров и всех офицеров Кавказа» [11, л. 110–111]. Данное подразделение, следует заметить, создавалось также на общегражданской основе. Вхождение в него не только мусульман, но и «юнкеров и всех офицеров Кавказа», свидетельствует о наличии и в этом случае цели спасти Россию. Объединение в вооруженные формирования по таким же критериям в период гражданской войны происходило и в Терской области. Оно являлось показателем того, что межэтническая вандея претерпевала распад, так и не сложившись в устойчивое явление. Как разновидность гражданской войны она проявлялась в стихийных межэтнических конфликтах, не переросших тем не менее во всеобщее разъединяющее противостояние.

Но вандейский способ разрешения существовавших межэтнических противоречий при большевистском режиме получил государственную поддержку. Это коснулось в период гражданской войны прежде всего терского казачества. Пропагандой по указанию руководства РКП(б) оно все объявляется контрреволюционным, хотя и в его среде были сторонники советской власти. Против терского казачества под влиянием использовавшихся обвинений в «контрреволюции» сплачивается все остальное население области. В телеграмме от 31 октября 1918 г. приводилась уже информация «о боях» с ними, которые вели представители различных народов Северного Кавказа. В тексте отображалось также то, что «в рядах обороняющих Грозный много ингушей, чеченцев, кабардинцев и осетин, сражающихся за Советскую власть» [11, л. 110–111].

Среди них находились и русские. Но такое объединение основывалось не на принципе внешней классовой солидарности, получившей наименование «интернациональной». Так происходившее в Терской области преподносилось идеологами РКП(б) по ходу событий. Заимствовано это впоследствии было без проверки на объективность и в советской историографии. Однако и данное противостояние происходило под влиянием общегражданской связанности населения, сложившейся в предшествующий период. Подтверждалось это и другими событиями. В конце 1918 г. «чеченцы и другие горцы» принимали участие в боевых действиях с вооруженными формированиями белых. В операциях они участвовали совместно с партизанским отрядом Н.Ф. Гикало [13, с. 76–77], состоявшим преимущественно из русских.

Немалая часть горцев в период гражданской войны поддерживала белое движение и связанную с ним идею сохранения «единой и неделимой России». Информация об этом поступала в различные правительственные инстанции, чаще всего с пометкой «Москва. Кремль. Ленину». Копии, а нередко и оригиналы, направлялись также по введенной практике управления государством в Народный комиссариат по делам национальностей возглавлявшийся И.В. Сталиным. По поступившему туда донесению Е. Эшба от 9 апреля 1919 г. сообщалось, например, о том, что «в одной из перехваченных сводок Деникина говорится о доблести и героизме черкесских полков, сражающихся против большевиков» [14, л. 44]. Другая часть, как можно заметить из предшествующего анализа, напротив, их поддерживала и оказывала активное содействие. В этом заметен типичный для гражданских войн раскол на противоборствующие группировки.

Происходил же он отнюдь не по признакам этнической принадлежности, а по политическим предпочтениям, создававшимся нередко под воздействием агитации противоборствующих сил. В том же донесении Е. Эшба проинформировал Народный комиссариат по делам национальностей и о таком наблюдении: «На предложение англичан, духовенства и представителей высших сословий дать согласие на формирование войсковых частей для борьбы с большевиками Дагестан ответил серией вооруженных восстаний» [14, л. 44-об]. В описании ситуации просматривается, на мой взгляд, доля преувеличения.

Уже в период гражданской войны у членов РКП(б) проявилась склонность восстания и протестные движения оценивать с классовых позиций и даже ряд из них ставить себе в заслугу. Между тем отклонение предложения англичан вызывалось другим воздействием. И в этом случае срабатывал фактор российского притяжения. 30 декабря 1918 г. с пометкой «Кремль. Ленину» поступает телеграмма от начальника штаба Кавказского фронта Николича, в которой в обзоре обстановки в Дагестане выделяется следующее: «Недавно в Шуре состоялся областной съезд, посвященный вопросу предстоящей мобилизации для борьбы с большевиками. Съезд отказался дать солдат. Население симпатизирует Советской власти и ждет с нетерпением прихода наших войск» [15, л. 70–71].

Во время наступательных операций вооруженных сил Юга России, возглавлявшихся А.И. Деникиным, «значительное число красноармейцев» нашло укрытие в чеченских аулах [16]. Донесения об этом поступали неоднократно в 1919 г. от офицеров, руководивших боевыми операциями. В одном из них также подтверждалось, что «большевики успешно пополняли свои силы в нагорных чеченских аулах и именно там находили укрытие при преследовании» [17, л. 9]. С таким же содержанием заметка была размещена и в газете «Жизнь национальностей» от 1 июня 1919 г. [16], куда направлялись сведения от находившихся на Северном Кавказе членов РКП(б). Для защиты «русских большевиков» местные жители создавали «красные отряды». Использовались они и в совместной борьбе «против Деникина» [18].

По отношению к «белым», как подтверждалось различными наблюдениями в период гражданской войны, чеченцы были настроены «очень враждебно» [19], так как ими предпринимались попытки восстановить прежний существовавший в государстве порядок и законность. Соответственно исключалась возможность перераспределения земли за счет терского казачества. Тем не менее сторонники и противники Добровольческой армии А.И. Деникина были и в среде вайнахских общностей. По ходу гражданской войны у них проявлялась такая же дифференциация, как и у других народов Северного Кавказа, в том числе, и у русских. Затрагивала она и казачество. Это указывает на наличие как общероссийской, так и региональной солидарности, проявлявшейся независимо от этнической принадлежности.

Общероссийская и региональная солидарность на Северном Кавказе, как и во всех гражданских войнах, основывалась на политических предпочтениях, определявшихся в какой-то степени и социальным положением. В происходившем выборе немаловажную роль играло и идеологическое воздействие. Дифференциация на различные по политическим предпочтениям группировки, обретавшие под воздействием пропаганды готовность выступить друг против друга в вооруженной борьбе, в иноэтнической среде на Северном Кавказе была такой же, как и по всей России.

Так, 9 сентября 1919 г. советскому руководству в Москву поступила информация об инциденте в Назрани. Часть ингушей откликнулась на предложение командования Добровольческой армии «выставить четыре полка». Сторонники белого движения «стали грузиться в Назрани с целью отправки». Между тем в известность об этом не был поставлен «Национальный совет». Мобилизация в вооруженные силы Юга России происходила без его уведомления. А.И. Деникин и его окружение такие органы власти игнорировали. Однако они в тот период опирались уже и на созданные вооруженные формирования. К месту сбора сторонников белого движения был направлен «ингушский Шариатский полк», который «силой заставил разгрузиться» [20, л. 394].

При отступлении вооруженных сил Юга России, отстававшие военнослужащие из-за враждебного отношения местного населения даже «не пытались спастись в горах». А.И. Деникин смог опереться лишь на незначительную

часть ингушей и чеченцев. Поддерживали его и другие горцы. Разделение происходило не по признакам этнической и конфессиональной принадлежности, а по общегражданской. Красную армию население чеченских аулов принимало «чрезвычайно радушно, делясь... не только хлебом и солью, но и всем, что... имелось» [21].

Подтвержденность имеет и существующая в отечественной исторической науке точка зрения о смешанном составе группировок, совершавших набеги. Служба участников создававшихся отрядов в русской, а затем и Красной армиях указывает на то, что в их среде, наряду с уголовным элементом, существовали прослойки, которые способны были воспринимать конструктивные воздействия и становиться на путь исправления. Северокавказские разбойные группировки так же, как когда-то и российское казачество, имели предрасположенность к эволюционным преобразованиям. Из среды «бывших чеченцев-абреков» происходило пополнение в период гражданской войны, например, «красных партизанских отрядов». Они также изъявляли желание участвовать «в борьбе за освобождение Терской области» [22, с. 29]. Такой «партизанский отряд из бывших чеченцев-абреков» был отправлен 25 января 1920 г. из слободы Воздвиженской в распоряжение командира «красного Кавказского корпуса» [22, с. 29].

В сообщении о положении на Северном Кавказе от 11 июля 1920 г., опубликованном газетой «Жизнь национальностей», отмечалось: «Среди чеченцев Советская власть весьма популярна» [23]. Информация имела подтвержденность. При отступлении части XI Красной армии в чеченских аулах получали укрытие [24, л. 8]. «Сочувствие и поддержку» большевики находили и в горных селениях Дагестана. В то же время Добровольческой армии А.И. Деникина там было оказано, согласно сводке за 7 августа 1920 г., «наиболее ожесточенное сопротивление» [25]. Другая же часть горцев сражалась в составе вооруженных сил Юга России и разделяла идеалы «белого движения», в том числе, воспринимала предлагавшийся вариант сохранения целостности страны.

Сведения о том, что «представители горцев находились... в рядах Добровольческой армии», поступали и в Народный комиссариат по делам национальностей. Публикации об этом появлялись также в его печатном органе [26]. Но в тылу Добровольческой армии действовали партизанские отряды горцев, поддерживавшие большевиков. Как только предоставилась возможность, они, по поступавшим сообщениям с мест, «во главе со стариками и своими муллами, все вооруженные, сами пришли в ЦИК Северо-Кавказской республики и отдали себя в распоряжение Советской власти» [27, л. 55]. Из-за привлекательности дававшихся обещаний прикрывавшийся ею большевистский проект преобразований получил поддержку большинства населения Северного Кавказа.

Его реализация в действительности сопровождалась нарушением критерия исторической справедливости в отношении терского казачества, что привело к его депортации на заключительном этапе гражданской войны.

Зачистка территории получила при большевистском режиме государственную поддержку. Незадолго до выселения представители терского казачества в письмах в Москву, адресованных В.И. Ленину, изъявляли в очередной раз готовность вернуть горцам 10 % занимаемой территории, которая когда-то им была передана при завершении Кавказской войны в целях предотвращения в дальнейшем конфликтов между самими горцами. Признание терского казачества «контрреволюционным» предопределило отношение к нему центрального советского руководства. По ходу гражданской войны между тем и какая-то его часть в соответствии с общими процессами в стране склонялась принять советскую власть.

В кризисных условиях продолжал действовать вместе с тем фактор российского патриотизма, являвшийся проявлением любви к общей родине. Это находило выражение даже в самые острые периоды противостояния, особенно когда оно сопровождалось внешней агрессией. Как только в 1920 г. известия, например, о вторжении польских войск в пределы России дошли до Дагестанской области, по этому поводу в знак протеста созывались аульные сходы и более представительные конференции. Присутствовавшие на них односельчане и делегированные в окружные центры посланцы выражали в резкой форме возмущение [23]. В адрес тех, кто осуществил интервенцию, высказывались грозные предостережения. Изъявлялась также готовность встать на защиту отечества.

Историческая кодификация самосознания в тех условиях претерпевала лишь незначительные изменения. Даже провозглашавшиеся имамы в контексте событий гражданской войны нередко превращались в советских вождей [28, с. 76], что является показателем направленности трансформации в среде мусульманского населения Северного Кавказа имевшей сходство с происходившими процессами в других российских регионах. Межэтническая вандея из-за общегражданского вектора притяжения, как видно из изложенного выше, в конце концов утратила обретение этнической монолитности, претерпев распад в соответствии с общими для страны политическими и социальными процессами.

Намечавшаяся консолидация с соответствующей направленностью прекратилась. Преобладающими в националистической вандее в зарубежных странах выступали, как правило, предпочтения к окончательному обособлению. Разновидность же ее на Северном Кавказе определяли в значительной мере сложившиеся ранее вследствие проводившейся политики объединяющие государственные начала. При всей сложности возникавших ситуаций возобладала именно российская интеграционная составляющая. Межэтническая вандея трансформировалась в разновидность гражданской войны. На Северном Кавказе в соответствии с происходившими в стране процессами противостояние также восприняло признаки системности. Характер же событий определяла тенденция, имевшая российское измерение.

В записке, составленной в начале 30-х гг. XX в. для польской разведки Б. Байтуганом, который непосредственно наблюдал события революции

и гражданской войны на Северном Кавказе, враждебность горцев к русскому населению преувеличена. Как представитель последователей сепаратизма он сообщал о «всеобщей» органической ненависти «масс ко всему, что русское» [28, с. 25]. Однако ничего подобного, как можно видеть, в действительности не наблюдалось. Формирование такой разновидности гражданской войны как межэтническая вандея в пределах северных и южных ареалов края наталкивалось и в условиях политической неопределенности на сохранявшееся общегражданское притяжение российского государственного поля. Сплачивающая массы для осуществления сепаратистских замыслов идеологическая составляющая из-за этого так и не сложилась.

Информацию об отсутствии цельной сепаратистской доктрины отобразил в записке и Б. Байтуган. Сформулировать платформу необходимости обособления от России оказалось невозможно и на основе ислама. Этому противостояла немалая часть мусульманского духовенства, отражавшая, в том числе, настроения верующих. Показательным в этом отношении является и обращение его представителей к исповедовавшему ислам населению Северного Кавказа. Датировка его фиксируется предположительно на периоде не позднее 1920 г. [29, с. 358]. В нем давались верующим, в частности, такие разъяснения: «Основываясь на священном Коране и на точном мусульманском толковании религиозных законов, указанных в Шариате, объявляется открыто, что учение большевиков с их идеей о коммунизме и интернационализме противно Шариату, и сами большевики, как враги всякой религии, особенно вредны для мусульманства» [29, с. 358].

В качестве наиболее неприемлемых положений в их программе выделялось отрицание частной собственности и брака. Несоответствие религиозным нормам представители мусульманского духовенства Северного Кавказа видели также в «интернационализме». По сложившемуся у них впечатлению коммунистическая идея основывалась на «отсутствии семьи, фамилии, рода, племени и нации». Верующим напоминалось, что по положениям Корана необходимо признавать не только «Бога, Его посланников, Пророков», но и «начальство над собой (...т. е. власть)... порядок и Государственный строй» [29, с. 358]. В связи с этим давалось наставление поддерживать верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и главнокомандующего вооруженными силами на европейском юге страны генерала А.И. Деникина. В заслугу им представители мусульманского духовенства Северного Кавказа ставили патриотизм, любовь к отечеству и стремление «установить Государственный строй» [29, с. 358–359].

Именно этим они объясняли необходимость «на основании Шариата... молиться Богу о сохранении здоровья Верховному правителю адмиралу Колчаку, генералу Деникину и за успех работы сыновей России, жертвующих собой для блага Родины» [29, с. 359]. Сохранение ее целостности в прежних границах воспринималось, как можно судить по обращению, в качестве непререкаемого политического выбора. Поддержку у части мусульманского населения Северного Кавказа в условиях гражданской войны он

также получал отнюдь не по этнической принадлежности. Различалась лишь, как и в других местностях страны, ее распространенность в зависимости от конкретных ситуаций.

Отсутствие раскола по этническому и религиозному признакам подтверждается и такой содержавшейся в обращении мусульманского духовенства констатацией: «Мы, сыны гор Северного Кавказа, приняли участие в дружной работе над восстановлением Великой России, выставив войсковые части против не признающих Бога и человеческих законов большевиков, и сыны наши зарекомендовали себя с лучшей стороны» [29, с. 359]. Вместе с тем осуждались те, кто оставлял «фронт и свои войсковые части без разрешения начальства». Поступки «дезертиров» представителями мусульманского духовенства Северного Кавказа объявлялись противоречащими не только необходимости исполнения долга перед родиной, но и противоречащими самой религии [29, с. 359]. Авторы обращения разъясняли верующим, что уклонение от службы в белых армиях приносит «расстройство... в деле, долженствующем внести Государственный строй и жизненный порядок всем народностям России» [29, с. 359].

Аульным обществам, равно как и другим населенным пунктам, где проживали горцы, вменялось в обязанность «сдать немедленно... дезертиров начальству для отправления... в свои части» [29, с. 359]. Обращение позволяет заметить, что в среде представителей мусульманского духовенства Северного Кавказа движение, отстаивавшее идею «единой и неделимой России», имело поддержку. С командованием белых армий оно, как можно судить по содержанию, действовало согласованно. Борьба с большевистским режимом мотивировалась и необходимостью восстановления «попранных законов». В обращении утверждалось, что «труды Добровольческой армии... никогда не изгладятся из памяти благодарного потомства». Участие горцев в белом движении представителями мусульманского духовенства рассматривалось также с позиций выполнения долга перед общей родиной [29, с. 359].

Для «спасения... отечества» по ходу гражданской войны задействовался ими и ретроспективный ресурс. Представители мусульманского духовенства Северного Кавказа отмечали в этой связи позитивные результаты происходивших ранее перемен, являвшихся следствием проводившейся в имперский период политики. В их обращении, к слову, содержалось такое напоминание: «Дети наши, наравне с русскими учились в русских школах. Двери российских высших учебных заведений, как и военные, так и гражданские были открыты. Россия для нас не мачеха, а любящая мать и... мы должны довериться ей, ибо она поведет нас по правильному пути, как вела... до сих пор» [29, с. 359].

В отличие от Б. Байтугана представители мусульманского духовенства Северного Кавказа отразили иной срез реальности, существовавшей в период гражданской войны. При всей противоречивости обстановки в крае, противостояние развивалось отнюдь не по сценариям националистической вандеи.

Складывание фронтов происходило на основе политического выбора, а не вследствие этнических мобилизаций. Попытки отделения от России, даже по признанию Б. Байтугана, наталкивались на «недоверие масс» [28, с. 18, 24]. По его же подтверждению, «идея... независимости» не находила в их среде поддержки [28, с. 20].

Проведенный анализ позволяет выделить вместе с тем следующее. Российская идентичность мусульманского населения Северного Кавказа оказалась устойчивой и в условиях гражданской войны. Сепаратистская альтернатива не воспринималась в его среде, как правило, в качестве приемлемой. На какую-либо конструктивную программу, отражавшую состояние исторической кодификации, она не опиралась. Объединяющую роль по-прежнему играла Россия как отечество для всех входивших в ее состав народов¹. На Северном Кавказе, как и на других окраинах империи, «национально-освободительных движений» не наблюдалось и сепаратизм, при отсутствии широкой поддержки, обретал экстремистские вариации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Съезды народов Терека: 1918 г. : сборник документов и материалов : в 2 т. Т. I / Сост. Х. Х. Бекузаров [и др.] ; НИИ истории, экономики, яз. и лит. при Совете министров Сев.-Осет. АССР. – Орджоникидзе : Ир, 1977. – 279 с. – Текст : непосредственный.
2. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. Т. 12 : Исландия–Канцеляризм. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2008. – 366 с. – Текст : непосредственный.
3. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918 : энциклопедия : в 3 т. Т. 2 : К–П / отв. ред. А. К. Сорокин. – М. : РОССПЭН, 2014. – 903 с. – Текст : непосредственный.
4. Тотоев, М. С. Борьба трудящихся Северной Осетии за Советскую власть в 1917–1920 гг. / М. С. Тотоев. – Текст : непосредственный // Известия СО НИИ. – Т. XVIII. – Орджоникидзе : СОНИИ, 1956. – С. 93–126.
5. Разгон, И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе 1917–1920 гг. / И. Разгон. – М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1941. – 335 с. – Текст : непосредственный.
6. Никонов, И. Н. Ной Буачидзе / И. Н. Никонов, В. С. Гальцев. – Орджоникидзе : Книгоиздат, 1957. – 124 с. – Текст : непосредственный.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619. – Текст : непосредственный.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130 Оп. 2. Д. 580. – Текст : непосредственный.
9. Ленин и Чечено-Ингушетия : сборник документов и материалов / науч. ред. К. И. Ефанов. – Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. – 320 с. – Текст : непосредственный.
10. Российский государственный военный архив. Ф. 100. Оп. 8. Д. 12. – Текст : непосредственный.
11. Российский государственный военный архив. Ф. 100. Оп. 3. Д. 294. – Текст : непосредственный

¹ Исследованная автором ситуация подпадает под характеристики феномена «российскости», сформулированного научно-педагогической Кавказоведческой Школой В.Б. Виноградова, работающей при АГПУ (Ред.).

12. Безугольный, А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Известные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919 / А. Ю. Безугольный. – М. : Центрполиграф, 2011. – 348 с. – Текст : непосредственный.
13. Алиев, У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (Итоги и перспективы) / У. Алиев. – Ростов н/Д. : Севкавказ и Крайнаиздат, 1926. – 128 с. – Текст : непосредственный.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 42. – Текст : непосредственный.
15. Российский государственный военный архив. Ф. 100. Оп. 3. Д. 305. – Текст : непосредственный.
16. Жизнь национальностей. – 1919. – 1 июня. – Текст : непосредственный.
17. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 13. – Текст : непосредственный.
18. Жизнь национальностей. – 1922. – 19 мая. – Текст : непосредственный.
19. Жизнь национальностей. – 1920. – 23 мая. – Текст : непосредственный.
20. Российский государственный военный архив. Ф. 100. Оп. 2. Д. 174. – Текст : непосредственный.
21. Жизнь национальностей. – 1920. – 23 мая ; 29 июня. – Текст : непосредственный.
22. Разгон, И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. / И. Разгон. – М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1942. – 39 с. – Текст : непосредственный.
23. Жизнь национальностей. – 1920. – 11 июля. – Текст : непосредственный.
24. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 1849-П. Оп. 2. Д. 35. – Текст : непосредственный.
25. Горская беднота. – 1920. – 19 августа. – Текст : непосредственный.
26. Жизнь национальностей. – 1920. – 29 февраля. – Текст : непосредственный.
27. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 2. Д. 432. Л. 55. – Текст : непосредственный.
28. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 8–26.
29. Обращение представителей духовенства к мусульманам Северного Кавказа. Не позднее 1920 года. Документ № 213. – Текст : непосредственный // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.) : документы и материалы. – Махачкала : Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1994. – 440 с.

REFERENCES

1. Siedzdy narodov Tereka: 1918 g. [Congresses of the peoples of the Terek: 1918]. Sbornik dokumentov i materialov. V 2 t. = Collection of documents and materials. In 2 volumes. Scientific Research Institute of History, Economics, Language and Literature. Ordzhonikidze: Ir, 1977, vol. 1, 279 p.
2. Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya: V 30 t. [The Great Russian Encyclopedia: 30 volumes]. Moscow: Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2008, vol. 12, 366 p.
3. Rossiya v Pervoi mirovoi voine. 1914–1918 [Russia in the First World War 1914–1918]. Encyclopedia. Moscow: ROSSPEN, 2014, vol. 3, 903 p.

4. Totoev M.S. The struggle of the working people of North Ossetia for Soviet power in 1917–1920. *Izvestiya. Ordzhonikidze: SONII*, 1956, vol. XVIII, pp. 93-126.
5. Razgon I. *Ordzhonikidze i Kirov i borba za vlast Sovetov na Severnom Kavkaze 1917–1920 gg.* [Ordzhonikidze and Kirov in the struggle for power of the Soviets in the North Caucasus 1917–1920]. Moscow: OGIZ; Gospolitizdat, 1941. 335 p.
6. Nikonov I.N., Galtsev V.S. *Noi Buachidze* [Noah Buachidze]. Ordzhonikidze: Knigoizdat, 1957. 124 p.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund 1318, inventory 1, case 619.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund 130, inventory 2, case 580.
9. Lenin i Checheno-Ingushetiya. *Sbornik dokumentov i materialov* [Lenin and Chechen-Ingushetia. Collection of documents and materials]. Grozny: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1982. 320 p.
10. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. Fund 100, inventory 8, case 12.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. Fund 100, inventory 3, case 294.
12. Bezugolnyi A.Yu. *General Bicherakhov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranitsy istorii Grazhdanskoi voiny i interventsii na Kavkaze. 1917–1919* [General Bicherahov and his Caucasian army. Unknown pages of the history of the Civil War and intervention in the Caucasus. 1917–1919]. Moscow: CJSC Izdatelstvo Tsentrpoligraf, 2011, 348 p.
13. Aliev U. *Natsionalnyi vopros i natsionalnaya kultura v Severo-Kavkazskom krae. (Itogi i perspektivy)* [The national question and national culture in the North Caucasus region. (Results and prospects)]. Rostov-on-Don: Sevkavkniga i Krainatsizdat, 1926. 128 p.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund 1318, inventory 1, case 42.
15. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. Fund 100, inventory 3, case 305.
16. *Zhizn natsionalnostei* [The life of nationalities]. 1919, 1 June.
17. Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [The Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Fund R-594, inventory, 1, case 13.
18. *Zhizn natsionalnostei* [The life of nationalities]. 1922, 19 May.
19. *Zhizn natsionalnostei* [The life of nationalities]. 1920, 23 May.
20. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive]. Fund 100, inventory 2, case 174.
21. *Zhizn natsionalnostei* [The life of nationalities]. 1920, 23 May, 29 June.
22. Razgon I. *Borba partizan protiv belogvardeitsev na Severnom Kavkaze v 1919–1920 gg.* [The fight of partisans against the White Guards in the North Caucasus in 1919–1920]. Moscow: OGIZ; Gospolitizdat, 1942. 39 p.
23. *Zhizn natsionalnostei* [The life of nationalities]. 1920, 11 July.
24. Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [The Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. Fund 1849-P, inventory 2, case 35.
25. *Gorskaya bednota* [The mountain poor]. 1920, 19 August.
26. *Zhizn natsionalnostei* [The life of nationalities]. 1920, 29 February.

27. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. Fund 130, inventory 2, case 432, l. 55.

28. “Crystallization” of the mountain liberation movement. Reflections of B. Baytugan on the history of Muslims of the North Caucasus and Dagestan. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2001, No. 5, pp. 8–26. (In Russian).

29. Obrashchenie predstavitelei dukhovenstva k musulmanam Severnogo Kavkaza. Ne pozdnee 1920 goda. Dokument № 213. [Appeal of representatives of the clergy to Muslims of the North Caucasus. Not later than 1920. Document No. 213]. *Soyuz obedinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917–1918 gg.). Gorskaya respublika (1918–1920 gg.): Dokumenty i materialy = Union of the United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan (1917–1918). The Gorskaya Republic (1918–1920): Documents and materials*. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography. Makhachkala: The Institute of History, archeology and ethnography DNTs RAN, 1994. 440 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Гражданская война в России 1917–1920 гг.: северокавказское преломление / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 48–64.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. The Civil War in Russia (1917–1920): North Caucasian Deflection / V. A. Matveev // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2020, No. 3, pp. 48–64. (In Russian).

УДК 37(470.6)''19/20''

**РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

Ж.А. Мурадова

**THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION
ON THE BLACK SEA COAST OF THE CAUCASUS
AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES**

J.A. Muradova

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования системы народного просвещения в Черноморской губернии на рубеже XIX–XX вв. Автором проанализировано развитие культурно-образовательной сферы Черноморской губернии на фоне интеграции региона в общероссийскую систему образования. Также во внимание была принята специфичность региона, выражавшаяся во многонациональности населения и особенностях бытовой жизни. Сделан вывод, что, несмотря на многочисленные трудности, усилия правительства и губернских властей в деле просвещения, развития здравоохранения и повышения уровня культуры местного населения привели в начале XX в. к существенным результатам.

Abstract. The article discusses the process of forming a system of public education in the Black Sea Province at the turn of the 19th and 20th centuries. The author analyzed the development of the cultural and educational sphere of the Black Sea Province against the background of the region's integration into the Russian educational system. The specificity of the region reflected in the multi-ethnicity of the population and the characteristics of everyday life was also taken into account. It was concluded that, despite many difficulties, the efforts of the government and the Black Sea Province authorities to educate, promote health and improve the culture of the local population led to significant results at the beginning of the 20th century.

Ключевые слова: народное просвещение, Черноморская губерния, многонациональность, Сочинский округ, полиэтничность.

Keywords: National Education, Black Sea Province, Multi-nationality, Sochi District, Multi-ethnicity.

Сегодня общество требует создания полноценного культурно-образовательного пространства, включающего в себя взаимодействие процессов образования, социализации и культурной среды. Стоит отметить, что указанные явления тесно связаны с политической направленностью развития страны и существующей системой социокультурных и экономических факторов. В каждом регионе эти тенденции и процессы имеют свои особенности. Достаточно специфично в этом отношении Черноморское побережье Кавказа, где такого рода преобразования проходят на фоне активных миграционных процессов, становления новых межнациональных и конфессиональных отношений,

общего демографического роста, резкого изменения ранее сложившихся этнических пропорций. Поэтому актуальным является изучение и анализ процессов становления и интеграции системы народного просвещения на Черноморском побережье на рубеже XIX–XX вв., в частности, на примере Сочинского округа.

После освоения Северо-восточного Причерноморья перед Россией остро встал вопрос о развитии социально-культурной сферы этого региона. Необходимо было определить основные направления и механизмы реализации политики просвещения и внедрения народного образования среди поселен Черноморского округа.

Специфика Черноморской губернии выражалась в многочисленности различных этнических сообществ и групп (черкесы, русские, греки, армяне, поляки, молдаване, грузины, белорусы, украинцы и эстонцы). Также процесс просвещения и приобщения к русской культуре вызывал неодобрение и недоброжелательность со стороны многих этнических групп. В данной ситуации учителя выступали не только пропагандистами образования, но и выступали посредником между инородческим населением и русским [1, с. 51].

В 1870 году было открыто первое начальное училище в городе Новороссийске. В 1894 г. там же была учреждена мужская прогимназия, преобразованная в 1901 году в гимназию. В 1907 году в Сочи была открыта 4-х классная прогимназия, преобразованная в 1912 году в 6-ти классную, а осенью 1913 года – в 7-ми классную гимназию с 8-ми летним обучением. С января 1914 года гимназия с совместным обучением была преобразована в мужскую, а примерно в 1915 году – образована женская гимназия. К концу 1917 г. в Черноморской губернии насчитывалось 127 начальных училищ (исключая города). Черноморская губерния делилась на два учебных района, в каждый из которых входили округа. В первом районе был только один округ – Новороссийский. Второй район объединял два округа – Туапсинский и Сочинский.

К концу оформления Черноморской губернии (23 мая 1896 г.) в Сочинском округе были организованы церковно-приходские школы и школы грамоты. В 1908 г. в Сочинском округе уже работало 9 церковно-приходских школ.

Важной проблемой Российской империи являлась проблема просвещения инородческого населения, поскольку требовала специфических подходов к постановке учебного дела.

В Сочинском округе инородческими училищами считались черкесские, эстонские и греческие начальные училища, содержащиеся на средства сельских обществ и казны.

Училища делились на одноклассные и двухклассные. В одноклассных училищах преподавались родной язык, пение, русский язык, Закон Божий (или соответствующее вероисповедание), арифметика. В двухклассных добавлялись география, черчение, русская история, естествознание и начала геометрии.

В процессе обучения учителя столкнулись с рядом проблем. В-первых, некоторые ученики даже по окончании курса не могли овладеть

русским языком на должном уровне. Было решено ввести следующие меры: обучение русскому языку начинать раньше, с третьего месяца со дня поступления; введение уроков чтения и бесед о прочитанном наряду с письменными работами; во время обучения учащиеся разговаривают только на русском языке, что позволяет следить за правильностью используемых оборотов речи. Во-вторых, посещаемость практически всех учебных заведений была плоха. Особенно это было заметно в периоды посева и сбора урожая. Некоторые школы, например, в деревне Пластунка, вводили штрафы за пропуски.

Проведение культурно-массовых, особенно в сельской местности с иногородческим населением, меняло отношение к просвещению, поднимало культуру и приобщало местных жителей к общей русской государственности [2, л. 12]. Например, Хостинскому двухклассному училищу было разрешено устраивать платные спектакли, а в Мамайском и Медовеевском училищах организовывались и регулярно проходили «Народные чтения» [3, с. 8].

Основными типами учебных заведений на рубеже XIX–XX вв. были церковно-приходские школы и начальные училища в городах. Но в 1903 г. было открыто первое частное заведение для обоих полов Л.А. Покровской с программой для 6–8 классов. Обучение предоставлялось для детей от 8 до 11 лет из привилегированных семей. К концу 1917 г. существовали училище И.П. Языковой и И.П. Мец [2, л. 16].

В 1914 г. появилось Сочинское высшее начальное училище. Обучение было смешанным. Изучали географию, Закон Божий, арифметика, изучались элементы алгебры, геометрии и физик, русский язык, с элементами церковнославянского языка, естествоведение, историю, французский и немецкий языки, черчение и рисование. Устраивались чтения по классам, увеличивалось число письменных работ по русскому языку, особое внимание обращалось на исправление письменных работ. Предусматривались и платные занятия по французскому и немецкому языкам, что давало возможность учащимся переходить в гимназию.

От общей оплаты освобождались дети учителей, отличники из малоимущих семей. С трех до пяти вечера, учащиеся занимались под руководством инспектора садоводством и огородничеством. Здесь они получали практические сведения о сельском хозяйстве. В 1914 г. были открыты классы ручного труда.

Примечательная особенность – преподаватели большую часть времени проводили с учащимися, стремясь улучшить усвоение знаний. По окончании училища выпускники поступали в другие учебные заведения (Кубанское училище, реальное училище и т. д.). Это говорит о высоком качестве преподавания.

К среднему типу учебных заведений в посаде Сочи относилась четырехклассная мужская прогимназия (открыта в 1907 г.). На основании ходатайства попечителя Кавказского учебного округа было разрешено совместное обучение мальчиков и девочек. В 1910 г. четырехклассная прогимназия на местные

средства была преобразована в шестиклассную. В последней для учащихся грузинской и армянской национальностей преподавался родной язык.

В 1913 г. прогимназия преобразуется в восьмилетнюю. Был создан институт классных наставников, что образовывало взаимосвязь между семьей и школой.

В 1914 г. в Сочи действовала гимназия совместного обучения, в 1915 г. открывается женская гимназия. В учебных заведениях большое внимание уделялось празднованию исторических юбилеев, раскрытию значения отмечаемых событий. Празднование юбилеев Отечественной войны 1812 г. и 300-летия Дома Романовых побудило учителей четырехклассного училища ознакомить учащихся на месте с историческими памятниками и знаменательными историческими местами. Была проведена 27-дневная экскурсия Сочи – Новороссийск – Царицын – Нижний Новгород – Москва – Севастополь – Ялта – Феодосия – Керчь – Новороссийск – Сочи.

Уже к 1916 г. в Сочи работали Высшее городское училище с совместным обучением, мужская и женская гимназии, ремесленное училище Министерства финансов, греческое и армянское училища, церковно-приходская школа, сельское двухклассное училище. Всего действовали 54 начальных училища и два частных училища [4, л. 38–39, л. 1–2].

Однако, несмотря на явный прогресс в деле развития народного образования, рост количества новых школ по норме почти не опережал роста численности населения. В 1903 году вне стен школ в губернии находились 5 083 ребенка в возрасте от 8 до 11 лет или 59,2 % от общего числа детей этого возраста.

Обучение в сельских училищах было достаточно высоко для государства. Причинами являлись малолюдное посещение и вкладывание основных средств в обустройство школ. В то же время церковно-приходские школы требовали меньше средств, поскольку выплаты учителям и аренда помещения осуществлялись за счет сельских обществ.

Содержание начальных школ в губерниях в основном обеспечивалось государством – около 55 % средств. Остальными источниками выступали городские власти, частные пожертвования и сельские общества. Такое положение дел обособляло Черноморскую губернию от других, так как в остальных губерниях большую часть средств предоставляли сельские общества, а не государство. Такая щедрость со стороны правительства экономической несостоятельностью большинства переселенцев и малочисленностью сельских обществ губерний.

Кроме того, начальные школы Причерноморья отличались разнообразием национальностей среди учеников, что порождало дополнительные трудности у преподавателей. Статистика гласит, что в 1903 г. на 3 273 ученика приходилось 13 национальностей. Больше половины занимали русские, украинцы и белорусы. Около четверти – греки. Остальные дети были чехами, эстонцами, евреями, молдаванами, армянами, немцами и т. д.

Малолюдное посещение начальных школ губернии (10–20 учеников) было вызвано малой населенностью, обязанностью детей помогать родителям по хозяйству, низким уровнем путей сообщений и хуторским характером поселений. Открытие школ на переселенческих участках развивалось постепенно. К 1903 г. было открыто 12 школ, 3 из которых были церковными. В планах значилось открытие 43 школ [5, с. 263–272].

Но не все шло так гладко. В черкесских населенных пунктах открытие школ часто заканчивалось неудачей. Из 7 селений только в 2-х удалось открыть начальные училища с небольшим числом учащихся. Отрицательное влияние оказало недоверие некоторых родителей к русской школе и высказывания местных мулов [5, с. 272]. Чтобы избежать конфликта и продвинуть процесс обучения, было решено открыть национальные школы, где предметы велись на родном языке. Во временных переселенческих поселках начали открывать такие неофициальные школы. В 1910 г. в Сочи было открыто греческое училище, а спустя два года – армянское [6, с. 9, 26].

В системе народного просвещения остро ощущался недостаток образованных и опытных преподавателей. В 1903 году из 47 сельских учителей только 10 человек окончили учительские семинарии, остальные 37 – городские училища и другие неполные средние учебные заведения. Причинами являлись отсутствие культурных центров и библиотек, суровые бытовые условия, инонациональная среда, дороговизна сообщений с городом приводили к большой текучести кадров, их случайному подбору и некомплекту. Так, из 47 сельских учителей в 1903 году 19 работали в школах губернии менее года, 9 – год и только 8 служили 5–6 лет.

Положение в городах губернии было гораздо лучше, чем в селе. Обеспечение педагогами и предоставление средств не вызывало особых затруднений. Однако и здесь многие дети школьного возраста (8–11 лет) не были охвачены образованием.

В 1903 году в среднем в городских начальных обучалось 33,8 % детей учебного возраста (в Новороссийске – 38,6 %). Всего на 54 110 человек городского населения в том году было 19 начальных школ с 1 507 учащимися (должно быть 4 329 человек) [6, с. 270–272].

Несмотря на многочисленные трудности, народное образование в Сочинском округе успешно развивалось, особенно начальное. К Октябрьской революции 1917 года на территории округа действовали 56 начальных (однодвухклассных) училищ, из них: 5 – церковно-приходских, 2 – частных, 49 – системы Министерства просвещения.

Если не считать 7 училищ, расположенных в самом городе Сочи, сеть начального образования охватывала почти половину населенных пунктов округа. В эти сельские школы могли приходить на учебу дети ближайших деревень, где своих училищ не было.

Важные статистические сведения, в частности, о грамотности населения, численности и их национальном составе содержатся в годовых отчетах

начальных училищ 2-го района Черноморской губернии, в который входили училища Туапсинского и Сочинского округов.

Из статистических данных видно, что с увеличением числа школ росла и грамотность сельского населения. Если в 1896 г. в селах, где имелись школы, было 429 грамотных, то в 1903 году – 2 969 человек. На январь 1897 года в округе в среднем было 33,4 % грамотного населения, а в январе 1917 года – уже 44 % (рост за 20 лет – на 10,6 %).

Особняком в школьной сети посада Сочи стояло городское 4-х классное училище, созданное в 1902 году и преобразованное в Высшее начальное училище в 1914 году. По своему статусу оно приравнивалось к 4-х классной прогимназии. К 1 января 1915 года в нем учился 181 ученик, из них 98 мальчиков и 83 девочки.

Подавляющее большинство учащихся составляли русские, а также грузины и греки православной веры (85,6 %), выходцы из крестьянской (43,6 %) и мещанской (27,1 %) среды.

За 2 года рост учащихся составил 21,5 %. Финансирование училища осуществлялось, в основном, из госказны (81 %), а также из городских средств (11 %), сборов с родителей учащихся (6 %) и спецсредств (2 %).

С 01.01.1913 по 01.01.1915 бюджет училища вырос с 6 162 руб. до 9 456 руб. (на 3 294 руб., или 53,5 %).

Об успехах просвещения в п. Сочи в предреволюционный период свидетельствуют следующие цифры. Если в 1912 году на нужды народного образования из городского бюджета выделялось 150 руб., из них на 4 начальные школы – 1 170 руб. (296 учеников), то в 1914 году финансирование образования достигло 19 498 руб., из них 7 255 руб. на начальные училища (400 учащихся), т. е. рост выделенных средств составил соответственно 139 и 52 %.

При этом из 895 детей школьного возраста (8–11 лет) 400 обучались в начальных школах и 150 в гимназии и частных училищах; не были охвачены школьной сетью – 345 чел., что в 1-ю очередь было связано с постоянным притоком в город пришлого населения [4, л. 38–39; 7, л. 1–2].

Таким образом, усилия правительства и местных властей на ниве просвещения народных масс привели к началу XX в. к существенным результатам и заложили основу для полной ликвидации неграмотности населения уже в советское время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тверитинов, И. А. Социально-экономическое развитие сочинского округа во второй половине XIX – начале XX в. / И. А. Тверитинов. – Сочи, 2000. – С. 51. – Текст : непосредственный.
2. МКУ «Архив г. Сочи». Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. – Текст : непосредственный.
3. Рудольф, Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа за 1908–1912 гг. / Н. Ф. Рудольф. – Тифлис, 1914. – С. 8. – Текст : непосредственный.
4. МКУ «Архив г. Сочи». Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. – Текст : непосредственный.
5. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии... С. 263–272. – Текст : непосредственный.

6. Сочи и его окрестности. Дорожник экскурсий по горам и ущельям Сочинского района. – СПб., 1911. – С. 9. – Текст : непосредственный.
7. Коченовский Д. И. Сочи / Д. И. Коченовский. – СПб., 1913. – С. 26. – Текст : непосредственный.
8. МКУ «Архив г. Сочи». Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Tveritinov I.A. Social'no-ekonomicheskoe razvitie sochinskogo okruga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v [The socio-economic development of the Sochi district in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Sochi, 2000. P. 51.
2. МКУ «Архив г. Сочи» [MGI «The Archive of Sochi»]. Fund 1, inventory 1, case 24.
3. Rudolf N.F. Obzor deyatel'nosti Kavkazskogo uchebnogo okruga za 1908–1912 gg. [The Overview of the Caucasus School District of 1908-1912]. Tiflis, 1914. P. 8.
4. МКУ «Архив г. Сочи» [MGI «The Archive of Sochi»]. Fund 1, inventory 1, case 23.
5. Spravochnik i putevoditel' po Chernomorskoj gubernii [The Handbook and Guide for the Black Sea Province]. Novorossiysk, 1907, Pp. 263-272.
6. Сочи и его окрестности. Дорожник экскурсий по горам и ущельям Сочинского района [Sochi and its suburbs. Road trip on mountains and gorges of the Sochi district]. Spb., 1911. P. 9.
7. Kochenovskij D.I. Sochi. SPb., 1913. P. 26.
8. МКУ «Архив г. Сочи» [MGI «The Archive of Sochi»]. Fund 1, inventory 1, case 30.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мурадова, Ж. А. Развитие народного образования на Черноморском побережье Кавказа на рубеже XIX–XX вв. / Ж. А. Мурадова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 65–71.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Muradova J. A. The Development of Public Education on the Black Sea Coast of the Caucasus at the Turn of the XIX–XX Centuries / J. A. Muradova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 65–71. (In Russian).

УДК 94.(470.62)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Л.Н. Хлудова, В.А. Галоян

**THE ACTIVITIES OF NATIONAL PUBLIC
ORGANIZATIONS OF KUBAN REGION
AS INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY**

L.N. Khudova, V.A. Galoyan

Аннотация. В статье рассматривается формирование и развитие неполитических национальных общественных организаций Кубанской области в пореформенный период. Авторы характеризуют специфику обществ, их виды деятельности, а также обращаются к биографиям именитых членов этих организаций. Благодаря функционированию кубанских национальных общественных организаций в 1860-х – 1917 гг. в провинции появляются очаги передовой мысли, эволюции идей, накопления знаний, воплощения гражданских инициатив. Их деятельность являлась наглядным показателем постепенного формирования гражданского общества в России.

Abstract. The article discusses the formation and development of non-political national public organizations of Kuban Region in the post-reform period. The authors focus on the specifics of these societies, their activities and the biographies of the eminent members of the organizations. Thanks to the functioning of Kuban national voluntary organizations in the 1860s and 1917 the provinces became centers of thought, evolution of ideas, accumulation of knowledge, implementation of civic initiatives. Their activities were a clear indication of the gradual development of civil society in Russia.

Ключевые слова: пореформенный период, Кубанская область, гражданское общество, национальные общественные организации, образование, благотворительность.

Keywords: post-reform period, Kuban Region, civil society, national public organizations, education, charity.

Сегодня в российской социальной политике значительное внимание уделяется демократизации власти и повышению роли населения в принятии государственных решений. В отдельных регионах, например, в Северокавказском и Южном округе, процесс развития взаимоотношений между властью и населением складывается непросто. Это обусловлено полиэтническим и поликонфессиональным составом населения, особенностями межнационального взаимодействия. Истоки этой особенности следует искать еще в дореволюционной России. Именно поэтому изучение взаимоотношений различных элементов гражданского общества и региональных органов власти выходит на первый план в исторических исследованиях.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на Кубани происходило становление и развитие общественных организаций. Проблема изучения их

деятельности достаточно актуальна на сегодняшний день, так как ее решение имеет значение для формирования современного гражданского общества на юге России.

В начале прошлого столетия, помимо научно-образовательных и культурно-просветительских общественных организаций, в Кубанской области получили развитие национальные общественные организации. Их активная деятельность сдерживалась продиктованными правительством ограничениями.

Большая часть населения Кубани была представлена русскими (в их состав входили также малороссы, великороссы, белорусы) – 90,5 % [1, с. 1, 60–63, 111–112]. Но это не помешало формированию общественных организаций, различных по вероисповеданию и национальности: греческие, немецкие, армянские, польские, мусульманские, грузинские и др.) Эти организации, кроме оказания помощи нуждающимся людям своей национальности, преследовали просветительские и благотворительные цели.

Организационная структура национальных обществ подчинялась общим правилам: неограниченное количество членов, принятие участников любого пола, любой народности, звания и сословия. Действовали ограничения для несовершеннолетних, учащихся, служащих нижних воинских чинов, ограниченных в правах по суду лиц и юнкеров.

Состав таких обществ делился на действительных, почетных, пожизненных, членов-соревнователей. Порой встречались исключения. В открываемых женщинами организациях членом почетным и соревнователем мог стать любой, но действительным – только женщина. Например, в «Дамском евангелическо-лютеранском благотворительном обществе в городе Екатеринодаре» женщина, желающая стать действительным членом, должна была оплатить взнос в 6 рублей.

Руководство делами общества обычно передавалось в руки Правления общества (Совет) и общего собрания членов общества. В свою очередь, они обязывались распределять занятия по правлению между членами, собирать данные о нуждающихся в помощи, вести списки членов. Также Правление занималось выдачей членам дипломов и билетов, указывающих их принадлежность к обществу.

Бюджет национальных общественных организаций складывался из членских взносов (единовременных, ежемесячных, ежегодных), различного вида пожертвований, проводимых по подписным листам сборов, из средств, полученных от организации досуга (литературные чтения, концерты, драматические представления, народных гуляний, танцевальных вечеров, лекций и др.).

В первую очередь, следует отметить деятельность национальных просветительских обществ, занимавшихся развитием национальной культуры и распространением грамотности среди народов своей национальности. К сожалению, как уже упоминалось выше, их деятельность была осложнена давлением со стороны царского правительства. Примерами таких организаций на Кубани являются «Римско-католическое общество попечения о бедных

города Екатеринодара» (1904 г.), «Армавирское отделение армянского общества на Кавказе» (1881 г.) и «Эллинское благотворительное общество города Екатеринодара» (1903 г.).

В создании национальных обществ принимали участие представители всех сословий. Однако большинство армян, греков были выходцами из мещанства и купечества. Мусульманские общества были представлены титулованной знатью, римско-католические и лютеранские – учительством, духовной интеллигенцией.

Например, членом правления «Черкесского благотворительного общества в городе Екатеринодаре» являлся Султан Довлет-Гирей – известный историк, член ОЛИКО с 1908 г. [2, с. 96]. Султан Довлет-Гирей – дальний родственник известного черкесского историка этнографа Султан Хан-Гирея, один из семи сыновей Султана Селет-Гирея из княжеской военной семьи, потомок крымских ханов. Именно он был организатором многих культурно-массовых мероприятий, среди которых наибольшую известность получили «Черкесские благотворительные вечера в городе Екатеринодаре». На первом таком вечере, проведенном в январе 1908 года для сбора средств в помощь пострадавшим от наводнения закубанским аулам, было названо около 60 фамилий благотворителей черкесов. Среди них князь Атажук Капланов, Султан Забит-Гирей, граф Шеретлуков, Алибей Улагай, Паго Нагоруков, Султан Довлеет-Гирей, Гамид Трахов. Этот вечер вызвал небывалый интерес у публики. Вечер состоял из трех отделений. В первом звучала адыгская музыка, во втором, основном, вниманию многочисленных зрителей было предложено красочное театрализованно-этнографическое представление в «живых картинах» на темы и сюжеты из истории, традиционной культуры и быта коренных жителей края. Завершилось мероприятие «обыкновенными танцами» [3, с. 1].

2 января 1914 года был организован второй благотворительный вечер, на котором было поставлено масштабное драматическое действо по мотивам эпической повести черкесского писателя и этнографа С. Хан-Гирея «Наезд Кунчука». Собранные средства были направлены на создание первых в истории народного образования адыгов национальных педагогических курсов.

Первые лекции мусульманского вероучения и для учителей родного языка, организованные «Черкесским обществом», прошли летом того же года в селении Тахтамукай. В кубанской прессе об этом вечере было написано: «...Черкесский вечер может почитаться не только культурным удовольствием, но может иметь отчасти и общественно-историческое значение. Через посредство живых картин откроется уголок минувшей жизни черкесских племен, мало исследованных в исторической литературе. Сухие страницы книг не дадут нам того, что может дать верная, живая историческая картина. Правда, интерес вечера местный, но все же должен вызвать общее сочувствие, так как может дать многое в смысле изучения быта и жизни туземного населения...» [4, с. 44–45].

12 мая 1914 года состоялось заседание «Черкесского благотворительного общества», на котором рассматривался вопрос народного образования. Председателем вечера выступал Лю Трахов, известный меценат города Екатеринодара, обеспечивший питание и приют всем нуждающимся в любое время и построивший в родном ауле Шенджий первую в Кубанской области каменную мечеть. Сеферби Сиюхов, в своей заметке «Первые черкесские учительские курсы», подробно описал это заседание [5, с. 45–46].

Рассматриваемые на этом заседании вопросы включали в себя организацию курсов черкесских вероучителей и учителей. Было также отмечено, что черкесы, проживающие на Кубани, отстают от черкесов Терской области. Причиной стало сопротивление кубанских черкесов процессу образования, в то время как в Терской области этот процесс шел достаточно активно.

По итогам собрания было решено направить бюджетные средства на издание учебных материалов на родном языке и переработку русской литературы для понимания горцев. Кроме того, была организована подготовка учителей, которая проходила с 15 июня по 15 сентября. Одним из первых учителей и заведующим курсами стал Сефербий Сиюхов [6]. Желающие пройти данные курсы должны были отвечать трем условиям: отсутствие судимости, возраст более 20 лет и наличие первоначальной минимальной образовательной подготовки.

Список предметов был представлен двумя направлениями: основные и вероучение. К основным относились: арифметика, география, русский язык, русская и черкесская история, школьная гигиена и педагогика. Вероучение было представлено историей Ветхого Завета и ислама, мусульманским шариатом и черкесским языком.

Такой опыт организации системного образования среди черкесов Кубанской области хоть и был первым, но оказался достаточно эффективным. Он получил свое распространение и в Терском округе, где Берд Шарданов развил аналогичную деятельность в городе Нальчик.

В декабре 1916 года прошло заседание «Благотворительного черкесского общества в городе Екатеринодаре», но уже с расширенным и измененным составом. В связи с кончиной Лю Трахова летом 1914 года, был избран новый председатель – Батырбек Шарданов.

На данном заседании были поставлены следующие задачи: приобретение черкесских шрифтов для печати книг, направление некоторых детей в Горийскую школу для подготовки, создание курсов для учителей черкесского языка, печать учебников для школ и книг для народа. Также было решено организовать черкесский музей и открыть фонд для постройки мечети в Екатеринодаре, о которой мечтал еще Лю Трахов и которую поддержал наказный атаман Кубанской области – Бабыч. Также было уделено особое внимание расширению медицинской помощи в аулах. Кроме того, была отмечена положительная динамика образовательного процесса, поскольку было преломлено внутреннее сопротивление черкесов [4, с. 87–90].

Несколько отдельно в списке национальных организации Кубанской области стоит история кубанского филиала украинской общественной организации «Просвита», которая была открыта 25 августа 1906 года в городе Екатеринодаре. Это торжество было освещено в прессе. Газета «Кубань» отмечала, что на собрании звучали призывы о необходимости украинизации кубанских школ и привлечение кубанцев к возрождению культуры на Украине. Основателем и организатором общества «Просвита» на Кубани был Степан Иванович Эрастов (1856–1933), уроженец Екатеринодара, журналист и общественный и политический деятель.

В уставе кубанских просвитян значилось: «Общество имеет своей целью распространять просвещение на широко демократических началах, пробуждать национальное самосознание и поднимать национальную культуру среди украинцев в Кубанской области» [7, с. 57–58].

Филиалы «Просвиты» вскоре возникли еще в 15 городах и сельских поселениях края. Для достижения поставленных целей планировалось собирать украинский фольклор, открывать школы, организовывать чтения рефератов и беседы, издавать печатную продукцию, основывать этнографические музеи и т. д.

В апреле 1907 года из-за революционных событий деятельность этой организации была запрещена, редакция ее газеты «Кубанська громада» закрыта, а ее основатель арестован. Деятельность С. Эрастова оказалась слишком политизированной и националистической, а журнальные статьи насыщены такими словами как «автономное начало», «национальные права» и так далее [7, с. 59].

Стоит также отметить деятельность «Римско-католического общества пособия бедным в г. Екатеринодаре», начавшего работу в 1905 году. В состав общества входили соревнователи, действительные и почетные члены в количестве 43 человек. Среди них О. Людкевич, епископ Иосия Алоизий Кесслер. М. Шенявский, Ирза, А. Буковская, И. Вольф, Б. Новицкий, Городецкий, Мордмиллович, Мицкевич.

В 1906 году общество уже имело под крылом школу при Костеле, устраивало благотворительные вечера, открывало бесплатные чтения, которыми заведовала учительница школы при Костеле госпожа Киборт [8, с. 7].

«Римско-католическое общество пособия бедным в г. Екатеринодаре» ставило просветительские цели на один уровень с благотворительностью. Общество открыло библиотеку-читальню, где человек мог не только приобрести абонемент, но и за неимением средств ему будут предоставлены бесплатные услуги. Библиотека также предоставляла молитвенники и другие предметы религиозного назначения. Заведующей библиотекой была Ю. Реутт, внесшая существенный вклад в становление библиотеки.

Большое распространение на Кубани получили армянские национальные общины [9, с. 116]. Яркими примерами может послужить АБОНК – «Армянское благотворительное общество на Кавказе», председателем которого был А.А. Тарасов. При закрытии общества в 1903 году имущество и 640 руб. капитала были переданы «Армавирскому обществу попечения о детях», так как оно обучало в своей прогимназии более 40 девочек-армянок, причем нескольких из них бесплатно.

6 апреля 1908 г. в селе Армавир вновь открылось отделение «Армянского благотворительного общества на Кавказе» [10, с. 1].

16 мая 1908 г. было открыто в г. Екатеринодаре отделение «Армянского благотворительного общества на Кавказе» (доктор Никита Сырмакишев, Алексей Тер-Аганянц, Елизавета Ашрапова, священник Арсен Вартанян, Гаяна Анпеткова). Общество преследовало цель «распространение просвещения между армянами на Кавказе и оказании им материальной помощи».

Общество опекало Екатеринодарское армянское церковно-приходское училище, выплачивало жалованье стипендиатам и учительницам. Более того, активно реагируя на стихийные бедствия, на эпидемии, возникавшие в городе, общество перечисляло в помощь из своих средств различные суммы (например, в 1908 г. по случаю распространения холеры в городе, общество перечислило в пользу бесплатной чайной г. Екатеринодара 50 руб.) [10, с. 5].

Фактический материал не позволяет говорить об активной деятельности армянских националистических партий в национальных школах региона. Возможно, более активно они действовали в Армении, а не в областях с преобладающим русским населением. Гораздо более активно действовали законно открытые армянские национально-просветительные общества.

Национальные диаспоры широко поддерживали либеральные национально-просветительные общества, не ставившие целью свержение правительства, но реально решавшие проблему нехватки национальных школ для своего народа.

Государственная администрация региона, в свою очередь, не преследовала либеральные национально-просветительные общества, так как их деятельность не угрожала геополитическим интересам страны и полностью основывалась на государственном законодательстве – на законе «О частных учебных заведениях».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что важными факторами возникновения национальных организаций на Кубани в пореформенный период были полиэтничный состав населения региона, стремление народов к сохранению культурной самобытности, формирование правовых основ для деятельности общественных организаций, процесс модернизации российского общества в целом. Общества, безусловно, внесли определенный вклад в развитие национального просвещения в регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 65. Кубанская область. – СПб., 1905. – 284 с. – Текст : непосредственный.
2. Хашхожева, Р. Х. Адыгейские просветители XIX – начала XX в. / Р. Х. Хашхожева. – Нальчик, 1993. – 244 с. – Текст : непосредственный.
3. Кубанские областные ведомости. – 1908. – № 28. – Текст : непосредственный.
4. Стрела времени. Биографические очерки о Лю и Аслане Траховых. – Майкоп, 2019. – Текст : непосредственный.
5. Емтыль, З. Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. / З. Я. Емтыль. – Краснодар, 2010. – 419 с. – Текст : непосредственный.

6. Сиухов, С. Всеобщее образование и черкесы / С. Сиухов. – Текст : непосредственный // Кубанский казачий листок. – 1912. – 19 июля. – № 193.
7. Чумаченко, В. К. Украинцы Кубани в поисках национальной идентичности / В. К. Чумаченко. – Текст : непосредственный // Вопросы регионоведения : сборник статей. – Вып. 1. – Краснодар, 2002. – 175 с.
8. 2-й отчет правления Римско-католического общества пособия бедным в г. Екатеринодаре за 1906 г. – Екатеринодар, 1907. – Текст : непосредственный.
9. Аракелян, Г. С. Черкесогай (историко-этнографическое исследование) / Г. С. Аракелян. – Текст : непосредственный // Кавказ и Византия. Вып. 4. – Ереван, 1984.
10. Отчет Екатеринодарского отделения армянского благотворительного общества на Кавказе за 1908 г. – Екатеринодар, 1909. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii* [The First General Russian Empire Census]. 1897, vol. 65, Kuban region, pp. 1, 60-63, 11-112. (In Russian).
2. Hashkhozheva R.H. *Adygejskie prosvetiteli XIX – nachala XX v* [The Adyghe Enlighteners of the XIX-early XX century]. Nalchik, 1993, p. 96.
3. *Kubanskije oblastnye vedomosti* [Kuban Oblast Records]. 1908, No. 68, p. 1. (In Russian).
4. *Strelna vremeni. Biograficheskie ocherki o Lyu i Aslane Trahovyh* [The Arrow of Time. Biographical Essays about Liu and Aslan Trakhoff]. Maikop, 2019, pp. 44-45; pp. 87-90.
5. Yemtyl' Z.Ya. *Adygskaya intelligenciya: formirovanie i deyatel'nost' v istoricheskoy dinamike kontsa XIX v. – nachala 30-h gg. XX v.* [Adyghe Intellectuals: the Formation and Activity in the Historical Dynamics of the End of the XIX – early 1930s]. Krasnodar, 2010, pp. 45-46.
6. Siyukhov S. Universal Education and Circassian Cossacks. *Kubanskij kazachij listok = Kuban Cossack Leaflet*. Ekaterinodar, 19 July 1912, No. 193. (In Russian).
7. Chumachenko V.K. Ukraincy Kubani v poiskah nacional'noj identichnosti. *Voprosy Regionovedeniya : Sbornik Statej = Regional Studies. 6th Collection of Articles*. Krasnodar, 2002, no. 1, pp. 57-58, p. 59. (In Russian).
8. *2-y otchet pravleniya Rimsko-katolicheskogo obshchestva posobiya bednym v g. Ekaterinodare za 1906 g.* [The Second Report of the Government of the Roman Catholic Society for the Welfare of the Poor in Ekaterinodar, 1906]. Ekaterinodar, 1907, p. 7.
9. Arakelyan G. S. Cherkesogai (istoriko-etnograficheskoe issledovanie). *Kavkaz i Vizantiya = Caucasus and Byzantium*. Erevan, 1984, No. 4, p. 116. (In Russian).
10. *Otchet Ekaterinodarskogo otdeleniya armyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva na Kavkaze za 1908 g.* [Report of the Catherine Branch of the Armenian Charitable Society in the Caucasus for 1908]. Ekaterinodar, 1909, p. 1, p. 5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Хлудова, Л. Н. Деятельность национальных общественных организаций Кубанской области как институтов гражданского общества / Л. Н. Хлудова, В. А. Галоян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 72–78.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khudova L. N., Galoyan V. A. The Activities of National Public Organizations of Kuban Region as Institutions of Civil Society / L. N. Khudova, V. A. Galoyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 72–78. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 141.333: 796.011.2

ИССЛЕДОВАНИЕ ДУХОПРОЯВЛЕНИЯ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ МЕТОДОЛОГИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

И.Л. Бирюков, А.Г. Нагапетова

THE STUDY OF SPIRIT MANIFESTATION IN SPORTS ACTIVITIES BASED ON THE METHODOLOGY OF N.A. BERDYAEV

I.L. Biryukov, A.G. Nagapetova

Аннотация. Авторы анализируют спортивную духовность. Одним из важных моментов в понимании спортивной духовности является интерпретация соприкосновения Бога и человека как двух видов реальности – духовной и материальной. Такое соприкосновение происходит в социальной реальности, которая одновременно выступает и духовной и материальной. В частности, перед нами встают следующие вопросы: как через форму спортивной деятельности может осуществляться соприкосновение Бога и человека, и с помощью каких методологических конструкций можно проследить данное соприкосновение? Каковы основания пластов духовных процессов в обществе, приводящие в движение субъективный дух, соединяя его посредством смыслообразования и преодоления в свободе и творчестве внутри человеческой истории метаисторическим духовным началом? В данной статье делаются попытки осмыслить эти вопросы с позиций методологии, разработанной Н.А. Бердяевым. При этом авторы движутся в таком направлении переосмысления духовности в спорт, при котором экзистенциальные границы индивида преодолеваются в свободном самополагании и волеизъявлении на пути его становления и движения к трансцендентной цели. Такое трансцендирование может стать ценностным смыслом и выходом из кризиса личности, обозначая новые границы аксиологии спорта.

Abstract. One of the important points in sports spirituality is the understanding of the contact between God and man as two types of reality. Accordingly, we are faced with the following questions: how this interaction can be carried out through a form of sports activity, and with the help of which methodological constructions can we trace this? What are the foundations of the layers of spiritual processes that set in motion the subjective spirit and combine it through the formation of meaning and overcoming in freedom and creativity from within human history? In the article, the author will try to partially answer these questions reconsidering sports within the existential boundaries of an individual that are overcome in free self-determination and expression of will on the way of its formation and movement towards a transcendental goal. The author believes that this can become a valuable meaning and a way out of the crisis, denoting new boundaries of the axiology of sport.

Ключевые слова: духовность, спортивная духовность, религия, культура, философия, Н.А. Бердяев, аскеза, свобода, творчество.

Keywords: spirituality, sports spirituality, religion, culture, philosophy, N.A. Berdyaev, austerity, freedom, creativity.

1. Субъективный дух и его проявление в спортивной деятельности (на основе концепции Н.А. Бердяева)

Философское наследие Н.А. Бердяева велико и многообразно. Его концепцию понимания «свободного духа», при внимательном рассмотрении, можно применять в построениях методологии реальности спортивной духовности, поскольку затрагивают основополагающие значения Божественного, человека и различные уровни их взаимодействия и проявления. Его взгляд далек от безжизненных фантомов, наполняющих классические идеалистические системы, а также от психологизма, сведённого к личностному опыту, который замыкается в себе и погружается в мир субъективных переживаний. В ином взгляде на духовный опыт спортивной реальности мы видим обретение внутреннего единства среди различных индивидов, а их смыслообразования, а вместе с тем и судьбы делаются родственными судьбам бытия и духопроявления Божественного. Мы можем увидеть, что духопроявление – это не только сила воли, решимость, дисциплинированности или другие психофизические качества личности в спортивной деятельности, но прежде всего, это свобода, любовь, творчество их соединение и отображение в различных частях жизненного бытия. В этих духовных устремлениях прослеживается жажда человека высшей реальности, без которой спортивная деятельность, лежащая в основе жизненного пути индивида, была бы лишена смысла в его существовании.

В одной из работ «Философия свободного духа» мы можем увидеть основные формы отображения понимания Духа и его проявления: «Бог есть дух. Дух же есть активность. Дух есть свобода», «Дух есть жизнь, и самосознание духа есть самосознание жизни» данные положения могут стать точкой отчета в понимании нами духопроявления в спортивной реальности. «Дух есть творческое становление», «Дух не есть субстанция, не есть объективно-предметная реальность в ряду других. Дух есть жизнь, опыт, судьба», «Дух не противоположен плоти, плоть есть воплощение и символ духа» [2, с. 24–32]. Эти мысли помогают понять спортивную реальность как одну из форм во взаимодействиях Божественного и человеческого.

Без присутствия Божества человека захватила бы скука небытия, именно поэтому происходит рождение Бога внутри страждущего и надеющегося. Но взывающий не бывает одинок, поскольку Бог также нуждается в человеке, и своей бесконечной любовью, наполняя любящего и любимого, создает грандиозную драму, полноценно раскрывающуюся в мистике. Последняя есть истинная и творческая христианская антропология [7, с. 58–65].

Развитие «духовности» не противопоставляется «телесности» или «материи», а означает преображение человека через достижение его высшей

качественной целостности. Происходит становление личности, через реализацию победы Духа над хаотическими душевно-телесными элементами [3]. «Субъективный дух», в таком понимании, играет важную роль в построении теоретических конструкций в философствовании, а также в практическом отображении в деятельности отдельной личности. Кроме того, в индивидуальном начале проявления духовности предопределяется одна из базовых особенностей бытия и становления человека, а именно способность к трансцендированию. Таким образом, в субъективном духе происходит интерпретация спортивной реальности, позволяющая высветить новые грани в понимании рассматриваемой проблематики.

По мнению Н.А. Бердяева, Бог реально пребывает в жизни святых, мистиков, а также людей высокой духовности, присутствует в человеческом творчестве и постигается с помощью духовного религиозного опыта, который основывается на интуиции. Ведь с точки зрения философа, есть два понимания Бога: первое – Бог как трансцендирование человеческой ограниченности; и второе – Бог как таинственная актуальная бесконечность, с отчужденностью от внебожественной человеческой природы. В этих случаях только первое понимание Бога для философа является духовным. Именно в обращенности к Богу человек поднимается над природой и побеждает «ничто» [6, с. 178–189]. Это положение весьма важно для нас в понимании спортивной духовности, в основании проявления которой будет творчество, основанное на интуиции, посредством трансцендированного религиозного опыта.

В основе человеческой деятельности, кроме собственных сил неизменно присутствует иная сила, с помощью которой совершается его направленное восхождение в трансценденции. Этим проявлением силы является дух как «субъективное состояние» в сознании личности.

С другой стороны, духовное содержание человека может быть понято как процесс в индивидуальном акте трансцендирования [10, с. 415]. Именно в соединении с Божественным происходит помощь в самоконструировании личности и направлении её к этому универсальному Абсолюту, где предельно возможно измерение сущностных сил человека. Без этого непрерывного направления движения «перерастания себя» личность погибает.

При таком подходе мы имеем дело с рассмотрением устройства человеческого бытия, состоящего как бы из двух миров – божественного и материального. Из этого положения Бердяев, как и многие другие идеалисты, делает вывод о представлении человека как смешанного бытия: духовного, сверхприродного и душевно-телесного. Человек в такой системе становится точкой пересечения этих двух миров, местом соприкосновения божественного и материального. По мнению философа, человеческое существование – это «бесконечная сложность и трудность» заключенная в этой дихотомии, поэтому не существует никаких трансцендентных границ, которые отделяют человека от Бога и мира. Благодаря этой возможности взаимодействия трансцендентного и имманентного и происходит взаимосвязь с двойственной конструкцией

человека, которая проявляется в духовной жизни индивида через духовный опыт. Понимание духовной жизни философом характеризуется как общение людей с Богом, между собой и миром «в любви». Духовная жизнь будит душу человека, «размыкая» ее [6, с. 178–189]. Эта характеристика духовной жизни совпадает с понятием «спортивной духовности» и интенции индивида в Божественной вечности, тем самым порождая принцип преодоления, конфликт «субъективного духа», утверждая персоналистическую революционность духа [3, с. 270–272]. Именно в реальной глубине духа познается экзистенциальное переживание судьбы, в соприкосновении со страданиями в тоске в смерти, как с некими первореальностями.

Бердяев проясняет, что человек погружаясь в первореальности, пронизан «духом» первожизни, познавая это через «откровения» о мистериях первожизни, получаемых в духовном опыте. В силу данного положения, этого взаимопроникновения, взаимовлияния «ничто», Бога и человека в первожизни и заключается понимание Н.А. Бердяевым принципа всеединства [6, с. 178–189], как возможности через осознанную смысловую деятельность (спортивную) соединения с Духом. Дальнейшее погружение в феномен первожизни, ведет нас к духу, который есть «ничто», а по отношению к Богу и человеку, составляет трансцендентное. Само «ничто», в котором, соответственно библейским текстам, отображается пребывание Бога, и из которого Он сотворил весь материальный мир и человека, связывает в единый целостный процесс взаимодействия Бога, как трансцендентное, и человека, как имманентное.

2. Методологический аспект спортивной духовности в социальной реальности

Итак, поскольку проявления Духа, духовности во взаимодействии с человеческой личностью были различны, а иногда и переплетались в различных обществах, мы подходим к различию, обособлению и пониманию Его как проявления библейского, евангельского и апостольского Духа. В данном обособлении находится код понимания проявления «смыслов физической активности» человеческих обществ и их наполнения духовным содержанием. В первом случае это благодатная энергия, может быть, даже безличная, которая прорывается или манипулятивно низводится из иного, божественного мира в наш мир. Во втором случае Дух есть идеальная основа мира, разум, который возвышается над миром чувствований. Третье понимание лежит уже в плоскости мистики и религии.

Реальность Духа засвидетельствована всем опытом человечества, всей его историей, всей его высшей жизнью. И это не сводится к пониманию его лишь как некой энергии и тем самым, по сути, возвращает нас к первобытным гилозоистическим представлениям или «интеллектуальным играм» постижения природы Божественного в эпоху модерна. Через «смыслы физической активности», что представляет собой, по сути, проявление Духа в повседневной человеческой реальности, происходит раскодирование «спиритуализации Духа и религиозного опыта», просветляющее наше представление и понимание о нем.

Отрицание же данной реальности, по выражению Н.А. Бердяева, есть «слепота и глухота, есть неспособность к различению качеств бытия, и эта реальность не доказывается, а показывается теми, кто способен ее различать» [3, с. 250].

В сложной истории понимания и раскрытия сущности человеческого духа были различны. Душевная «пневма» происходит от понимания материи, отождествляясь с воздухом, огнем, телом. Пневма являет собой некую безличную силу, связанную с народной верой в одержимость человеческой души духами и богами, которые воздействуют на человека и вдыхают в него свою силу. Второе понимание роли Духа и отображение его в философском ключе, поднимается над натурализмом, над его физическим «уровнем», вознося разум над целостной жизнью и обозначаясь словом «нус» или разум. Здесь основным признаком духопроявления признается интеллектуальное начало. Таким образом, «пневма» есть жизненная сила, а «нус» есть разум и этическое начало.

Также можно проследить, не только отдельные «чистые» проявления духовности, но и смешения и перетекания их друг в друга, где-то больше, а где-то меньше. Если мы коснемся проявления духовности через физическую деятельность в первобытной охотничьей магии, то она выражается в дуалистичном смешивании пневмы и нуса, что приводит к их спиритуализации и дальнейшему преодолению изначального физического смысла. Посредством интеллектуальной объективизации происходит возвышение человека посредством смысловой деятельности над жизнью космической. Преодолевая этот платоновский дуализм, раскрывается и возносится наше сущее в мир идеального и идей, где понятия пневмы и нуса всё время переплетаются.

Можно быть теистом в интеллектуальном понимании, а не в практическом выражении религиозности. Интеллектуальный теизм может быть просто вопросом принятия определенных суждений о божественном, характеризуя его как тонкий или поверхностный теизм, где в противоположность ему, находится глобальный или глубокий теизм – как мировоззрение со своими установками и стремлениями [11].

Но, как возможно различать «нус» от «пневмы»? Здесь следует распознать изначальный посыл индивида о том, чего же он хочет? Тянуться к Божественному или же наоборот снизводить Его до своей природы? Это и будет определяющим фактором борьбы и наполнения Духом человека.

Третье евангельское понимание Духа, прежде всего, отождествляется с силой, которой нет у «нуса» философов. Наитием Духа трактуется всякий сильный аффект или же необычайное событие. Здесь все начинается и происходит от Духа и через Дух, тем самым определяя его центральное положение. Таким образом, Дух не будет противопоставлением духовного и материального, это носит чисто религиозный характер, поскольку это не вторая и не третья составная часть или пропорция в человеческой природе, а есть божественное начало и его дальнейшее проявление в человеке.

Присвоение Духа – Параклета присваивается исключительно членам церкви и посылается лишь немногим избранникам, поскольку духовность религиозная как интенция к Божественному становится центральным фактором религиозной жизни. Дух Святой снисходит и становится внутренним достоянием индивида, Божественное перетекает в человека через Дух, а отходит от него в грехе по выражению св. Иринейя. Тем самым христианством вносится не только интеллектуальный аспект понимания Духа, но и этический [3].

Это будет одним из условий проявления Духа, поскольку Он в человеке относится к общему, но не к частному. «Объективный Дух есть носитель истории, объективированный Дух вводит в идеальное и вечное, первое пассивно, второе активно» [3]. Нравственная сила будет совершенством абсолютного Духа. Дух наделен силой давать смысл. Он экспансивен. «Царство Духа есть царство конфликта, а это предполагает свободу, где в бессилии высших категорий будет сила и свобода человека» [3, с. 270–272].

«Свобода духа предполагает горение духа», и с этой точки зрения Бердяева в историческом процессе наблюдаются затухание человеческого духовного огня. Это можно проследить на примере кризиса современного олимпийского движения и профессионального спорта, которые преподносятся в постмодерне как наивысшая цель бытия спорта, в результате чего стало появление «царства кесаря» – государств, обществ, религиозных движений, поработавших дух, культивирующих бездуховность или поверхностную религиозность.

В последнем приведенном утверждении Н.А. Бердяева проявляется единство мирового процесса, единство судеб человечества. Получается, что индивид, как централизация всего бытия, живет жизнью Божественного духовного бытия, совмещая ее с жизнью внутри всего материального мира и исторического процесса, также сотворенного Богом. Человек пропускает в себя, а также в то же время излучает из себя жизнь духовную, обозначая себя как сотворца Бога в материальном мире, сотворца всей божественной жизни и являясь ее важнейшей и активной составляющей.

3. Практическое выражение и взаимодействие божественного и человеческого в спортивной деятельности

В понимании проявления, действия и дальнейшего становления субъективного духа в спортивной деятельности и конкретных поступках, нельзя обойти стороной категории свободы и творчества. Для этого экзистенциального осмысления категории свободы по отношению к Божественному она принимает два вида: первичную, иррациональную, как потенциальную свободу, которую определяет гордыня духа с последующим отпадением от Бога, приводящим к рабству личности внутри мира объективной реальности. Это мир природы и общества, где человек сосуществует с иными его членами, поэтому, он вынужден соблюдать морально-нравственные нормы, созданные и принятые обществом и тем самым осуждая себя быть в зависимом рабстве у большинства. Вторичная свобода – будет свобода в Боге, в доброделании, в истине, поскольку

свобода, полученная от Бога – это разумная свобода, проявляется в осмыслении Бога и дальнейшего действия [9, с. 275–277].

Установив, что в человеке действует разумная свобода, которая может стать предпосылкой всякого познания, мы предполагаем переход к творчеству духа. Творчество, с точки зрения Бердяева, невозможно понимать как переходный процесс из одного состояния в другое, ведь в таком случае творящая причина обязана убывать в творении. Бытие обладает способностью видоизменяться, но в нем не присутствует творческое начало, поскольку только божественная природа способна создавать новое из ничего. Способность к созиданию также присутствует и в человеке – как в образе и подобии Божества, поскольку творение, осуществленное Богом, находит продолжение в деятельности человека.

«Творческий акт, как «Смысл творчества», по мысли Бердяева, предполагает моноплюрализм, выраженный в допущении множества свободных и самостоятельных созданий наравне с Существом Божиим» [1]. Но здесь, конечно и активность человека ограничена, что отличает ее от творческой деятельности Божества, поскольку люди не имеют абсолютную мощь [7, с. 58–65]. Но главное заключается в их подобии как потенциале раскрытия и соединения; здесь находится разгадка смысла творчества.

Еще одной из граней в понимании работы Духа в спортивной деятельности может стать труд Бердяева «О назначении человека», дающий конкретизацию и развитие данного вопроса, поскольку посвящен трактовке нравственности. Очень важным моментом здесь будет созданная философом этика, с помощью которой можно раскрыть верховенство блага как одного из источников силы и мощи, в отличие от сложившихся представлений о ценностях [7, с. 58–65]. Этическое начало в преодолении и развитии творческих сил спортсмена становится онтологией, поскольку позволяет через нравственный опыт получить универсальное измерение человеческой личности.

Проявление и развитие духовности также предполагает обязанности, поскольку она не может достигаться лишь одним притязанием. Если мы присмотримся к природе жертвенности в различных играх, то, согласно Бердяеву, можно увидеть, что через элемент страдания, который присутствует в тренировочном процессе, проигрыше и т. д., человек как бы искупает свое грехопадение, преобразуя свою низшую природу в природу высшую – божественную, превращаясь в «Нового Адама». Рождение духовного человека будет космогоническим процессом, своеобразным «обнаружением божественной любви в творении» или «новой стадией в свободе человека». Причем подобное освобождение должно снизойти только «сверху» – как из мира Божественного: «Энергия мира духовного, мира Божественного должна войти в нашу природную, греховную действительность и преобразить нашу природу, разорвать грани, разделяющие два мира» [2, с. 122]. Данный путь духовности практически всегда предполагает аскезу и жертву как личную или сверхличную, так и общественную, историческую.

По Бердяеву, аскеза – это способность обретения человеческого достоинства, поскольку освобождает индивида от рабства его низшей природы и окружающего мира. «Аскеза есть концентрация внутренней силы и овладение собой. Человеку нужно упражнение, нужна отрешенность и концентрация, чтобы он стал господином самого себя и стал способен с максимальной силой выполнить поставленную себе цель, хотя бы спортивную» [2, с. 122].

Аскезу можно воспринимать как в отрицательном, так и в положительном смысле. Положительная аскеза направлена на тренировку тела, «овладение телом при сохранении и увеличении его силы» [2, с. 400]. Со страстями же возможно бороться «пробуждением положительных, творческих духовных сил в человеке, направлением воли на высшие ценности» [3, с. 403].

Формы спортивной аскезы, проявляющиеся в различной деятельности, были весьма многообразны и традиционны внутри каждой общественной группы, но помимо этого изобреталась и практиковалась личная аскеза, правила которой вводились самим атлетом. В работе испанского философа-экзистенциалиста Х. Ортеги-и-Гассета «О спортивно-праздничном чувстве жизни» раздвигаются рамки общепринятого термина «спорт», доводя его до осознания «спортивности» как особого жизненного стиля, в котором превалирует установка на развитие своих личностных способностей, а также готовности быть активным и самосозидающим, соглашаясь стоически преодолевать различные конфликты и вызовы судьбы [8, с. 137–152].

В отрицательном смысле аскезу следует понимать, как неверие в возможность выявления творческих сил человека, поскольку означает лишь подавление или искоренение греховных страстей человека, тем самым не побуждая к любви, устремленности к положительным творческим ценностям. Подобная аскеза основана на пренебрежении к телесности, практика такой аскезы негативно сказывается на природе человека, вследствие чего он «сосредотачивается исключительно на греховности, всюду находит грех, в себе и других, и превращается в отрицательное существо, враждебное жизни» [2, с. 404]. Аскеты «нечеловеколюбивы, беспощадны», их занимает только своя сущность и свое спасение. Отрицательная аскеза вовсе не просветляет человека, а оставляет его в ужасном обскурантизме ума и обскурантизме нравственных оценок социальной жизни с очень слабой степенью гуманизации» [4, с. 140–144].

Для формирования и дальнейшего раскрытия потенциала человека, в том числе и в спортивной деятельности, обязательным условием является прорыв, одним из факторов которого является это пребывание в мире ноуменальном и трансцендентном, поскольку это весьма важно для развития нравственного поведения, а вместе с тем самосовершенствования. При рассмотрении вопроса в подобном ключе, мы понимаем, что недостаточно только воспитания или образования, ведь для формирования личностного духа или духовности, необходимым условием будет выступать положительная аскеза, выраженная в самопознании, самовоспитании и самосовершенствовании. Кроме этого, индивидуальное духовное начало содействует не только саморазвитию, но и творческому

пониманию и познанию окружающего мира [10, с. 415]. В таких рассуждениях о духовности раскрывается персонализм, в рассмотрении человека как Божьей идеи, определенного замысла и задачи, ведь именно качество Духа в нем, определяет его личность.

В ситуации духовного самоопределения творчество предстает как особый опыт на пути постижения и пересоздания мира, а постепенность и очевидность образов или действий, способствует сложению культурного архетипа, в котором творчество нередко выступает как аналог религиозной идеи самосовершенствования и спасения [5, с. 37–52].

Поэтому, когда человек начнет выполнять задачу духовной жизни, начнет выходить из собственной ограниченности и самопоглощенности, заикливаясь на рекордах, победах, преодолеет эгоцентризм, тогда можно будет сказать, что в мире в полной мере рождается новый тип понимания духовности и ее предназначение в спортивной деятельности. Это станет наступлением духовного совершеннолетия через преодоление дуализма, раздирающего и раздробляющего человеческую природу. Новое понимание духовности будет реализмом свободы, ключом к внутренней активности, творчеству, любви и милосердия, являя собой изменение и преображение мира.

4. Выводы

Таким образом, интеллектуальное наследие Бердяева и его манифест о трансцендирующих жизненных целях и ценностях человека может стать продуктивной формой выхода из кризиса современной интерпретации спортивной деятельности. Осознание потенциала творчества как события в бытии, обеспечивает воссоздание онтологической целостности сущности человека, культуры, духовности, возвращает спортивной и физкультурной деятельности религиозный смысл творчества с его трактовкой жизни как пути к спасению и оправданию. В таком переосмыслении спорта, экзистенциальные границы индивида преодолеваются свободным самополаганием и волеизъявлением его становления как личности, продвигаясь к трансцендентной цели, что будет более ценностным смыслом, нежели только механические цели как победа или рекорд, тем самым, сохраняя смысл творчества и религиозной идеи спасения, что получает значение новой духовности и обретает социально-исторический вектор развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – С. 351. – Текст : непосредственный.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1994. – С. 24–32. – Текст : непосредственный.
3. Бердяев, Н. А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. – 680 с. – Текст : непосредственный.
4. Богданова, М. А. О «положительной аскезе» в спорте / М. А. Богданова. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Социальная философия. – 2012. – № 10 (2). – С. 140–144.

5. Жукова, О. А. Философия новой духовности: творческий манифест Николая Бердяева / О. А. Жукова. – Текст : непосредственный // Из истории отечественной философии. – 2014. – № 4. – С. 37–52.
6. Ковалева, Г. П. Категория «духовности» в философии Н.А. Бердяева / Г. П. Ковалева. – Текст : непосредственный // Вестник КемГУКИ. Философия. – 2013. – № 22. – С. 178–189.
7. Корнилов, С. В. Философия «свободного духа» Николая Бердяева в проблемном поле европейской культуры / С. В. Корнилов. – Текст : непосредственный // Пространство и время. – 2018. – № 1–2 (31–32). – С. 58–65.
8. Ортега-и-Гассет, Х. О спортивно-праздничном чувстве жизни / Х. Ортега-и-Гассет. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 1991. – № 12. – С. 137–152.
9. Постнов, С. В. К проблеме особенностей экзистенциальной философии Н.А. Бердяева / С. В. Постнов. – Текст : непосредственный // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18. – Вып. 3 – С. 275–277.
10. Шергенг, Н. А. Субъективный дух как дух трансцендирования / Н. А. Шергенг, Н. Н. Харитоновна. – Текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 8. – С. 415.
11. Theism and Atheism: Opposing Arguments in Philosophy, 1st Edition // 718 pages // Graham Oppy Monash University, Australia, Joseph W. Koterski, S.J. Fordham University // Macmillan Reference USA. 2019.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smyslvorochestva* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, Pravda, 1989. Pp. 351.
2. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo duha* [The philosophy of free spirit]. Moscow, Respublika, 1994. Pp. 24-32.
3. Berdyaev. *Duh i real'nost'. Osnovy bogochelovecheskoj real'nosti* [Spirit and reality. Fundamentals of divine-human reality]. M.: AST; Har'kov: Folio, 2003. 680 p.
4. Bogdanova M.A. On “positive austerity” in sports. *Vestnik NGU. Social'naya filosofiya* = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Social Philosophy, 2012, No.10 (2), pp. 140-144. (In Russian).
5. Zhukova O.A. *Filosofiya novoj duhovnosti: tvorcheskij manifest Nikolaya Berdyaeva* [The philosophy of the new spirituality: the creative manifesto of Nikolai Berdyaev] *Iz istorii otechestvennoj filosofii* = From the history of Russian philosophy, 2014, p. 37-52.
6. Kovaleva G.P. The category of “spirituality” in the philosophy of N.A. Berdyaev. *Vestnik KemGUKI. Filosofiya* = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. Series: Philosophy, 2013, No. 22, pp. 178-189. (In Russian).
7. Kornilov S.V. The philosophy of the “free spirit” of Nikolai Berdyaev in the problem field of European culture. *Prostranstvo I vremya* = Space and Time, 2018, No. 1-2 (31-32), pp. 58-65. (In Russian).
8. Ortega-i-Gasset H. On the sports-festive sense of life. *Filosofskie nauki* = Philosophical sciences, 1991, No. 12, pp. 137-152. (In Russian).
9. Postnov S.V. To the problem of the peculiarities of existential philosophy of N.A. Berdyaev. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* = Bulletin of the Saratov University. New series. Philosophy Series. Psychology. Pedagogy, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 275-277. (In Russian).

10. Shergeng N.A., Haritonova N.N. The subjective spirit as the spirit of transcending. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* = International Journal of Experimental Education, 2015, No. 8, pp. 415. (In Russian).

11. Theism and Atheism: Opposing Arguments in Philosophy. Graham Oppy Monash University, Australia, Joseph W. Koterski, S.J. Fordham University. Macmillan Reference USA. 2019. 718 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бирюков, И. Л. Исследование духовного проявления в спортивной деятельности на основе методологии Н.А. Бердяева / И. Л. Бирюков, А. Г. Нагапетова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 79–89.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Biryukov I. L., Nagapetova A. G. The study of spirit manifestation in sports activities based on the methodology of N.A. Berdyaev / I. L. Biryukov, A. G. Nagapetova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 79–89. (In Russian).

УДК 1: 2-81: 130.2: 304.444

**СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ «НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ»
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ**

Б.Э. Кулакова

**THE SOCIAL ROLE OF "NON-TRADITIONAL RELIGIONS"
IN THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT
OF UNIVERSAL HUMAN VALUES**

B.E. Kulakova

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальных взаимоотношений религиозных культур в сфере повседневности. Разрешение этой проблемы расширяет границы многогранного изучения человека и общества, дает более широкие возможности для исследования конфликта мировоззрений межконфессионального социума. Автор анализирует причины усиливающейся роли конфессионального фактора в общественных процессах в формировании социальной коммуникации, как определяющем в социально-политической и идеологической жизни общества. Утверждается необходимость концептуально-образного осмысления данного фактора для взаимопонимания между людьми различных религиозных взглядов.

Abstract. The article deals with the problem of social relationships between religious cultures in the sphere of everyday life. The resolution of this problem expands the boundaries of the multifaceted study of man and society, gives wider opportunities for researching the conflict of worldviews of interfaith society. The author analyzes the reasons for the increasing role of confessional factor of the social processes in the formation of social communication as determining in the socio-political and ideological life of society. The need for a conceptual-figurative understanding of this factor for mutual understanding between people of different religious views is affirmed.

Ключевые слова: религиозная культура повседневности, традиционная и нетрадиционная религия, социальная реальность, межконфессиональные отношения, конфессиональных общностей, повседневность религии.

Keywords: everyday life religious culture, traditional and non-traditional religion, social reality, interfaith relations, confessional communities, everyday life of religion.

Актуальность рассмотрения проблемы межконфессиональных отношений в повседневности религии как важного и значимого общественного феномена позволяет говорить о том, что стабильное общественное развитие напрямую связано с тем, как формируются взаимоотношения между конфессиями, в позитивном или негативном ракурсе воспринимают друг друга верующие различных конфессий. Возрастающий интерес к межконфессиональной проблематике характерен для исследований на современном этапе развития общественных процессов поликонфессиональных государств. Социальная представленность культурно-религиозных ценностей и процессы конфессионального мировоззрения вошли в сферу научных исследований Э.Г. Филимонова, А. Кураева,

Д.Г. Курачева, С.Е. Бережного, И.П. Добаева, П.В. Крайнюченко, А. Барац, С.Н. Булгакова, Ю.А. Яковлевой, К. Каарияйнен, Д. Фурмана, Ю.А. Гаврилова, Е.Н. Кофановой, М.П. Мчедлова, А.Г. Шевченко и др. Большая часть исследователей в своих работах констатирует усиливающуюся роль конфессионального фактора в общественных процессах в формировании социальной коммуникации [1–6].

К примеру, Д.Г. Курачев рассматривает религиозные ориентации «как комплекс субъективно-культурных интенций, включенных в систему мировоззрения, несущих в себе важнейшие ценности и образующих интересобъективные религиозные «жизненные миры» [7]. По его мнению, религиозные ориентации можно выявить как во внутреннем мире человека, так и в социуме, поскольку «конфессиональная культура предполагает не отрицание её, а правильное прочтение и интерпретацию» [8]. Современный глобализм в условиях сосуществования разных конфессиональных общностей актуализирует дилемму «Мы» и «Они», что ведет к обострению общественного разграничения и размежевания по конфессиональному признаку.

Религиозные культуры, выполняя функцию социального контроля через ценностные ориентиры, которые регламентируют образ действий и выстраивают определенные отношения с одной стороны. Но с другой стороны, внутриконфессиональная консолидация и солидарность часто приводят к социальному разделению. Причиной этого становятся различия мировоззренческих ценностей и кодов символической и предметной сфер, со своеобразным стилем поведения людей, подчиненным установленным религиозным предписаниям.

В периоды беспрецедентного культурно-морального кризиса существует реальный спрос для появления и распространения нетрадиционных религий в обществе, где есть люди, желающие изменить свое миропонимание, стремящиеся к поиску истины и так называемому просветленному сознанию. Характерная черта современных нетрадиционных религий – это ориентация на социальное переустройство общества. Большая часть из них предлагает свою версию «совершенствования» или «спасения» человечества для сотворения идеального мира. Все такие модели «спасения» предлагают переход всего человечества в исповедуемую членами данного культа форму мировоззрения и «духовности». И часто именно эта иллюзорность социальных преобразований привлекает человека.

Появление термина «нетрадиционные религии», с одной стороны, стало результатом борьбы представителей нехарактерных для нашей культуры религиозных групп за свои религиозные права, потому что в советском религиоведении их причисляли к разряду сект. Так, например, в работах А. Дворкина «нетрадиционные религии» – это синоним слова секта, объединяющий все религии на территории нашей страны, кроме православных, мусульман и буддистов [9]. Как следствие это препятствовало всем видам деятельности новых религиозных организаций, а также вербовки новых

адептов, оскорбляло религиозные чувства. После многочисленных судебных разбирательств религиоведы стали использовать более политкорректный термин – «нетрадиционные религии». Это стало определённой политической победой нетрадиционных религий, так, например, президент центра обществ сознания Кришны в России Бхакти Вигьяна Госвами констатировал, что: «В делении религий на «традиционные» и «нетрадиционные» само по себе нет ничего предосудительного» [10].

Е.Г. Балагушкин в своей монографии использует термин «нетрадиционные религии» для обозначения наиболее влиятельных религиозных конфессий, широко распространившихся в нашей стране «начиная с 70-х годов, когда власти стали с беспокойством взирая на религиозных диссидентов» [16, с. 5]. В этой работе автор типологизировал новые религиозные движения. В основном он уделял внимание внешним, феноменологическим проявлениям нетрадиционных религий, а не их внутренней, структурно-функциональной организации [17]. Большинство нетрадиционных религий это организации со строгой иерархической структурой, во главе с харизматичным лидером и беспрекословным подчинением. Культ этих сект иногда экстравагантный, взаимоотношения с адептами строятся на технике психологического давления, а основное отличие – это тоталитарно-деструктивный характер деятельности, построенный на современных методах воздействия на личность, маскирующейся меркантильной сущностью духовной риторики в исключительно агрессивном прозелитизме [18].

Существенным мотивом приобщения человека к нетрадиционным религиям является то, что ответы и решения, даваемые официальной светской или церковной идеологией, не удовлетворяют его. Адепты нетрадиционных религий верят, что предлагаемые утопические программы сакрального совершенствования человека и общества чудодейственным образом разрешат все трудности современной цивилизации, а главное, незамедлительно решат и его личные проблемы. Как правило, адептом нетрадиционной религии становится человек, который ищет лёгкий путь в познании мира и духовности, и соответственно обретает его в некоем суррогате, при помощи которого его завлекают и используют с корыстными целями.

Увеличивающееся количество нетрадиционных религиозных организаций говорит о том, что церковь, как традиционно привычная форма религиозной организации, теряет авторитет в глазах населения. Возможно, люди находят путь к вере принципиально в обход церкви, которая у них ассоциируется часто с обрядами, нетерпимостью и консерватизмом. Традиционная религиозная культура в глазах некоторой части населения становится замкнутой субкультурой непривлекательной для современного человека [19].

Нетрадиционная религия появляется как оппозиционное либо альтернативное движение в религиозном направлении. Она претендует на исключительность или даже эксклюзивность исполняемой роли, идеи, формируемых ценностей и установок. Поэтому так остро проявляется стремление

к духовному возрождению её членов, требующее жесткого соблюдения установленного нравственного кодекса и ритуалов, где также четко выражены особенности организационной структуры.

Сегодня можно говорить о том, что число последователей нетрадиционных религий растет быстрее, чем численность верующих традиционных религий. Причинами этого являются не столько возросшая активность новоиспеченных религиозных проповедников, сколько развал целостности всей системы социальных идеалов, растущее массовое ощущение растерянности и незащищенности, потеря авторитета традиционных религий, когда догматы и каноны воспринимаются молодым поколением препятствием к самореализации. Привлекает и так называемая «семейная» атмосфера со способностью лидеров четко выражать цели организации со строгим выполнением моральных установок в сообществах.

Повседневностью религии является ее социальная роль и функционирование в реализуемых ежедневно социальных условиях, с формируемыми ею ценностями и нормами с возможными интерпретационными различиями, с последующим построением на них религиозных отношений и религиозной деятельности, составляющими ядро религиозно-конфессиональной жизни и ее проекцию во внешний, социальный мир. Повседневность – это естественные условия жизни человека, включающие совокупность функций, ценностей, норм и выстраиваемых на них взаимоотношений и действий, составляющих «мир» человека с его привязанностями, заботами, возможностями и потребностями с самого рождения и до завершения его жизненного пути, где недооценка или насильственное подавление которых чреваты личными трагедиями и социальными катастрофами [20, с. 334].

В силу причин повседневность религии приводит к религии повседневности, отличающейся весьма специфическими чертами, где строгий традиционный конфессионализм перестает играть роль важного ограничителя и внутреннего «цензора». Поэтому человек в силу обстоятельств обращается в своих духовных исканиях к различным религиозным направлениям, поскольку формальная конфессиональная принадлежность, избранная в поиске личной идентичности, как правило, очень далека от истинной веры.

Завершая всё сказанное выше, хотелось бы отметить, что религия вообще, равно как и нетрадиционные религии, в частности, были, есть и будут одним из определяющих факторов социально-политической и идеологической жизни общества. Основным мотивом обращения к нетрадиционным религиям является то, что человек не получает ответы и решения, предлагаемые официальной светской или церковной идеологией. Каждый адепт нетрадиционной религии надеется, что утопические программы сакрального совершенствования человека и общества чудодейственным образом решат все трудности современного мира, а главное, разрешат его личные проблемы в сфере повседневности.

Социум, представляющий различные конфессии дает негативную оценку действий со стороны представителей нетрадиционных религий, что

определяется, прежде всего, суждением о тоталитарности, асоциальности, деструктивности, а часто и манипуляцией сознания адептов. В последние годы в связи с растущей ролью в обществе РПЦ и высокой оценкой её деятельности населением, добавилось представление об «избыточности» нетрадиционных религиозных организаций. Борьба с культурой традиционных религий со стороны представителей нетрадиционных религий стала проявлением противоречий с существующей в нашей стране системой культурно-религиозных ценностей. Более того, это стало попыткой подорвать формирование общероссийской социальной реальности. Современные традиционные религии для этой борьбы подчинены необходимости вступать в союз друг с другом, что фактически смягчает межконфессиональные противоречия между ними и формирует более терпимое отношение друг к другу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филимонов, Э. Г. Русские религиозные традиции и особенности религиозного сознания / Э. Г. Филимонов. – Текст : непосредственный // Религии народов России : словарь / отв. ред. М. П. Мchedлов. – 2-е изд., доп. – М. : Республика, 2002. – 624 с. – С. 445–446.
2. Бережной, С. Е. Ислам и исламизм на Юге России / С. Е. Бережной, И. П. Добаев, П. В. Крайнюченко. – Текст : непосредственный // Южнороссийское обозрение. – 2003. – № 17. – 235 с.
3. Барац, Арье. Теология дополнительности. Принципы и перспективы иудео-христианского диалога / Арье Барац. – URL: <https://booksafe.net>. – Текст : электронный.
4. Булгаков, С. Н. Религиозно-философский путь / С. Н. Булгаков. – Текст : непосредственный // Межд. науч. конф., посвящённая 130-летию со дня рождения. Вып. 4 / науч. ред. А. П. Козырева ; сост. М. А. Васильева, А. П. Козырев. – М. : Русский путь, 2003. – 524 с.
5. Яковлева, Ю. А. Нетрадиционные религиозные организации и социальная среда (Дисфункциональность взаимодействия) / Ю. А. Яковлева. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2009. – № 3. – С. 100–108.
6. Каарияйнен, К. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / К. Каарияйнен, Д. Фурман. – М. : Летний сад, 2000. – 197 с. – Текст : непосредственный.
7. Курачев, Д. Г. Традиционные и нетрадиционные религиозные сообщества в контексте социальной стабильности и межконфессионального диалога / Д. Г. Курачев. – Текст : непосредственный // IV Российский философский конгресс «Философия и будущее цивилизации» : материалы докладов и выступлений. Т. II. – М. : Российское философское общество, 2005. – С. 646.
8. Курачев, Д. Г. Межконфессиональные отношения как формы социокультурного взаимовосприятия (Социально-философский анализ) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Д. Г. Курачев. – Уфа, 2005. – С. 424. – Текст : непосредственный.
9. Дворкин, А. Сектоведение. Тоталитарные секты / А. Дворкин. – Н. Новгород : Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. – 816 с. – Текст : непосредственный.
10. Международное общество сознания Кришны: Религиозные деятели России высказались о сектоборчестве, «традиционности» и «нетрадиционности». – URL: <http://www.krishna.ru/>. – Текст : электронный.

11. Балагушкин, Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России / Е. Г. Балагушкин. – М., 1999. – С. 5. – Текст : непосредственный.
12. Сыроваткин, А. Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А. Н. Сыроваткин. – Пятигорск, 2013. – С. 170. – Текст : непосредственный.
13. Лобазова, О. Ф. Деструктивные религиозные культы и социальная работа / О. Ф. Лобазова. – Текст : непосредственный // Социальная политика и социология. – 2011. – № 11(70). – С. 126–139.
14. Боева, Е. С. Нетрадиционные религиозные организации в российском обществе: факторы роста и оценки населения : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / Е. С. Боева. – Хабаровск, 2012. – 22 с. – Текст : непосредственный.
15. Фолиева, Т. А. Религиоведческие исследования повседневности: к постановке проблемы / Т. А. Фолиева. – Текст : непосредственный // Религия в меняющемся мире : сб. ст. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. – С. 331–343.

REFERENCES

1. Filimonov E.G. Russian Religious Traditions and Features of Religious Consciousness. Religions of the Peoples of Russia: Dictionary. M., Respublika, 2002, pp. 445–446.
2. Berezhnoy S.E., Dobaev I.P., Krainyuchenko P.V. Islam and Islamism in the South of Russia. Yuzhnorossiyskoye obozreniye = South Russian Review, 2003, No. 17, pp. 235. (In Russian).
3. Barats A. Theology of Complementarity. Principles and Perspectives of Judeo-Christian Dialogue. Available at: <https://booksafe.net>. (In Russian).
4. Bulgakov S.N. Religious and philosophical path. Mezhdunarodnaya Nauchnaya Konferentsiya, Posvyashchonnaya 130-letiyu so Dnya Rozhdeniya = International Scientific Conference Dedicated to the 130th Anniversary of the Birth, 2003, iss. 4, 524 p.
5. Yakovleva Yu.A. Non-traditional religious organizations and social environment (Dysfunctionality of interaction). Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost = Social Sciences and Modernity, 2009, No. 3, pp. 100–108. (In Russian).
6. Kaariainen K., Furman D. Staryye tserkvi, novyye veruyushchiye: Religiya v massovom soznanii postsovetsoy Rossii [Old Churches, New Believers: Religion in the Mass Consciousness of Post-Soviet Russia]. M., Letniy Sad, 2000, 197 p.
7. Kurachev D.G. Traditional and non-traditional religious communities in the context of social stability and interfaith dialogue. IV Rossiyskiy Filosofskiy Kongress "Filosofiya i Budushchiye Tsivilizatsii": Materialy Dokladov i Vystupleniy = IV Russian Philosophical Congress "Philosophy and Future Civilizations": Materials of Reports and Speeches, 2005, vol. II, p. 646. (In Russian).
8. Kurachev D.G. Mezhekfessional'nyye otnosheniya kak formy sotsiokul'turnogo vzaimovospriyatiya (Sotsial'no-filosofskiy analiz) [Interfaith Relations as a Form of Socio-Cultural Mutual Perception (Socio-Philosophical Analysis)]. Doctoral thesis, 2005. 424 p.
9. Dvorkin A. Sektovedeniye. Totalitarnyye sekty [Sectology. Totalitarian sects]. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Brotherhood in the Name of St. Prince Alexander Nevsky, 2002. 816 p.
10. Mezhdunarodnoye obshchestvo soznaniya Krishny: Religioznyye deyateli Rossii vyskazalis' o sektoborchestve, «traditsionnosti» i «netraditsionnosti» [International Society for Krishna Consciousness: Religious Leaders in Russia Spoke about Sectarianism, "Traditionalism" and "Non-Traditionalism"]. Available at: <http://www.krishna.ru/> (In Russian).

11. Balagushkin E.G. Netraditsionnyye religii v sovremennoy Rossii [Non-Traditional Religions in Modern Russia]. M., 1999. P. 5.

12. Syrovatkin A.N. Netraditsionnyye religioznye organizatsii v rossiyskom obshchestve: faktory rosta i otsenki naseleniya [The Destructive Influence of Non-Traditional Religious Movements on the Spiritual Security of Modern Russian society]. Abstract of candidate's thesis. Pyatigorsk, 2013. 170 p.

13. Lobazova O.F. Destructive religious cults and social work. Mezhdistsiplinarnyy Nauchno-prakticheskiy Zhurnal, Sotsial'naya Politika i Sotsiologiya = Interdisciplinary Scientific and Practical Journal, Social Policy and Sociology, 2011, No. 11(70), 2011, pp. 126-139. (In Russian).

14. Boyeva E.S. Netraditsionnyye religioznye organizatsii v rossiyskom obshchestve: faktory rosta i otsenki naseleniya [Non-Traditional Religious Organizations in Russian Society: Factors of Growth and Assessment of the Population]. Author's abstract of candidate's thesis. Pacific State University, 2012. 22 p.

15. Folieva T.A. Religious studies of everyday life: to the formulation of the problem. *Religiya v Menyayushchemsya Mire* = Religion in a Changing World, SPb., Publishing House of St. Petersburg State University, 2012, pp. 331-343. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кулакова, Б. Э. Социальная роль «нетрадиционных религий» в социокультурном контексте общечеловеческих ценностей / Б. Э. Кулакова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 90–96.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kulakova B. E. The Social Role of "Non-traditional Religions" in the Socio-cultural Context of Universal Human Values / B. E. Kulakova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 90–96. (In Russian).

УДК 069.1.316.42

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ СУЩНОСТЬ
МУЗЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

А.М. Руденко

**SOCIO-PHILOSOPHICAL ESSENCE
OF MUSEUM CULTURE AND ITS SIGNIFICANCE
FOR THE FORMATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS**

A.M. Rudenko

Аннотация. В статье раскрывается социально-философская сущность музейной культуры и ее значение в развитии исторического сознания. Подчеркивается, что современный музей является минимodelью мира, помогающей человеку ориентироваться в реальном мире, а историческое сознание воспитывается не только на уроках истории, но и в музее. Автор отмечает, что музейное пространство выступает для мыслящего человека условием развития растущих потребностей с последующим их необходимым удовлетворением. Музейная культура и развивающееся под ее воздействием историческое сознание выступают мощными средствами социализации личности, позволяющей ребенку и подростку стать человеком, воспринятым миром. Историческое сознание на основе приобщения к музейной культуре, основанное на изучении памятников прошлого, выступает прочной основой, помогающей извлекать из истории уроки для будущего. Развитие исторического сознания как части сознания требует неустанного творчества для воскрешения чистоты событийности в условиях смены времен.

Abstract. The article reveals the socio-philosophical essence of museum culture and its significance for the development of historical consciousness. It is emphasized that a modern museum is a minimodel of the world that helps people navigate the real world; the historical consciousness is brought up not only in history lessons but also in museums. The author notes that museum space is a condition for a thinking person to develop growing needs with their subsequent necessary satisfaction. Museum culture and historical consciousness developing under its influence are powerful means of socialization of the individual, which allows a child and a teenager to become a person perceived by the world. Historical consciousness based on familiarization with museum culture based on the study of the monuments of the past is a solid Foundation that helps to draw lessons from history for the future. The development of historical consciousness as part of consciousness requires relentless creativity to resurrect the purity of eventfulness in the conditions of changing times.

Ключевые слова: общество, социальная философия, историческое сознание, культура национальной безопасности, музей, музейная культура, человек.

Keywords: society, social philosophy, historical consciousness, national security culture, museum, museum culture, man.

Современный век призывает подрастающее поколение жить «в отсеке сегодняшнего дня», что воспитывает по отношению ко всему культурно-историческому наследию человечества потребительское отношение. Это

приводит к ценностному нигилизму, утрате исторической памяти, неразвитости исторического сознания, утрате здорового чувства патриотизма как гордости за свою страну, ее историю, ее достижения. Кроме того, все эти факторы не способствуют формированию у современного человека продуктивной творческой установки на сохранение и преумножение социокультурных достижений российского общества. В связи с этим одним из важнейших факторов, обеспечивающих устойчивое поступательное развитие современного российского общества, является формирование у человека музейной культуры, поскольку музей является пространством осуществления культурно-исторического диалога и ключевой формой приобщения человека к культурным ценностям.

Отмеченные тенденции в обществе требуют качественных изменений социально-экономических, политических и духовных сфер жизни общества с улучшением сферы образования и культуры потребления. Необходимо, чтобы современное общество было ориентировано на заботу о будущем человека, что связано с необходимостью формирования социального оптимизма для достижения сменяемых целей. Достижение этого предполагает развитие музейной культуры.

Исследования в области социальной философии, музеологии¹, культурологии, музейной педагогики и психологии, посвященные музейной культуре, позволяет выделить два основных подхода к ее трактовке:

1) **музейная культура** как музейный фонд, как набор музейных предметов и нематериальных ценностей (М.Е. Кайлен, А.А. Сундиева, Т.А. Соколова, Л.М. Шляхтина и др.) [11, с. 64]. Близким к этому подходу является определение А.А. Никоновой, которая определяет музейную культуру как способ существования, или процесс существования музея в обществе, а также как «совокупность всех составляющих музейного профессионализма и музейной деятельности, специфическую форму общения людей» [6]. По мнению А.А. Никоновой, в то время как музейный мир представляет собой внешнюю сферу сопричастности музея и общества, музейная культура отражает внутреннюю сферу институциональной деятельности музея, отражающую его специфику среди других институтов памяти. При таком подходе основой музейной культуры является профессионализм музейного сотрудника, который определяет не только достижение высоких показателей по обслуживанию посетителей музея, но и особенности его мотивации, система его устремлений, ценностей и смыслов труда. При таком подходе более точно следовало бы использовать не понятие «музейная культура», а понятие «культура музея», поскольку любой музей (и его материалы) является носителем культуры человечества в рамках музейного пространства, что является в свою очередь фактором личностного становления человека за счет его приобщения к ней. Это порождает второе трактование данного понятия;

¹ Музеология, или музееведение, – это научная дисциплина, появившаяся в конце XIX века и изучающая историю музеев, их общественные функции, теорию и методику музейного дела.

2) **музейная культура** как интегративное качество личности, характеризующееся такими свойствами, как «развитость интереса к музею до потребности, бережное отношение к памятникам культуры, нетерпимость к вандализму, осознание предмета в его связях с прошлым и настоящим, понимание изменчивости не только материальных ценностей, но и идеалов, способность извлекать информацию из первоисточника» [7, с. 74]. В этом смысле целесообразно говорить о музейной культуре человека как личности. Такого подхода к трактованию музейной культуры придерживаются: Е.Г. Ванслова, Е.Б. Медведева, Б.А. Столяров, С.О. Петрикова-Агафонова, А.А. Харитоновна, Т.В. Чумалова и др.

Музейная культура человека в узком, музеологическом значении – это уровень подготовленности посетителя музея к восприятию музейной информации, включающей собрание экспонатов, редчайших предметов, созданных предыдущими поколениями для совершенствования жизнедеятельности человека и общества в процессе смены эпох. Одним из критериев развитости музейной культуры в этом смысле выступает осознание ценности подлинника и специфичности музейного языка, а также умение ориентироваться в музейной среде.

Музейная культура человека в широком, социально-философском значении – это особое ценностное отношение человека к действительности, к предметам окружающего мира как объектам музейного значения, проявляющееся в бережном отношении к материальным и духовным ценностям. Важнейшим критерием развитости музейной культуры в этом смысле является подлинное уважение к истории и умение выявлять в реальной жизни предметы музейного значения. Безусловно, подобное отношение к миру требует не только когнитивной составляющей (наличие представлений и знаний о музеях, их многообразии, музейных экспонатах), но и эмоционально-ценностного (наличие интереса, проявление положительных эмоций и формирующееся на основе этого бережное отношение к культуре повседневной жизни), и деятельностного (проявление культуры, творчество, реализация умений самоутверждения) аспектов.

Музейная культура человека играет одну из важнейших ролей в развитии исторического сознания, поскольку современный музей является *мини-моделью мира, помогающей человеку ориентироваться в реальном мире*. Музеи хранят величайшие памятники культуры, созданные в различные исторические эпохи существования человечества, непосредственное знакомство с которыми в процессе посещения музея призвано развивать у человека интерес к истории.

Становлению музейной культуры человека как фактора развития исторического сознания способствует развитие **музееведения**, которое представляет собой научную дисциплину, которая изучает «специфическое музейное отношение человека к действительности и феномен музея, порожденный этим отношением» [5, с. 5]. Музееведение способствует развитию исторического

сознания тем, что исследует процессы сохранения и трансляции социально значимой информации с помощью музейных предметов, музейной деятельности и музейной культуры в целом. Не случайно в структуре музееведения, наряду с теорией музееведения, музейным источниковедением, музеографией, прикладным музееведением, музейной педагогикой, музейной психологией, музейной информатикой и музейной социологией, одним из разделов традиционно выступает история и историография.

То, что цель истории заключается в формировании исторического сознания, не вызывает сомнений. Важно указать на то, что в этом отношении огромная роль принадлежит музею и музейной культуре, которая является и фактором, и процессом и результатом ее формирования одновременно.

Историческое сознание, согласно А.А. Радугину, представляет собой одну из сторон общественного сознания, заключающуюся в совокупности представлений общества в целом и его отдельных социальных групп о своем прошлом и прошлом всего человечества [3, с. 10]. Более точно о функциональном содержании исторического сознания пишет Ю.А. Шестаков, отмечая, что историческое сознание, сводящее воедино прошлое, настоящее и будущее нации на основе аккумуляции исторического опыта, позволяет принимать «...наиболее оптимальные решения в настоящем и осуществлять адекватное смыслу существования нации целеполагание относительно будущего» [9, с. 54]. Важно подчеркнуть при этом, что историческое сознание человека имеет значение не только для настоящего, но и для будущего. Планирование жизнедеятельности должно всегда осуществляться на основе исторического опыта, с учетом его достижений и ошибок. Невозможно оценить настоящее, не соотнося его с прошлым и будущим. Невозможно оценить какое-либо достижение в рамках какого-либо явления или события действительности в системе поступательного социокультурного развития, если не знать его уровня развития в прошлом.

Историческое сознание воспитывается не только на уроках истории, но и в музее. Развитая музейная культура человека вносит колоссальный вклад в становление «...исторического сознания, которое способно сформировать личность россиянина как носителя культуры национальной безопасности, управляющую историческим процессом» [8, с. 51–56]. Она позволяет привить любовь к своей стране, к ее истории и выработать четкие позиции в оценке важнейших исторических событий. Стоит согласиться с Ю.А. Шестаковым, который убежден, что историческое сознание выступает важнейшей основой культуры национальной безопасности: «Вне исторического сознания невозможно познание ни культурно-специфического своеобразия формирования национальной безопасности, ни трансисторической ценностно-смысловой сущности национально-государственного или (как в случае с Россией) совпадающего с ним цивилизационного социума, ни оригинальности взаимоотношений личности, общества и государства в рамках соответствующего национально-государственного либо цивилизационного образования, ни сущности

развития конкретной цивилизации на фоне цивилизации мировой» [10, с. 23]. Музей, являющийся уникальным явлением истории и культуры человечества, является овестьствленным хранилищем времени, которое выступает одной из фундаментальных основ формирования исторического сознания человека, понимаемого как рефлексирование во временном континууме в системе «прошлое – настоящее – будущее».

Музейное пространство выступает для мыслящего человека условием развития растущих потребностей с последующим их необходимым удовлетворением. Сохраняемые в музее предметы старины привлекательны для познания человека потому, что позволяют разжигать в человеке неиссякаемый источник обогащения личности. Это дает прочную основу для спасения человека от ошибочных действий в его жизнедеятельности и становится фактором познания не только историко-культурного наследия, но и самого себя. В сознании человека и его поведении начинает прослеживаться логика учета процессов наследственности и преемственности. Все это побуждает человеческое устремление к достижению культуры национальной безопасности и защиты от современных рисков и угроз [12, с. 1–15].

Музейная культура и развивающееся под ее воздействием историческое сознание выступают мощными средствами социализации личности, позволяющей ребенку и подростку стать человеком, воспринятым миром. Отсутствие музейной культуры и развитого исторического сознания может иметь печальный результат: человек может стать изгоем, оказавшимся в ценностном вакууме. Стать полноценным человеком, быть принятым в среду воспитанных, грамотных, образованных, высококультурных, творческих и интеллигентных людей – очень важная цель любого человека, решаемая с помощью всестороннего познания окружающего мира и самого себя, которая, безусловно, требует также обширных исторических познаний. Достижение данной цели требует изучения современности в системе прошлого, настоящего и будущего (что должно становиться фактором уверенности в завтрашнем дне). Наряду с этим необходимо решать проблему самореализации личности. Чтобы жизнь состоялась, человеку следует избавляться от мистического восприятия жизни и встать в ряд самодостаточных людей. Для этого в познании окружающего мира нельзя останавливаться на достигнутом. Продолжая овладевать мудростью прошлого, необходимо помнить сократовский тезис: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Это должно служить импульсом к постоянному саморазвитию, накоплению богатого личностного потенциала и его последующей самореализации в личностных достижениях, которые, возможно, через определенное время станут ценностями сокровищницы мировой культуры. И не исключено, что они также будут иметь статус музейных экспонатов или обладать музейной ценностью.

В современном понимании **музей** (от греч. *museon* и от лат. *museum* – храм муз) – это «научно-исследовательское, научно-просветительское учреждение, которое хранит, изучает, выставляет, популяризирует произведения

искусства, предметы истории, науки, быта, промышленности и сельского хозяйства, материалы из жизни и деятельности великих людей» [2, с. 8]. Музей – это храм нашей памяти и в то же время фундаментальный исторический источник познания. Ценность этого источника, на наш взгляд, в современной культурной ситуации, призывающей «жить в отсеке сегодняшнего дня», недостаточно осознана. Далеко не все современные музеи популярны. Далеко не все люди систематически и с интересом посещают музеи, что представляется крайне печальным, поскольку «...нет человека, который бы не нашел для себя экспоната, выставки или музея по душе, ориентируясь на глубокий или спонтанный интерес» [2, с. 7]. Каждый музей имеет свои особенности, свой уникальный стиль, свои секреты и ресурсы в развитии и обеспечении страны духовным богатством. Но это богатство необходимо знать, понимать и ценить.

Историческое сознание на основе приобщения к музейной культуре, основанное на изучении памятников прошлого, выступает прочной основой, помогающей извлекать из истории уроки для будущего. Не случайно музей «как институт базируется на идее ценности культуры, историческом видении мира, основанном на внимании к прошлому и стремлении восстановить его во всей возможной полноте» [4, с. 215]. Развитие исторического сознания как части сознания требует неустанного творчества для воскрешения чистоты событийности в условиях смены времен. Диалектическая идея «все течет, все изменяется» порождает процесс распыленности в оценках исторических событий и вытесняется обновленными действиями человека в условиях повседневности. Фальсификация прошлого, к сожалению, имеет место в современном социокультурном пространстве. Она продуцируется в массовое сознание отдельными социальными группами и преподносится в суррогатных формах псевдоисторических фактов, начищая «металл для блеска» и ослепляя им глаза для восприятия. Стереотипность восприятия исторического прошлого со стороны массового сознания происходит из-за исторической неграмотности, потому что массовому человеку все время не хватает времени, чтобы углубляться в изучение истории.

Развитая музейная культура человека, формируя историческое сознание, дает человеку подтверждение идеи о цикличности и поступательности исторического процесса. В жизни все рано или поздно возвращается на круги своя, но имеет при этом определенные новшества. Многие события из века в век повторяются. Отечественные музеи дают прекрасный иллюстративный и фактологический материал, подтверждающий эту идею на примере исторического процесса российской истории XX века, в которой можно найти общие черты и с предыдущими веками:

- нулевые годы связаны с напряжением, оставленным предыдущими историческими явлениями, где угас идеал прожитых лет;
- десятилетия посвящены поиску идеала, который необходимо подкреплять;

- двадцатые годы отстаивают избранный ценностный мир, предполагаемый обновленными, более благополучными достижениями, чем в веке минувшем;

- образ жизни 30-х годов связан с проявлением подъема масс за достигнутые цели, и в них бушует энтузиазм;

- в течение 40-х годов – пролитие крови за идеал, при этом раскрываются многие теоретические положения в их несоответствии ожидаемым результатам;

- 50-е годы связаны с тем, что излечиваются ран и забывается цена идеала;

- 60-е годы возвращают эпоху трезвого восприятия истории;

- 70-е годы обнаруживают несоответствия между теорией и практикой, причем страна входит в кризис, показателем которого является расцвет бюрократии с переоценкой имеющихся возможностей, далеких от научного аналитического характера познания;

- 80-е годы – период духовной опустошенности, в котором анализу противостоит лакировка (обман, фальсификация) прошлого;

- 90-е годы – период, когда формируются затяжные противоречия тотального характера.

История имеет свойство пополняться действиями обновленных поколений, которые порой игнорируют уроки прошлого. События ушедших лет так быстро вынуждены покидать настоящее, не успевая оправдать лучшие достижения для будущего. Обращение к минувшему происходит в сложных противоречивых ситуациях, тогда возникает устремленность к тому, что из прошлого необходимо «взять огонь, а не пепел». Но вопреки всему, во все времена возрождалась *историческая наука*. Ее ближайшей опорой в ее службе человечеству выступали и продолжают выступать музеи, хранящие предметы старины (коллекции прошлых поколений любителей познания). Они вставляли на защиту ценностей уходящих эпох.

Таким образом, музейная культура человека играет ключевую роль в становлении исторического сознания. Утрата историчности сознания человека наносит непоправимый ущерб культурному наследию, созданному ушедшими поколениями, снижая оптимальность и полноценность условий для обогащения его будущего. В музейных же экспонатах полноценно и целостно раскрывается историческое прошлое, связанное жизнедеятельностью предков и их вкладом в социокультурное пространство предыдущих эпох. Не случайно в цивилизованных странах представители различных наций гордятся созданием и сохранением памятников глубокой старины. Они прекрасно осознают, какова их роль в образовании подрастающего поколения и развитии способности беречь ценности прошлого и настоящего во имя будущего. Все это вносит свой колоссальный вклад в формирование исторического сознания, которое выступает фактором развития общества, в котором сохраняется возможность, несмотря ни на какие постмодернистские лозунги, отстаивать вечные ценности и бессмертие человеческого гения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворожко, Ю. Н. Философия самореализации личности в современной культуре : монография / Ю. Н. Ворожко, Е. Е. Несмеянов, А. М. Руденко ; под общ. ред. А. М. Руденко. – Новочеркасск : Лик, 2015. – 168 с. – Текст : непосредственный.
2. Дашкова, Е. В. Музееведение : учебное пособие для вузов / Е. В. Дашкова, Е. Б. Ивушкина. – Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2009. – 197 с. – Текст : непосредственный.
3. История России (Россия в мировой цивилизации) : курс лекций / сост. и отв. ред. А. А. Радугин. – М. : Центр, 2001. – 352 с. – Текст : непосредственный.
4. Колесникова, А. Г. Социология культуры : учебник / А. Г. Колесникова, А. В. Матецкая, С. И. Самыгин ; под общ. ред. С. Н. Епифанцева. – М. : КНОРУС, 2017. – 246. – Текст : непосредственный.
5. Музееведение : учебное пособие для студентов специальности 031502 – музеология / Л. Г. Гужова [и др.] ; под ред. Н. В. Мягиной ; Владимирский государственный университет. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. – 116 с. – Текст : непосредственный.
6. Никонова, А. А. Музейная культура: pro et contra / А. А. Никонова. – Текст : электронный // Миссия музея в мультикультурном мире. Международный музейный форум. – Казань, 2015. – URL: <https://pureportal.spbu.ru/en/publications/>.
7. Харитонова, А. А. Формирование музейной культуры у старших дошкольников / А. А. Харитонова. – Текст : непосредственный // Начальная школа плюс До и После. – 2011. – № 3. – С. 73–77.
8. Шестаков, Ю. А. Детерминанты исторического сознания личности в контексте формирования культуры национальной безопасности / Ю. А. Шестаков. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 1 (92). – С. 51–56.
9. Шестаков, Ю. А. Историческое сознание как фактор стратегического противодействия угрозам национальной безопасности России / Ю. А. Шестаков. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 5. – С. 58–69.
10. Шестаков Ю.А. Методологические основания исторического сознания как фактора формирования культуры национальной безопасности Текст : непосредственный // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. – № 6 (91). – С. 22 – 26.
11. Шляхтина, Л. М. Музейно-педагогическая мысль в России : исторические очерки / Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница. – СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2006. – 271 с. – Текст : непосредственный.
12. Kovalev V. V. Administrative and public risks of the institute of city management, according to experts of the republic of Adygea / V. V. Kovalev, A. V. Dyatlov, A. M. Rudenko, A. A. Semenov, A. B. Ponomarev, S. I. Samygin // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. – 2019. – T. 6. – Special Edition. – № 142. – P. 1–15.

REFERENCES

1. Vorozhko Yu. N., Nesmeyanov E.E., Rudenko A.M. Filosofiya samorealizatsii lichnosti v sovremennoy kul'ture [The Philosophy of Self-Identity in Modern Culture]. Novocherkassk, Lik, 2015. 168 p.
2. Dashkova E. V. Ivushkina E.B. Muzeyevedeniye [Museology]. Shakhty: SRSUES Publishing House, 2009. 197 p.

3. Radugin A. A. Istoriya Rossii (Rossiya v mirovoy tsivilizatsii) [The History of Russia (Russia in the World Civilization)]. Moscow, Center, 2001. 352 p.
4. Kolesnikova A. G. Sotsiologiya kul'tury [The Sociology of Culture]. Moscow: KNORUS, 2017. 246 p.
5. Muzeyevedeniye [Museology]. Ed. by N. V. Myaglina. Vladimir, Vladimir State University Publishing House, 2010. 116 p.
6. Nikonova A. A. Muzeynaya kul'tura: pro et contra. Missiya muzeya v mul'tikul'turnom mi-re. Mezhdunarodnyy muzeynyy forum [Museum culture: pro et contra. Mission of the Museum in the multicultural world. International Museum Forum]. Kazan, 2015. Available at: <https://pureportal.spbu.ru/en/publications/> (In Russian).
7. Kharitonova A. A. The formation of museum culture in senior school students. Nachal'naya Shkola Plyus Do i Posle = Elementary School Plus before and after, 2011, No. 3, pp. 73-77. (In Russian).
8. Shestakov Yu. A. Determinants of historical consciousness of the individual in the context of the formation of the culture of national security. Gumanitarnyye i Sotsial'nyye Nauki = Humanities and Socio-Economic Sciences, 2017, No. 1(92), pp. 51-56. (In Russian).
9. Shestakov Yu. a. Historical consciousness as a factor of strategic counteraction to threats to national security of Russia. Gumanitarnyye i Sotsial'nyye Nauki = Humanities and Socio-Economic Sciences, 2016, No. 5, pp. 58-69. (In Russian).
10. Shestakov Yu. a. Methodological foundations of historical consciousness as a factor in the formation of national security culture Gumanitarnyye i Sotsial'nyye Nauki = Humanities and Socio-Economic Sciences, 2016, No. 6(91), pp. 22-26. (In Russian).
11. Shlyakhtina L. M. Muzeyno-pedagogicheskaya mysl' v Rossii: Istoricheskiye ocherki [Museum-Pedagogical Thought in Russia: Historical Essays]. SPb, SpbSUKA Publishing house, 2006. 271 p.
12. Kovalev V.V., Dyatlov A.V., Rudenko A.M., Semenov A.A., Ponamarev A.B., Samygin S.I. Administrative and public risks of the institute of city management, according to experts of the republic of Adygea. Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores, 2019, vol. 6, No. 142, pp. 1-15.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Руденко, А. М. Социально-философская сущность музейной культуры и ее значение в становлении исторического сознания / А. М. Руденко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 97–105.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rudenko A. M. Socio-philosophical Essence of Museum Culture and Its Significance for the Formation of Historical Consciousness / A. M. Rudenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 3, pp. 97–105. (In Russian).

УДК 101.1

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА КОНЦЕПТА:
КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА О РОЛИ ЯЗЫКА В ОБЩЕСТВЕ**

Ю.С. Цыганова, О.В. Четверикова

**THE SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF CONCEPTS:
COGNITIVE LINGUISTICS ON THE ROLE OF A LANGUAGE
IN SOCIETY**

Yu.S. Tsyganova, O.V. Chetverikova

Аннотация. Современный этап развития науки обозначен множеством специфических явлений, в числе которых – тяготение к интеграции наук, взаимная интерполяция научных терминов, теорий и учений, как следствие – взаимопроникновение методологий, обмен понятиями и методиками между научными областями, ранее казавшимися трудно совместимыми. Рассматривая вопрос в свете функционирования гуманитарной области современных наук, мы особо выделяем психо- и педсинергетику, синергетику социологии и истории. Специфическое место в этом ряду занимает лингвосинергетика как философское осмысление общих явлений самоорганизации языка и его саморегуляции в когнитивной плоскости. Целью нашего исследования является рассмотрение философских аспектов бытийного существования когнитивной лингвистики с учетом новейших подходов к раскрытию проблемы (в аспекте синергии и методологии философского учения о познании). В настоящей работе мы опираемся на общефилософские подходы к бытийному существованию концепта в его многомерности и онтологической системности, рассмотренные в работах, созданных в разные годы.

Abstract. The modern stage of scientific development is marked by a variety of specific phenomena including the tend to integrate sciences, mutual interpolation of scientific terms, theories and teachings and as a result the interpenetration of methodologies, the exchange of concepts and methods between scientific fields that previously seemed difficult to match. Considering the issue in the light of functioning of the humanitarian field of modern sciences we emphasize psycho-and pedagogical sinergetics, synergetics of sociology and history. A specific place in this series is occupied by linguosinergetics as a philosophical understanding of the general phenomena of self-organization of a language and its self-regulation in the cognitive plane. The purpose of our research is to consider the philosophical existential aspects of cognitive linguistics taking into account the latest approaches to solving the problem (in the aspect of synergy and methodology of the philosophical doctrine of knowledge). In this article, we rely on general philosophical approaches to the existence of a concept in its multidimensional and ontological system considered in the works published in different years.

Ключевые слова: автор, значение, концепт, общество, язык, картина мира, понятие, смысл.

Keywords: author, meaning, concept, society, language, world picture, notion, meaning.

Основная проблема современного состояния когнитивной лингвистики связана с возрастающей потребностью философского осмысления функционирования языка в обществе в его психолингвистической сущности. Ведущим методологическим подходом в философском осмыслении как когниции, так и теории языка в целом мы избрали методы когнитивно-синергетического анализа, наблюдения, герменевтического истолкования. Он опирается на идеи Дж. Делия, Дж. Келли, Д. Кэмпбелла, И. Меркулова, Л. Выготского, других ученых.

Лингвокультурология как отрасль научного знания располагается на стыке собственно лингвистики и культурологии. Её предмет – познание человека и следствий его взаимодействия с окружающим миром (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и др.). В ракурсе рассмотрения – взаимодействие языка и мышления, а также пути приобретения информации, её трансформации и сохранения в сознании человека (Л.О. Бутакова, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, О.В. Четверикова и др.). В связи со сказанным мы понимаем область интересов данного научного направления, обозначенного как психолингвистика (А.А. Залевская, В.А. Пищальникова и др.). С точки зрения философии рассматриваемая нами научная единица – концепт есть формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие.

Мнение ученых единодушно: концепт неоднороден и сложен по своей структуре. Многомерна и непроста его связь с языком и ментальным миром личности. В своё время В. фон Гумбольдт выяснил, что «там, где по наивной логике человеку дан непосредственный доступ к предметному миру, должно быть обнаружено опосредующее действие языка» [1, с. 59]. Поскольку язык – естественная знаковая система, то он одновременно изъясняет собою общественное явление. Отсюда его принадлежность и культуре, и философии.

При этом сам язык является одной из главных составляющих культуры и одновременно предметом философского осмысления его бытийного существования, герменевтического смыслового содержания и синергетического осмысления.

Основы теории концепта как основной единицы когнитивной лингвистики были заложены в Средние века Петром Абеляром, Гильбертом Порретанским, развиты в школах XIII века (модистов, Фомы Аквинского, Иоанна Дунса Скота и др.). Средневековые мыслители характеризовали речь как абсолютную сущность, которая наделена субъектностью, смыслоразделительной функцией, а такая функция может быть реализована только в смысловом единстве, поскольку она находится в неразрывном единстве с идеей творения и интенции, объективно характерной для субъекта и предполагающей акт обозначения и его результат – значение внутри обозначаемого.

Обращённость к «другому» объективно предполагала и обращённость к трансцендентному источнику слова – Богу. Отсюда, как это ни странно, она наделялась функцией речи жертвенной, по Абеляру, существующей как «концепт в душе слушателя» [2, с. 121]. Концепт трактовался следствием

идеалистического начала в философии, а именно – возвышенного духа. Как вариант трактовки выступал ум, который творчески создавал смыслы и помыслы (то есть нематериальные, по античной философии – идеальные проявления). Мыслители считали, что концепты создаются в пространстве нематериальной души с её ритмами, энергией, интонацией, а поэтому любой из концептов предельно субъектен, то есть идеалистичен.

Шла история, развивалось общество. Философия Нового времени заместила термин «концепт» определением «понятие» с присущей ему однозначностью трактовки и конвенциональной значимостью. Концептуальные акты смыслопорождения и смыслопонимания не включались в горизонт гносеологического философского анализа, ибо были просто вытеснены «за ненужностью».

В 1928 году русский философ С.А. Аскольдов-Алексеев впервые в отечественной науке использует термин «концепт»: «Концепт есть образование индивидуальной мысли, пригодное для осуществления всех значений, которые даются категориями общих имён» [3, с. 32]. Ученый делает упор на индивидуальном статусе концепта, исследует генезис его бытия в мире и роль индивидуального сознания в создании, существовании, осмыслении и индивидуальном наполнении концепта.

Вслед за лингвистическим «переворотом», который был явлен миру в философии 20-х гг. XX столетия, приходит динамичное рассмотрение и дискуссия о концепте как специфической познавательной форме, одновременно устанавливаются критерии его отличия от понятия. Согласно установкам современной лингвистической науки, концепты включают в себя не только понятийный, но и аксиологический и образный компоненты. Именно поэтому концепт, в отличие от понятия, имеет в виду наличие эмоциональной составляющей, базирующейся на переживании как внутреннем нематериальном акте. Все это дает обоснование несовпадению объёмов концептов в различных лингвокультурах.

Носители лингвокультурологического подхода (В.И. Карасик, Ю.С. Степанов и др.) изучают концепты в контексте представлений о них как о специфических семантических образованиях, зафиксированных лингвокультурной спецификой и, как и результат, отражающих самосознание языковой личности как части конкретной этнокультуры. Концептосфера изучается как главный производитель концептов, ибо она есть «сфера мысли», во многом устанавливающая самосознание и смыслонаполнение народа. В контексте лингвокультурологического подхода, по разработанной концепции ценностных доминант в языке, В.И. Карасик относит концепты к «первичным культурным образованиям, транслируемым в различные сферы бытия». Концепт, с точки зрения учёного, «является трехмерным образованием и содержит предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие» [4, с. 6].

Заметим, что лингвокультурологам принадлежит приоритет в выявлении и описании слоев и базовых основ содержания концепта. Так, понятийная

составляющая концепта, которая находит своё воплощение в этимологическом и современном лексическом значении слова, определяется по лексикографическим источникам; образно-метафорическая составляющая позволяет представить абстрактную сущность концепта в образах конкретных реалий, через метафору; ценностная составляющая, указывающая на аксиологическую значимость концепта, маркируется в эмотивно-экспрессивных языковых конструкциях, репрезентирующих отношение говорящего к предмету, явлению.

В психологии концепт рассматривается в качестве определенного мысленного образования, несущего заместительную функцию. Поскольку любой представитель рода человеческого несет индивидуальный культурный опыт, он как член данного национально-культурного сообщества является носителем концептов, культурной индивидуальностью. При этом речевая деятельность индивида определяется концептосферой языка и национальной концептосферой.

Особую роль когнитивная лингвистика отводит рассмотрению понятия «картина мира». Картина мира включает в себя и этнический компонент, содержащий специфическую языковую картину мира как некое множество традиций, обычаев, верований, мифов. Все это объективно составляет некий стереотип поведения представителей того или иного этноса. Языковая картина мира становится вместилищем ментального, т. е. она подходит исключительно под определённое языковое сознание.

Современный междисциплинарный подход диктует появление такого способа научного взаимодействия, как сетевое интеллектуальное сотрудничество, когда решение собственно научных задач происходит не по привычной модели вертикальной иерархии, а горизонтально. При этом все компоненты знания, необходимые для постановки и уяснения исследуемой учебной проблемы, признаются равноправными.

При таком подходе междисциплинарный научный проект выступает в качестве новой когнитивной сетевой структуры, объединяющей в единое целое так называемые дисциплинарные научные «узлы». Особую смысловую роль в таких узлах начинает играть когнитивная лингвистика, которая при известной доле субъективности восприятия окружающего мира, тем не менее, остается важным сетевым элементом, способным терминологически все свести воедино каркас сетевых узлов. Научное знание, гипотезы и теории исследования, иные компоненты научного познания оказываются «стянутыми» именно лингвокогницией в синергетическом сопряжении.

Так происходит актуализация смыслов научного познания, создаются разнокачественные научные исследования, которые сберегают свою неповторимую идентичность, но при этом в условиях междисциплинарности приобретают новый готовый материал из соседних «узлов» смежных научных конструкций. По словам философа и когнитивиста В.Г. Буданова, именно так получается их истинное логическое объединение, «или междисциплинарные процессы сборки» [5, с. 367]. Созданная в таком сопряжении

разных отраслей научного исследования, когнитивная система знаний может быть заключена в сознании конкретного ученого, а также быть распределена между отдельными сознаниями членов научного объединения, школы.

Мы исходим из современного представления о лингвосинергетике как качественно новом проявлении сетевой интеллектуальной структуры, представленной в качестве элемента-инварианта этой структуры. Выступая в качестве элемента-инварианта, лингвосинергетика задает стабильность и обеспечивает постоянство узлов во внутреннем составе интеллектуальной сети. При этом новое научное направление внутри когнитивной лингвистики с набором её универсальных надындивидуальных функций диктует сохранение когнитивных принципов и понятий, но одновременно – движение по новой траектории выбранной теоретической перспективы языка. Отсюда вытекает наличие компонента лингво- в предложенном определении «лингвосинергетика».

Так создаются условия для того, чтобы определить место нового направления в структуре современного научного знания и подчеркнуть её роль, с которой традиционные принципы и инструменты синергетики не справляются. Кроме того, в информационно-сетевой взаимообмен естественным путем привлекаются и другие структуры знания. Главным критерием их привлечения является эвристическая необходимость при исследовании лингвосинергетической проблемы.

Лингвосинергетика стала ответом на вызов времени. В самом начале такое определение закрепилось за лингвосинергетической теорией речевой деятельности. Данным направлением активно занимались И.А. Герман, В.А. Пищальникова и др. Но затем границы содержания термина стали постепенно раздвигаться и вобрали в себя лингвосинергетическую теорию текста, которой активно занимались А.Ю. Корбут, И.Ю. Моисеева.

Анализ тенденций развития научных исследований в области когнитивной лингвистики на современном этапе в разрезе философских методологических подходов свидетельствует о большей популярности определения «лингвосинергетика». Сказанное нами ранее об особой роли лингвистики и когниции в условиях функционирования сетевых интеллектуальных узлов, естественно, потребовало адекватного терминологического означения направления в науке, причем в самом названии заключающего тот особый статус, который приобрело данное направление науки о языке.

Основной единицей когнитивной лингвистики является концепт. В современной лингвосинергетике это тоже базовое понятие. Мы исходим из традиционного понимания концепта как явления многокомпонентного, функционирующего в большом числе измерений. Такая многоплановость концепта прочно связана «с его сложностью, внутренней расчлененностью» [6, с. 6].

Ряд учёных указывает на то, что в онтологическом проявлении концепт выступает в качестве эмерджентного когнитивного феномена. А раз плотно смысловых проявлений и видов концепта герменевтически истолковывается в том числе и в философских аспектах, то такая картина указывает на её общий,

схематический характер. Мы исходим из понимания концепта как динамической системы, саморазвивающейся, находящейся в постоянном движении, обретающей новые смыслы.

Концепт явился следствием эволюционного развития человеческого разума. Он стал следствием закономерного процесса усложнения психической формы материи. Являясь динамической системой, концепт сложен, многоаспектен. Это объясняется сложностью его как внутренней структуры, так и иерархической организации. Общеизвестен факт того, что место явления в природной иерархии определяет его динамику, равно как и скорость изменений окружающего поля. «Чем выше место феномена в иерархии, тем медленнее происходит процесс его изменения» [7, с. 91]. Многомерность, сложность концепта определяет разные векторы развития и разную скорость процессов трансформационных изменений концепта.

Рассматриваемая нами проблема когнитологии базируется не только на собственном научном аппарате, набором которого являются специфические лингвистические и языковые инструменты. Современная когнитивная лингвистика активно использует методологию и подходы философской науки, которая выработала свое видение когнитивного. Как мы выяснили, в истории становления когнитивной лингвистики на протяжении веков бок о бок с теорией языка шла философия. Важнейшим недостатком когнитивизма в современной науке считается отсутствие достаточно убедительных, подтвержденных лабораторно биологических оснований вычислительной природы когниции [8, с. 102–103].

Таким образом, мы внимательно рассмотрели новейший научный подход на стыке философии и лингвистики. Также уделили внимание основной единице и главной категории когнитивистики – концепту. Когниция как категория лингвистики напрямую связана с культурологией и социальной философией. Объективно философское учение о синергии привело к появлению отрасли когнитивной лингвистики, рядом современных философов обозначенной как когнитивная лингвосинергетика. Главная функция синергетического подхода к пониманию роли языка в обществе состоит в том, чтобы увидеть в текущем состоянии нелинейной системы те фрагменты, в которых различные процессы идут так, как они будут идти во всей языковой системе в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; под ред. Г. В. Рамишвили. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с. – Текст : непосредственный.
2. Абеляр, П. Теологические трактаты / П. Абеляр. – М. : Прогресс, Гнозис, 1995. – 411 с. – Текст : непосредственный.
3. Аскольдов-Алексеев, С. А. Антология феноменологической философии в России. Т. 1 / С. А. Аскольдов-Алексеев. – М. : Логос, 1998. – С. 30–32. – Текст : непосредственный.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с. – Текст : непосредственный.

5. Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы / В. Г. Буданов. – Текст : электронный // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред.: Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб. : Mipb, 2009. – С. 361–396. – URL: <http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting.html>.
6. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.
7. French R. M., Thomas E. The Dynamical Hypothesis in Cognitive Science: A Review Essay of Mind As Motion // *Minds and Machines*. – 2001. – Vol. 11, No 1. – P. 101–111.
8. vanOrden G. C., Holden J. G. Intentional contents and self-control // *Ecological Psychology*. – 2002. – Vol. 14, No 1. – P. 87–109.

REFERENCES

1. Humboldt W. von. *Izbrannye Trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. M., Progress, 1984. 398 p.
2. Abelard P. *Teologicheskie traktaty* [Theological Treatises]. M., 1995. 109 p.
3. Askoldov-Alekseev S.A. *Antologiya fenomenologicheskoy filosofii v Rossii* [The Anthology of Phenomenological Philosophy in Russia]. M., 1998, vol. 1, pp. 30–32.
4. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs: monogr* [A Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p.
5. Budanov V.G. *Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoy nauke: principy i perspektivy* [The Methodology of Synergetics in Post-Non-Classical Science: Principles and Prospects]. Available at: <http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting.html>. (In Russian).
6. Vorkachev S.G. Concept as «an umbrella term». *Yazyk, Soznanie, Kommunikaciya = Language, Consciousness, Communication*. M., MAKS Press, 2003, No. 24, pp. 5–12. (In Russian).
7. French R.M., Thomas E. The Dynamical Hypothesis in Cognitive Science: A Review Essay of Mind as Motion. *Minds and Machines*, 2001, Vol. 11, № 1, pp. 101–111.
8. van Orden G.C., Holden J.G. Intentional contents and self-control. *Ecological Psychology*, 2002, Vol. 14, No. 1, pp. 87–109.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Цыганова, Ю. С. Социокультурная динамика концепта: когнитивная лингвистика о роли языка в обществе / Ю.С. Цыганова, О.В. Четверикова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 106–112.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tsyganova Yu. S., Chetverikova O. V. The Socio-cultural Dynamics of Concepts: Cognitive Linguistics on the Role of a Language in Society / Yu. S. Tsyganova, O. V. Chetverikova // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2020, No. 3, pp. 106–112. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Арутюнян Марианна Мартуниевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь), e-mail: m.arutiunian@gmail.com

Arutyunian Marianna Martunievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, North-Caucasus Federal University (Stavropol); e-mail: m.arutiunian@gmail.com

Бирюков Игорь Леонидович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: birukoff26@gmail.com

Biryukov Igor Leonidovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: birukoff26@gmail.com

Ветров Юрий Павлович – проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», доктор педагогических наук, профессор (г. Армавир), e-mail: yurpvetrov@yandex.ru

Vetrov Yury Pavlovich – vice rector for research and innovative activity Armavir State Pedagogical University, doctor of pedagogical sciences, professor (Armavir), e-mail: yurpvetrov@yandex.ru

Галоян Вардуи Араратовна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: liagu@yandex.ru

Galoyan Vardui Araratovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: liagu@yandex.ru

Головлев Алексей Алексеевич – доктор географических наук, г. Самара; e-mail: dudarev51@mail.ru

Golovlev Alexey Alekseevich – Doctor of Geographical Sciences, Samara; e-mail: dudarev51@mail.ru

Даниленко Сергей Николаевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: vispirina@rambler.ru

Danilenko Sergey Nikolaevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: vispirina@rambler.ru

Долгополова Людмила Валерьевна – преподаватель ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»

Dolgopolova Lyudmila Valerievna – Teacher, Nevinnomyssk State Humanitarian Technical Institute

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Игропуло Ирина Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь), e-mail: igropulo@mail.ru

Igropulo Irina Fiodorovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, North-Caucasus Federal University (Stavropol), e-mail: igropulo@mail.ru

Кулакова Бэлла Эльбрусовна – кандидат философских наук, ведущий инженер дирекции Армавирского механико-технологического института (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (г. Армавир); e-mail: bellakull1968@mail.ru

Kulakova Bella Elbrusovna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Engineer of the Directorate of Armavir Mechanics Technological Institute (Branch), Kuban State Technological University (Armavir); e-mail: bellakull1968@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveyev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20-21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Мурадова Жанна Александровна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: m.j.a.197301@mail.ru

Muradova Zhanna Alexandrovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: m.j.a.197301@mail.ru

Нагапетова Анжела Герасимовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: anagapetova@yandex.ru

Nagapetova Angela Gerasimovna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: anagapetova@yandex.ru

Руденко Андрей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты Ростовской области, г. Шахты, Российская Федерация; e-mail: amrudenko@list.ru

Rudenko Andrey Mikhaylovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty (Shakhty), the Russian Federation; e-mail: amrudenko@list.ru

Спирина Валентина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: vispirina@rambler.ru

Spirina Valentina Ivanovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social, Special Pedagogy and Psychology, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: vispirina@rambler.ru

Хлудова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: lusi-nik@list.ru

Khludova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Research Assistant of Scientific Research Department, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: lusi-nik@list.ru

Цыганова Юлия Сергеевна – преподаватель кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: julijacyganova@rambler.ru

Tsyganova Yuliya Sergeevna – Lecturer of the Department of Russian Philology and Journalism, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: julijacyganova@rambler.ru

Четверикова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: chetverikova_o@mail.ru

Chetverikova Olga Vladimirovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: chetverikova_o@mail.ru

Шаповалов Валерий Кириллович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь), e-mail: shapovalov.v.k@gmail.com

Shapovalov Valery Kirillovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, North-Caucasus Federal University (Stavropol) e-mail: shapovalov.v.k@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 ноября 2020 года.

Дата выхода журнала – декабрь 2020 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки

Исторические науки и археология

Философские науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);
- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов¹, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **100 рублей**.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением *.doc.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (<http://vak.ed.gov.ru/316>).

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (не менее 8 страниц без списка литературы).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

¹ Как выяснить примерный объем статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1 800 и получаем количество страниц.

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54-57. (In Russian).

2. Lindorf L.S., Mamikonians L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

10) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 12.00.01
УДК 343.9.01

**АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ
НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ**

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

**ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS
OF NECESSARY DEFENCE**

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Koni is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy* = *European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационно-ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями

или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____»
(название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3 2020

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 8,15. Тираж 300 экз.
Заказ № 53/20.

Издатель:
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net